

Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Центр исследований Золотой Орды
и татарских ханств им. М.А. Усманова

А.В. Аксанов

**КАЗАНСКОЕ ХАНСТВО И МОСКОВСКАЯ РУСЬ:
МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ
ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Казань – 2016

УДК 94(470)
ББК 63.3(2Рос.Тат)
А 41

*Серия «История и культура Золотой Орды
и татарских ханств»*

Выпуск 20

Ответственный редактор

кандидат исторических наук *И.М. Миргалеев*

Научный редактор

доктор исторических наук, профессор *С.С. Пашин*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *И.Н. Данилевский*

доктор исторических наук, профессор *Я.Г. Солодкин*

Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования: Монография / Отв. ред. И.М. Миргалеев. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. – 288 с.

ISBN 978-5-94981-207-5

Монография посвящена одной из самых дискуссионных тем в историографии – взаимоотношениям Казанского ханства с Московским государством. В данной работе с помощью методов герменевтики и на основе текстологического анализа уточняется смысловое содержание известий, раскрываются особенности эволюции и факторы формирования представлений о казанско-московских отношениях. В результате существенно корректируются научные взгляды на проблему.

На обложке: фрагмент копии грамоты Ивана IV казанским князьям и мурмам с приглашением приехать на русскую службу от 1536 г. (РГАДА. Ф. 127. Оп. 2. Ед. хр. 6).

ISBN 978-5-94981-207-5

УДК 94(470)

ББК 63.3(2Рос.Тат)

© Аксанов А.В., 2016

© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016

© Центр исследований Золотой Орды

и татарских ханств им. М.А.Усманова, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (И.М. Миргалеев)	5
Введение	6

ГЛАВА I. Историки и источники

§ 1. Историография	8
§ 2. Теория и метод	36
§ 3. Источники	41

ГЛАВА II. Становление казанско-московских отношений (1445–1487 гг.)

§ 1. Образование Казанского ханства	50
§ 2. «Первая казанская война»	59
§ 3. Военное столкновение 1478 года	81
§ 4. «Казанское взятие» 1487 года	86

ГЛАВА III. Казанско-московские отношения в 1487–1521 гг.: от союза к противостоянию

§ 1. Борьба с Шибанидами и ногайцами	104
§ 2. Казанско-московская война 1505–1506 гг. и мирное урегулирование 1507–1518 гг.	124
§ 3. Первое правление Шах-Али в Казанском ханстве	140

ГЛАВА IV. Межгосударственные отношения в годы правления крымских и касимовских ханов в Казани (1521–1549 гг.)

§ 1. Смена внешнеполитического курса: свержение Шах-Али и начало правления Гиреев	151
§ 2. В фарватере московской политики: правление Джан-Али	171
§ 3. Второе правление Сафа-Гирея в Казани	174
§ 4. «О Казанской войне, как началась от великаго князя Ивана»: военно-дипломатическое противостояние 1545–1546 гг.	185
§ 5. Венчание на царство и начало войны за «обретение царства»	194

ГЛАВА V. Падение Казани (1549–1552 гг.)

§ 1. Второй поход Ивана IV на Казань	203
§ 2. Строительство Свияжска: переход к новой стратегии завоевания ханства	213
§ 3. Последнее правление Шах-Али в Казани: попытка мирного урегулирования или очередной этап завоевания ханства	224
§ 4. Последний поход Ивана IV на Казань	230
Заключение	253
Источники и литература	262
Список сокращений	287

ПРЕДИСЛОВИЕ

Более чем вековая история отношений Казанского ханства и Московской Руси уже в XIX веке стала предметом серьезных научных дискуссий. При этом в советский период данный вопрос практически не изучался, а на современном этапе исследователи часто повторяли ошибки дореволюционной историографии, связанные с проблемами понимания средневековых нарративных текстов. Тогда как монография А.В. Аксанова, написанная на основе широкого применения герменевтической методологии, уточняет и существенно расширяет семантические рамки известий о казанско-московских отношениях.

Каждый этап его исследования сопровождается текстологическим анализом исторических сведений, что в совокупности с применением герменевтики позволяет автору выявить политико-религиозные идеологические пассажи, которые ранее считались фактами исторической действительности и использовались в конкретно-исторических реконструкциях. К примеру, А.В. Аксанов определил, что представление официальных книжников о владычестве Ивана III над Казанью, на основе которого историки выделили период московского протектората (1487–1505/1521 гг.), отражает цели московского правительства, нежели юридически закрепленную политическую практику.

Вместе с тем, данная работа ставит новые, не менее важные проблемы, нуждающиеся в дальнейшем изучении. В этом смысле монография А.В. Аксанова представляется лишь вехой на пути всестороннего исследования не только казанско-московских отношений, но и политической истории позднесолотоордынских государств в целом.

И.М. Миргалеев

кандидат исторических наук

ВВЕДЕНИЕ

Одним из главных направлений отечественной исторической науки является изучение процесса формирования многонационального Российского государства. У истоков российской государственности стоит взаимодействие Руси с татарскими ханствами, образовавшимися в результате распада Золотой Орды. Присоединение народов Поволжья, явившееся следствием развития казанско-московских отношений, трансформировало Русь из православного Русского государства в полиэтничное и многоконфессиональное Российское царство. Эти перемены осознавались как современниками, так и потомками.

Именно поэтому казанско-московские отношения XV–XVI веков всегда привлекали внимание исследователей. Ученые – в силу недостаточности сведений, из-за проблем интерпретации средневековых источников, под влиянием социально-политических и других обстоятельств – по-разному характеризовали отношения двух государств. При этом зачастую мало внимания уделялось вопросам текстологии и интерпретации известий, что создавало непреодолимые трудности на пути понимания нарративных памятников, представляющих основной корпус источников по изучаемой теме. В итоге неясными оставались не только причины московско-казанских конфликтов, но и многие событийные сюжеты¹. В настоящем исследовании впервые предпринята попытка рассмотреть сообщения о казанско-московских отношениях с помощью методов герменевтики и на основании подробного текстологического анализа. Данный научный подход позволяет раскрыть смысловую нагрузку известий, избежать модернизации исторических явлений и верифицировать результаты предшествующих исследований.

¹ Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Казань, 2002; Присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству. Взгляд из XXI века. «Круглый стол» в Институте российской истории РАН. М., 2003; Падение Казани 1552 г.: потери и приобретения. Ответы на вопросы // Средневековые тюрко-татарские государства: Сборник статей. Выпуск 5: Вопросы источниковедения и историография истории средневековых тюрко-татарских государств. Казань, 2013. С. 139–151.

К тому же, на современном этапе развития исторической науки все еще идет процесс переосмысления дореволюционного и советского наследия. Необходимость преодоления идеологических штампов и применения новых подходов особенно актуальна для изучения истории Золотой Орды и татарских ханств, так как в советское время эта тема была табуированной, а ее репрезентация во многом строилась исходя из схематичных решений партийного руководства. В работах последних лет повторяются ошибки предшествующей историографии, о чем речь пойдет в основной части монографии.

Поставленный вопрос актуален и для национального самосознания россиян. В поисках решения национальных проблем политические деятели часто обращаются к историческому опыту образования и развития полиэтнических государств. Очевидно, что в этих условиях необходимо представить научно-адекватный взгляд на историческую действительность, поэтому исследование казанско-московских отношений имеет большое значение для понимания процесса складывания многонационального общества и формирования самосознания россиян.

Глава I

Историки и источники

§ 1. Историография

Изучение казанско-московских отношений XV–XVI вв. имеет давнюю традицию. Первые труды ученых по форме и содержанию сильно напоминают летописные своды: погодный принцип изложения и компилятивные летописные сведения лежат в основе исторических работ, созданных даже во второй половине XVIII века. Однако уже в конце XVII – начале XVIII вв. появились изыскания, по своему замыслу отличающиеся от средневековых сводов. Если летописцы стремились показать деяния правителей и народа накануне конца света¹, то более поздние авторы пытались прояснить вопросы появления и развития Российского государства.

На дореволюционном этапе научного осмысления тему московско-казанских отношений в своих сочинениях затрагивали А.И. Лызлов, А.И. Манкиев, В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов, П.И. Рычков, Г.Ф. Миллер, М.М. Щербатов, Н.М. Карамзин, К.Ф. Фукс, Н.Г. Устрялов, С.М. Соловьев, В.В. Вельяминов-Зернов, Н.И. Костомаров, Д.И. Иловайский, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов и другие ученые.

В «Скифской истории», датированной 1692 г., А.И. Лызлов писал, что Улу-Мухаммад возродил запустевшую после русского «пленения» Казань и начал «брань» против Руси. Чтобы отомстить за христианскую кровь, Иван III несколько раз посылал войска против хана Ибрагима, который, в конце концов, «поддался под государеву высокую руку»². А.И. Лызлов, следуя известиям Степенной книги и «Казанской истории», описал взятие Казани в 1487 г., поход на хана Мамука в 1496 г., московско-казанскую войну 1505–

¹ См.: Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004. С. 241–259.

² Лызлов А. Скифская история. Ч. I. СПб., 1776. С. 72.

1506 гг., свержение Шах-Али в 1521 г., следовавшие за этим военные столкновения и некоторые другие события. По его мысли, Русское государство беспрестанно терпело убытки «в людях и казне... от неукротимого и свирепого Казанского Царства», поэтому в 1552 г. Иван IV взял Казань и окончательно подчинил все ханство³.

В работе «Ядро Российской истории», написанной к 1715 г. и опубликованной в 1770 г., А.И. Манкиев обозначил лишь некоторые вехи московско-казанских отношений. Согласно ему, с 1487 г. казанские татары «сами под Русским владением стали, и Царей им Русские Самодержцы ставили»⁴. После смерти Василия III казанцы, не желая подчиняться русским государям, свергли московского ставленника. Иван IV, отправив войска на Казань, восстановил власть Шах-Али, но татары вновь «взбунтовались». По мысли А.И. Манкиева, царь не смог более терпеть «шатости» казанцев, в результате чего 2 октября 1552 г. взял город приступом, «и так Казанское царство всеконечно под Московскую державу пришло»⁵.

В.Н. Татищев считал, что войны между Москвой и Казанью начинались из-за измены казанцев и их вражды друг с другом. В его «Истории Российской» не только факты, но и оценки полностью заимствованы из официальных летописей. Так, основной причиной выступления войск Ивана IV на Казань называется «клятвопреступление» казанцев⁶.

«Краткий российский летописец» М.В. Ломоносова говорит об успешных действиях войск Ивана III против Казани, изменах казанцев и поражении русских при Василии III. Ученый почерпнул описание завоевания ханства из «Казанской истории» и заключил, что Иван IV «утвердил державу свою и Христианство»⁷.

На известия «Казанской истории» положился и П.И. Рычков, считавший воинственность казанцев главной причиной московско-казанских конфликтов. Согласно ему, политика Ивана IV по иско-

³ Лызлов А. Скифская история. Ч. I. СПб., 1776. С. 69–148.

⁴ Манкиев А.И. Ядро Российской истории. М., 1770. С. 173.

⁵ Там же. С. 191.

⁶ Татищев В.Н. История Российская. Т. III. М., 2005. С. 374, 457, 565.

⁷ Ломоносов М.В. Краткий российский летописец. СПб., 1760. С. 32.

ренению татарской власти в Казани и утверждению здесь христианства была оправдана жестокими поступками казанцев⁸.

Подобные размышления сохранились в трудах М.М. Щербатова и Г.Ф. Миллера. М.М. Щербатов полагал, что походы великих князей на Казань были лишь ответом на грабительские набеги татар⁹, а по Г.Ф. Миллеру, русские государи «притесняли» казанцев только из-за их враждебности¹⁰.

Н.М. Карамзин обратил внимание на дипломатические способности Ивана III, который, якобы, не платил дань казанцам, а подкупал их. В 1487 г. великий князь взял Казань и утвердил власть лояльного хана, но и не думал о присоединении ханства, так как русское войско еще не способно было контролировать такие обширные и многолюдные земли¹¹. Война 1505–1506 гг. началась из-за предательства Мухаммад-Амина. Военно-дипломатические усилия, предпринятые Василием III, оказались безрезультатными¹². Казанский хан Сафа-Гирей, уверяя в своем миролюбии и требуя от правительства Ивана IV ежегодных даров в знак уважения, не прекращал военные действия в ряде русских областей. Ответом Москвы стала война 1545–1552 гг., которая привела к покорению «Казанского царства»¹³.

По мнению ученого, Казанское ханство явно уступало Русскому государству по военному потенциалу, к тому же татары не умели вести оборонительные войны. Причина военных конфликтов заключалась в агрессивной внешней политике казанцев, которые постоянно совершали опустошительные набеги на окраины Русского государства¹⁴.

Более краткое описание московско-казанских отношений составил К.Ф. Фукс, согласно которому походы русских на Казань

⁸ Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. СПб., 1762. С. 66–69; Он же. Опыт Казанской истории древних и средних времен. СПб., 1767. С. 96, 114.

⁹ Щербатов М.М. История Российская от древних времен. Т. 4. Ч. 1. СПб., 1781. С. 594–595.

¹⁰ Миллер Г.Ф. О народах издревле в России обитавших. СПб., 1773. С. 65.

¹¹ Карамзин. М.Н. История государства Российского. Т. 6. СПб., 1819. С. 185.

¹² Там же. Т. 7. СПб., 1819. С. 8–10; 155–157.

¹³ Там же. Т. 8. СПб., 1819. С. 39–40; 114–115; 117–120; 165–185.

¹⁴ Там же. С. 114.

были вызваны казанскими набегами, войны возникали из-за того, что «вероломство Татар в хранении договоров было столь же велико, как слабость Русских в наказании»¹⁵. Аналогичным образом завоевательная политика московских государей была оправдана в работах М.С. Рыбушкина и Н. Баженова¹⁶.

Н.Г. Устрялов выделил две задачи московской политики на востоке: во-первых, необходимо было обезопасить границы от татарских набегов; во-вторых, русское правительство пыталось захватить волжский путь для борьбы с Ордой. Далее историк отметил, что «неоднократные походы воевод не имели успеха», определенных результатов удалось добиться только в 1487 г., когда русские «приступом» взяли Казань и сделали хана «данником». Однако во времена правления Василия III все эти достижения были сведены к нулю, окончательно ликвидировать угрозу казанских набегов и овладеть волжским путем удалось лишь благодаря решительным действиям Ивана IV¹⁷.

Враждебность казанцев подчеркивали Н.И. Костомаров и Д.И. Иловайский. Первый писал, что Русское государство постоянно оборонялось от обломков Золотой Орды, одним из которых было Казанское ханство¹⁸. А Д.И. Иловайский определил причину враждебности казанцев: они питали иллюзию о выплате старой дани. По словам историка, Иван III мстил «казанцам за их набеги и опустошения и старался поставить их в вассальные отношения к Москве»¹⁹, а Иван IV одержал победу над «хищнической» Казанью, освободив путь для русской колонизации Востока²⁰.

В.В. Вельяминов-Зернов впервые обратился к изучению касимовских ханов, некоторые из которых правили и в Казани, в связи с чем он рассмотрел соответствующие сюжеты московско-казанских

¹⁵ Фуке К.Ф. Краткая история города Казани. Казань, 1817. С. 15.

¹⁶ См.: Рыбушкин М. Краткая история города Казани. Ч. I. Казань, 1834; Баженов Н. Казанская история. Ч. I. Казанское царство. Ч. II. Покорение Казани. Ч. III. Казанская губерния. Казань, 1847.

¹⁷ Устрялов Н.Г. Русская история до 1855 года, в двух частях. Петрозаводск, 1997. С. 221, 223.

¹⁸ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1997. С. 253.

¹⁹ Иловайский Д.И. Собиратели Руси. М., 2003. С. 528.

²⁰ Он же. История России. Т. 2. М., 1884. С. 205.

отношений. По словам исследователя, московские великие князья использовали служилых ханов, отправляя их в Казань и поддерживая там «междоусобия и беспорядки»²¹.

По предположению Н.А. Фирсова, московско-казанские конфликты были обусловлены не политикой правительств, а недостатком «умственного и общественно-экономического развития» у народов Поволжья²². При этом ученый не показал, как этот «недостаток» влиял на отношения двух государств.

В сравнении с другими дореволюционными исследователями, С.М. Соловьев довольно содержательно отразил ход московско-казанских отношений, одним из первых указав при этом на существенные расхождения в источниках²³. По его словам, «Иоанну III вследствие внутренних смут в Казани удалось утвердить здесь свое влияние, посадить хана из своей руки, но этот хан под конец жизни Иоанновой свергнул с себя зависимость от Москвы»²⁴. Василий III, воюя с Казанью, пытался восстановить неравноправные отношения. С.М. Соловьев, в отличие от большинства своих предшественников, подчеркивал, что казанцы приступили к наступательным действиям со времен малолетства Ивана IV. Казань была завоевана «благодаря великодушным усилиям молодого государя», это событие произвело неизгладимое впечатление на современников и ближайших потомков, поскольку осознавалось первым завоеванием «и, что всего важнее, завоеванием Татарского царства: после многих веков страдания и унижения явился наконец царь на Руси, который возвратил ей счастливое время первых князей-завоевателей»²⁵.

Ученик С.М. Соловьева, В.О. Ключевский, не акцентировал внимание на изучении поставленного вопроса, он лишь заметил, что после распада Золотой Орды наибольшую опасность для Московского государства представляли Казанское и Крымское ханства²⁶.

²¹ Вельяминов-Зернов. В.В. Исследование о касимовских царях и царицах. Ч. 1. СПб., 1863. С. 27.

²² Фирсов Н.А. Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. Казань, 1866. С. 67.

²³ Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 3. М., 1989. С. 68–70, 261–265, 441–460.

²⁴ Там же. С. 460

²⁵ Там же.

²⁶ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. 2. М., 1987. С. 196.

Не отличались оригинальностью и представления С.Ф. Платонова, писавшего, что активизация восточной политики великого князя была вызвана постоянными набегами казанских татар на Русь. По его словам, «Иван III подчинил Казань своему влиянию и сделал своим подручником казанского хана», воспользовавшись «междоусобиями среди татар»²⁷.

В конце XIX – начале XX в. сформировалась татарская историческая наука. Историю Казанского ханства изучали Ибрагим Хальфин, Хусаин Амирханов, Шигабутдин Марджани, Хусаин Фаизханов, Габдельбари Баттал, Газиз Губайдуллин, Хади Атласи и другие национальные исследователи. По мнению Б.Л. Хамидуллина, «их произведения, в сравнении с трудами иноязычных историков, за счет привлечения более широкого круга источников подробнее и фактологически адекватнее отражали историю татарского народа, Казанского ханства в частности»²⁸.

Сложно судить, насколько адекватнее татарские историки писали о минувшем, хотя легко оценить, в какой степени их взгляды отличались от представлений классиков российской истории. Например, в обстоятельной работе «Казанское ханство», написанной Хади Атласи накануне Первой мировой войны и вобравшей в себя достижения основателей татарской исторической науки²⁹, повествуется, что Иван III пытался подчинить «Казанский юрт», пользуясь распрями среди претендентов на ханский престол, что и обусловило московско-казанские конфликты³⁰. То есть татарские исследователи иначе оценивали случившееся, зачастую они обвиняли в разжигании войны не казанских ханов, а московское правительство, противопоставляя свое мнение русской традиции историописания того периода.

Согласно заключению Б.Л. Хамидуллина, существенным недостатком татарской исторической науки конца XIX – начала XX в.

²⁷ Платонов С.Ф. Сочинения: В 2-х т. Т. 1. СПб., 1993. С. 188.

²⁸ Хамидуллин Б.Л. История Казанского ханства в трудах татарских историков конца XIX – начала XX веков. URL: <http://www.tataroved.ru/publication/tthan/9.html> (дата обращения: 21.01.2009).

²⁹ Алишев С.Х. Татар тарихчысы Хади Атласи // Атласи Һ.М. Себер тарихы. Сөен-бике. Казан ханлыгы (Тарихи эсэрлэр). Казан, 1992. Б. 3–15; Он же. Татар тарихчылары. Казан, 2006.

³⁰ Атласи Һ.М. Себер тарихы. Сөен-бике. Казан ханлыгы (Тарихи эсэрлэр). Казан, 1992.

была «слабость концептуальных основ исследований, что проявлялось в отсутствии четкой периодизации истории татарского народа в целом, и отдельных ее этапов в частности, фундаментального анализа этнополитических и социально-экономических факторов развития татарского народа и т.д.»³¹.

В целом, для российской историографии конца XVII – начала XX в. характерно преувеличение роли личности правителей. «Воля» государя словно определяла ход московско-казанских отношений и российской истории. Данное обстоятельство, скорее всего, было обусловлено господством монархической идеологии, приверженцами которой было большинство дореволюционных историков. Ученые переносили свои взгляды о роли монарха в современной им России на отдаленные эпохи³².

Общим местом в трудах упомянутых историков является и мнение о враждебности казанцев как основной причине конфликтов. В сущности, это модернизированное исследователями XVIII–XIX вв. представление русских летописцев, поскольку рассказ о великой роли государей и о природной враждебности казанцев – дело рук официального московского летописания, данные которого ставились в основу исторических концепций.

Несмотря на то, что в XIX в. интерес к российской истории возрос, появились новые университетские исследовательские центры, за счет деятельности археографических комиссий существенно расширился круг источников, фундаментальной ревизии представлений, сложившихся в историографии XVIII в., не произошло. Активизация научной деятельности на данном этапе привела лишь к расширению фактологической составляющей изысканий русских историков по указанной проблематике.

Относительно узкая источниковая база ученых XVIII в., пользовавшихся двумя-тремя летописями, в XIX в. была расширена. В научный оборот, помимо официальных летописей, вошли провин-

³¹ Хамидуллин Б.Л. История Казанского ханства в трудах татарских историков.

³² Котляров Д.А. Досоветская историография о присоединении Поволжья к России // Исследования по русской истории. Сб. ст. к 65-летию профессора И.Я. Фроянова. СПб.; Ижевск, 2001. С. 168; Баданов В.Г. Русской истории оберегатель (Жизнь и творчество Н.Г. Устрялова) // Устрялов Н.Г. Русская история до 1855 года. С. 15.

циальные (Новгородская четвертая, Устюжская и Архангелогородская летописи), стали использоваться дипломатические памятники и разрядные записи. Круг привлекаемых сведений постоянно расширялся, повествование становилось все более подробным, что, безусловно, является положительным моментом, однако это не способствовало пересмотру некоторых устоявшихся положений. Виной тому – особая организация научной деятельности и своеобразие задач, которые ставила перед исследователями эпоха. Такие историки, как Н.М. Карамзин, Н.Г. Устрялов, С.М. Соловьев, Н.И. Костомаров, Д.И. Иловайский, В.О. Ключевский и С.Ф. Платонов, не оставили трудов, специально посвященных московско-казанским отношениям, данная проблема была исследована ими лишь в русле изучения более глобальных вопросов. Они выполняли заказ общества и государства на создание истории России, каждый период которой был актуален для исследования. Отсюда – масштабность тематики их основных произведений. Историки не заостряли внимания на изучении московско-казанских отношений, а брали более широкие темы, поэтому мало кто задумывался над проблемой пересмотра устоявшихся схем, являющихся основой для характеристики отношений двух государств. Новые источники, вводившиеся в научный оборот, служили лишь средством подтверждения «генеральной концепции», заключающейся в том, что Казанское ханство является типичным осколком Золотой Орды, унаследовавшим, вместе с другими ханствами, хищническую политику по отношению к Руси.

Советский этап изучения московско-казанских отношений начался с попыток материалистического переосмысления событий. В это время данную тематику, так или иначе, разрабатывали М.Н. Покровский, Н.Н. Фирсов, М.Г. Худяков, К.В. Базилевич, В.В. Мавродин, Б.Д. Греков, А.Ю. Якубовский, Ш.Ф. Мухамедьяров, М.А. Усманов, И.Б. Греков, А.А. Зимин, А.Л. Хорошкевич и другие ученые.

М.Н. Покровский, ставший сторонником марксизма еще до революции, выделил два основных фактора, обусловивших военные конфликты и завоевание Казанского ханства. Во-первых, торговый капитал московского государства стремился к контролю над волжским путем, во-вторых, плодородные земли Среднего Поволжья привлекали малоземельных дворян. Слияние этих интересов и выступало

главным мотивом подчинения Казани³³. О торгово-промышленных интересах русского народа в Поволжье писал и Н.Н. Фирсов, заметивший при этом, что успехам московских войск способствовала и нестабильная политическая обстановка в Казани³⁴.

Появились труды, целиком посвященные истории московско-казанских отношений. Так, в 1923 г. увидела свет монография М.Г. Худякова, который задействовал широкий круг источников (Софийская вторая, Воскресенская, Новгородская, Устюжская летописи, Царственная книга, «Казанская история», Посольские документы и другие источники).

Как уже говорилось, в 1920-е годы отечественная историческая наука переживала методологическую перестройку на марксистский лад. В русле этого учения М.Г. Худяков выявил экономическую основу Казанского ханства – торгово-промышленный характер производства с большой ролью рабства. Логика исследователя такова: в результате московско-казанских войн в руки татар попадали русские пленники, следовательно, целью казанцев были рабы для ремесленного производства; в Казани была развита торговля, поэтому рабы могли идти и на продажу в Орду. Ученый говорил о том, что Русское государство боролось с практикой работорговли и рабовладения, поэтому конфликтовало с восточным соседом. Все эти рассуждения сводились к мысли о социально-экономическом антагонизме рабовладельческой Казани и феодальной Москвы. Причем историк, не указав на расхождения в источниках и не выявив их причины, пытался совместить информацию из официальных и провинциальных летописей, порой противоречащих друг другу, модернизировал значение слова «полон», подогнав его под свою концепцию³⁵.

Впрочем, труд М.Г. Худякова является первым фундаментальным исследованием по данной проблематике и имеет ряд неоспоримых достоинств. Ученый предложил обоснованную периодизацию истории Казанского ханства, с незначительными поправками

³³ Покровский М.Н. Русская история с древних времен // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 1. М., 1966. С. 290–291, 294–296; Он же. Русская история в самом сжатом очерке // Там же. Кн. 3. М., 1967. С. 53.

³⁴ Фирсов Н.Н. Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. Казань, 1920. С. 73.

³⁵ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. С. 43.

принятую следующими поколениями историков. Он выделил четыре основных периода, связав их с характером московско-казанских отношений: «Период могущества ханства (1438–1487 гг.)», «Эпоха русского протектората (1487–1521 гг.)», «Эпоха национального возрождения (1521–1550 гг.) и «Падение Казанского ханства (1551–1556 гг.)». М.Г. Худяков дополнил картину событий множеством новых фактов и составил одно из самых подробных повествований, содержащее немало научных гипотез, которые мы рассмотрим ниже. Наконец, он впервые внимательно рассмотрел внутривосточную жизнь Казанского ханства, показав ее в контексте межгосударственных отношений.

Не обошли стороной «казанский вопрос» и ученые, после 1917 г. эмигрировавшие из России. В 1922 г. в Мюнхене впервые была опубликована «История России» Е.Ф. Шмурло, который считал «Краткую историю России» С.Ф. Платонова устаревшей и создал новое пособие по данному курсу. В оценке московско-казанских отношений историк недалеко ушел от позиций дореволюционных исследователей. Он писал, что русские князья проводили активную политику на Востоке «для ограждения себя от постоянных набегов казанских татар»³⁶. С мнением Е.Ф. Шмурло согласился В.Г. Вернадский, считавший регулярные набеги казанцев на Русь основной причиной обострения отношений двух государств. Однако В.Г. Вернадский выделил еще один фактор военных столкновений – конкуренцию московских и казанских купцов на восточных рынках, а также борьбу русских за контроль над волжским торговым путем³⁷.

Во второй половине 1930-х гг., в связи с постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР», развитие отечественной исторической науки было скорректировано и, по замечанию Д.А. Котлярова, изменились оценки историков относительно проблемы вхождения Поволжья в состав России³⁸. В учебниках, изданных в предвоенные годы, среди основных причин завоевания Казани, помимо необходимости контроля над волжским путем и стремления обеспечить дво-

³⁶ Шмурло Е.Ф. История России. 862–1917 годы. М., 1997. С. 145.

³⁷ Вернадский В.Г. Россия в средние века. М.; Тверь, 1997. С. 92–93.

³⁸ Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: У истоков национальной политики России. Ижевск, 2005. С. 21.

рян земель и крепостными, приводится тезис об угрозе татарских набегов на русские земли³⁹.

Еще одну попытку проанализировать московско-казанские отношения сквозь призму марксистской теории предпринял В.В. Мавродин, который, в отличие от М.Г. Худякова, считал Казанское ханство государством, находившимся не на рабовладельческой, а на феодальной стадии развития. По его словам, «Казанское царство раздиралось внутренними противоречиями, обусловленными переплетением классового и национального угнетения, ослаблялось в процессе борьбы отдельных феодальных групп..., этим пользовался Иван III, обороняясь от казанских татар и готовя поход против них»⁴⁰.

В данном случае В.В. Мавродин четко обозначил одну из причин упадка Казанского ханства – внутреннюю социально-политическую нестабильность. При этом не совсем понятно положение об оборонительном характере действий Москвы: как ослабевшее от внутренних противоречий Казанское ханство могло осуществлять захватнические походы на территорию более сильного соседа?

Во второй половине 40-х гг. историки продолжили развивать тезис о внешних угрозах, мотивировавших завоевание Поволжья. И.И. Смирнов утверждал, что Казанское ханство попало под османский протекторат, поэтому война с Казанью рассматривалась как борьба с турецкой экспансией⁴¹. Так родился историографический миф о турецком факторе московско-казанских отношений, принятый на вооружение некоторыми другими историками⁴² и обстоятельно развенчанный только в конце XX – начале XXI века⁴³.

³⁹ Лебедев В.И., Греков Б.Д., Бахрушин С.В. История СССР. Т. 1. С древних времен до конца XVIII века. Учебник для исторических факультетов государственных университетов и педагогич. институтов. М., 1939. С. 364–367; Базилевич К.В., Бахрушин С.В., Панкратова А.М., Фохт А.В. История СССР. Учебник для VIII класса средней школы. М., 1940. С. 130–132.

⁴⁰ Мавродин В.В. Образование Русского национального государства. М.; Л., 1939. С. 146.

⁴¹ Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. Т. 27. М., 1948. С. 18.

⁴² См. напр.: Наякшин К.Я. К вопросу о присоединении Среднего Поволжья к России // Вопросы истории. 1951. № 4. С. 109–110; Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы «Казанского войны» (1545–1549) // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 6. М., 1954. С. 194–199; Бурдей Г.Д. Взаимоотношения России с Турцией и Крымом в период борьбы

К.В. Базилевич, используя практически ту же источниковую базу, что и М.Г. Худяков, отдавал предпочтение великокняжеским сводам, с помощью которых оправдывал политику Москвы. Он утверждал, что противоречия возникали из-за сложившейся в Казани «иждивенческо-экономической системы, привыкшей питаться за счет русской дани и грабительских набегов»⁴⁴.

В работе Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского указывается на то, что Казанское ханство было государством земледельческого уклада, его население – волжские болгары – было мало подвержено монгольскому влиянию в этническом и культурном планах. В то же время Казань была важным культурным центром и сама оказывала влияние на степные ханства. При этом «с Казанским ханством дружить было трудно, оно стояло у самых границ Руси, с ним нужно было вести борьбу»⁴⁵. Более глубоких причин конфликта исследователи не показали.

Казанские историки быстро подхватили гипотезу о «турецко-крымском иге», тормозившем развитие народов Среднего Поволжья и вызвавшем недовольство многих казанцев. Согласно им, для свержения турецко-крымской власти жители ханства якобы обратились к союзу с Россией, что привело к присоединению Поволжья⁴⁶.

за Поволжье в 40–50 годах XVI века // Ученые записки Саратовского гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. Т. 47. Харьков, 1956. Вып. историч. С. 183–202; Он же. Борьба России за Среднее и Нижнее Поволжье в XVI в. // Преподавание истории в школе. 1954. № 5. С. 27–36.

⁴³ См.: Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 212; Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю. Россия и Турция (проблемы формирования границ). М., 1999. С. 14; Зайцев И.В. Историография истории отношений постордынских «юртов» с Россией и Османской империей // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2001. С. 283–292; Он же. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI века). М., 2004. С. 121–128.

⁴⁴ Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства во второй половине XV века. М., 1950. С. 70.

⁴⁵ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 417.

⁴⁶ См.: Калинин Н.Ф. Казань. Исторический очерк. Казань, 1952. С. 27–39; История Татарской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Т. 1. Казань, 1955. С. 133–141; Гимади Х.Г. Об

Подобный концепт хорошо вписывался в национальную политику Советского Союза, однако сведения даже официальных сводов не подтверждают это положение.

В 1951 г. Ш.Ф. Мухамедьяров защитил диссертацию на тему «Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.)». Исходя из формационной теории, автор тщательно проанализировал массивный пласт источников и изучил важнейшие аспекты внутренней жизни Казанского ханства. Но вопрос о московско-казанских отношениях не входил в проблематику исследования и в работе практически не затрагивается⁴⁷.

В 1950–1960-е годы столичные историки продолжили использовать тезис об агрессивной политике казанских феодалов для объяснения конфликтов между двумя государствами⁴⁸, наряду с этим популяризируется и гипотеза о «добровольном присоединении» народов Поволжья к России⁴⁹.

М.Г. Сафаргалиев, сравнив ярлыки Тимур-Кутлука и Сахиб-Гирея, указал на сходство политического уклада Казанского ханства и Золотой Орды. Развивая мысль, он заключил, что Казань вела по от-

историческом значении присоединения Татарии к Русскому государству // Известия Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 1. Казань, 1955. С. 3–5; Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967. С. 11; История Татарской АССР. Казань, 1968. С. 90–94; Ишмухаметов З.А. Социальная роль и эволюция ислама в Татарии. (Исторические очерки). Казань, 1979.

⁴⁷ Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.). Казань, 2012.

⁴⁸ См.: Копанев А.И., Манков А.Г., Носов Н.Е. Очерки истории СССР (конец XV – начало XVII века). Л., 1957. С. 80; Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 874–887; Сахаров А.М. Международное положение русских земель и внешняя политика Руси в 60–80-х годах XV века // История СССР с древнейших времен до 1861 года. Т. 1. М., 1964. С. 225; Хорошкевич А.Л. Образование единого Российского государства // История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 2. М., 1966. С. 123.

⁴⁹ Хамидуллин Б.Л., И.Л. Измайлов. Отечественная историография Казанского ханства 1960–80-х годов // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. статей. Вып. 1. Материалы всероссийской научно-практической конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья в XVI–XIX вв.», посвященной 80-летию юбилею доктора исторических наук С.Х. Алишева (г. Казань, 24 марта 2009 г.). Казань, 2010. С. 86.

ношению к Руси такую же агрессивную политику, как и Золотая Орда, от этого страдало и нетатарское население (мордва, чуваша, удмурты, мари, башкиры), насильственно присоединенное к ханству⁵⁰.

А.А. Зимин, исследовавший историю Русского государства XV–XVI вв., уделил внимание и «казанскому вопросу». По его мнению, московское правительство реагировало как на походы казанцев, так и на политическую нестабильность внутри ханства. Ученый большое значение придавал аристократическим партиям Казани. Он полагал, что во второй половине XV в. основная часть политической элиты Казанского ханства была настроена антирусски. В 1487 г. Казань попала в политическую зависимость от Москвы, часть татарской знати продолжала сопротивляться, хотя «наиболее дальновидные князья и мурзы начинают понимать несомненные выгоды для себя союза с могущественной Россией»⁵¹. Однако, по словам ученого, «южные приобретения сделали Россию непосредственным соседом Крыма, что заставило «крымского царя» приступить к созданию антирусской коалиции, в которую должны были войти Великое княжество Литовское и Ногаи, а существенным звеном должна была стать Казань»⁵². А.А. Зимин вновь указал на то, что в XVI в. экономические потребности России резко возросли: русское дворянство желало присоединения плодородных земель Среднего Поволжья, а московское купечество стремилось контролировать волжский торговый путь⁵³.

В 1960-е гг. наблюдается всплеск интереса к проблематике московско-казанских отношений и в англоязычной литературе. Дж. Феннел считал, что Казанское ханство, подобно Золотой Орде, проводило враждебную политику по отношению к Руси, Иван III пытался нейтрализовать Казань и обезопасить восточные и южные границы⁵⁴. Другие историки, подвергнув ряд летописных сообще-

⁵⁰ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 251–257.

⁵¹ Зимин А.А. Россия на рубеже XIV–XVI столетий: Очерки социально-политической истории. М., 1982. С. 71.

⁵² Он же. Россия на пороге нового времени: Очерки политической истории России первой трети XVI в. М., 1972. С. 68.

⁵³ Он же. Укрепление Российского государства. Народы Поволжья и Приуралья в XVI веке // История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 2. С. 167.

⁵⁴ Fennel J. Ivan the Great of Moscow. London, 1961. P. 19–28.

ний критике и сделав акцент на сведениях дипломатических памятников, писали об экспансионистских устремлениях окрепшего Русского государства⁵⁵.

Противоречивые мнения высказывались и в германской историографии. Большинство ученых кайзеровской Германии и ГДР, следуя за историками дореволюционной России и некоторыми советскими авторами, считали, что татарские ханства подвергали русские земли грабежу и разбою. Следовательно, Московское государство боролось за ликвидацию «очага набегов, освобождение русских пленников, а также предотвращение проникновения сюда Османской империи». А историки ФРГ на первый план выносили «необходимость удовлетворения требований русского служилого дворянства в новых землях, важную роль Казани и Астрахани как торговых центров, значение Русской православной церкви в “крестовом походе” против “безбожников”»⁵⁶.

С.Х. Алишев в своих ранних публикациях опроверг гипотезу о возможности турецкого вторжения в Среднее Поволжье, хотя указал на существенную роль крымских феодалов, инициировавших антирусские конфликты. По его мнению, завоевание Казанского ханства было обусловлено развитием русского феодализма, причем часть населения ханства приняла власть Москвы добровольно⁵⁷.

⁵⁵ См.: Keenan E. Muscovy and Kazan: Some Introductory Remarks on the Patterns of Steppe Diplomacy // *Slavic Review*. 1967. Vol. 26. № 4. P. 548–558; Pritsak O. Moscow, the Golden Horde, and the Kazan Khanate from a Polycultural Point of View // *Slavic Review*. 1967. Vol. 26. № 4. P. 577–583.

⁵⁶ Гатин М.С. Значение завоевания Казанского и Астраханского юртов Московским государством в трактовках немецких историков // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. статей. Вып. 1. Материалы всероссийской научно-практической конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья в XVI–XIX вв.», посвященной 80-летию юбилею доктора исторических наук С.Х. Алишева (г. Казань, 24 марта 2009 г.). Казань, 2010. С. 28. См. также: Он же. Падение Казани в оценках немецких историков // Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. статей. Вып. 2. Казань, 2010. С. 150.

⁵⁷ См.: Алишев С.Х. О некоторых проблемах превращения Русского государства в многонациональное // Тезисы докладов итоговой научной сессии ИЯЛИ им. Г.И. Ибрагимова за 1970 год. Казань, 1971. С. 76–78; Он же. Присоединение народов Среднего Поволжья к Русскому государству // Татария в прошлом и настоящем. Казань, 1975. С. 173–182.

В 1970–1980-е годы советские историки продолжали искать объективные причины московско-казанских конфликтов. И теперь основным фактором ухудшения московско-казанских отношений, наряду с агрессивной политикой ханов, признавалось возвышение Москвы и усиление ее экономического, политического и культурного влияния. К тому же утверждалось, что народы Поволжья находились на более низком уровне развития, поэтому вхождение Казанского и Астраханского ханств в состав России имело прогрессивное значение⁵⁸.

В то же время, некоторые исследователи попытались синтезировать ранее высказанные аргументы. К причинам московско-казанских войн они относили как захватническую политику русских феодалов и купцов, так и агрессивные действия казанских ханов, охотившихся за русскими пленниками⁵⁹. Наряду с этим, продолжали выходить в свет работы, в которых сохранялась однобокая трактовка событий, где главными виновниками ухудшения межгосударственных отношений считались казанские ханы, враждебно относившиеся к Руси⁶⁰.

Р.Г. Кузеев в своем историко-этнографическом исследовании обратился к мирным аспектам межэтнического взаимодействия, связанным с торговым и культурным обменами. Согласно ему, про-

⁵⁸ Алишев С.Х. Советская историография оценки завоевания Казанского ханства Московским государством // Историческая наука в меняющемся мире. Вып. 2. Историография отечественной истории. Казань, 1994. С. 114. См. также: Хамидуллин Б.Л., И.Л. Измайлов. Отечественная историография Казанского ханства 1960–80-х годов. С. 85–87.

⁵⁹ См.: Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV веков). М., 1975; Усманов М.А. Жалованные грамоты Джучиева улуса XIV–XVI веков. Казань, 1979; Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI веков. М., 1980; Макаров Д.М. Христианизация народов Поволжья во второй половине XVI века // История христианизации народов Среднего Поволжья. Критические суждения и оценка. Чебоксары, 1988. С. 15; Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. М., 1989. С. 141; Он же. Под знаменами Москвы: Борьба за единство Руси. М., 1992; Павленко Н.И., Кобрин В.Б., Федоров В.А. История СССР с древнейших времен до 1861 года. М., 1989. С. 140–141; Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX в. М., 1990. С. 79–85.

⁶⁰ Каргалов В.В. Конец ордынского ига. М., 1980. С. 122; Он же. Полководцы X–XVI веков. М., 1989. С. 172–174.

тивопоставление народов и разжигание войн соответствовало классовым интересам господствующих слоев русского и татарского обществ⁶¹.

Как видно из вышеизложенного, в начале советского этапа развития исторических знаний ученые отрицали природную обусловленность межэтнических конфликтов. Руководствуясь догмами марксизма, они пытались найти социально-экономическое объяснение московско-казанскому противостоянию. Выдвигались различные гипотезы, где на первый план ставились такие факторы, как интересы торгово-промышленного капитала и дворянских масс. В 1930-е гг. возродился популярный до революции тезис о татарской угрозе, который со второй половины 1940-х гг. получил новое развитие и широкое распространение.

В последующие годы историки говорили как о враждебной политике казанцев, так и об интересах растущего Русского государства. На этом же историографическом этапе появилась и быстро популяризировалась политически конъюнктурная концепция добровольного вхождения народов Поволжья в состав России. Следуя теории классовой борьбы, историки противопоставляли интересы казанской аристократии, стремившейся к военным грабёжам, и объективные потребности низших слоев населения ханства, втянутого во взаимовыгодные экономические отношения с Русью. Однако по справедливому замечанию Д.А. Котлярова, «вопреки установившимся догматическим постулатам, советской исторической наукой к середине 80-х гг. был накоплен значительный опыт в постановке и разрешении теоретических проблем и конкретных вопросов, связанных с присоединением к России народов Среднего и Нижнего Поволжья»⁶².

Историографы отмечали, что демократизация общественных отношений, затронувшая страну в процессе распада СССР, значительно усилила «интерес ученых к ранее табуированным проблемам»⁶³. Начало этого этапа в историографии ознаменовалось по-

⁶¹ Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992. С. 107–110.

⁶² Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья... С. 31.

⁶³ Мухамедьяров Ш.Ф., Хамидуллин Б.Л. «Казанское взятие»: взгляд из XXI века // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. статей. Вып. 1. Материалы всероссийской научно-практической конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья в XVI–XIX вв.», посвящен-

пыткой переосмысления характера московско-казанских отношений. Переосмысление шло под действием разных социально-политических концептов. Казанские историки А.Х. Халиков, С.Х. Алишев, Р.Г. Фахрутдинов и другие обратили внимание на агрессивные действия московского правительства, представляли казанских татар жертвой враждебной политики западного соседа и говорили о разрушении культурной самобытности народов Среднего Поволжья⁶⁴. О захватнической политике Русского государства писали и такие исследователи, как И.Р. Тагиров, Ф.А. Рашитов, И.М. Измайлов, Р.М. Амирханов, А.М. Ермушев, А.Х. Бурганов и другие⁶⁵. Возмож-

ной 80-летнему юбилею доктора исторических наук С.Х. Алишева (г. Казань, 24 марта 2009 г.). Казань, 2010. С. 62.

⁶⁴ См.: Урманче Ф. Как черное выдать за белое, или последствия «прогрессивных» завоеваний // Идель. 1992. № 5–6. С. 72–73; Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань, 1994; Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI веках. Казань, 1995; Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа и Татарстана. Казань, 1995.

⁶⁵ См.: Амирханов Р.М. Татарская социально-философская мысль средневековья (XIII – середина XVI вв.). Ч. 1. Казань, 1993; Он же. Ислам и национальная идеология татарского народа // Исламо-христианское пограничье: итоги и перспективы изучения. Материалы международного научного семинара «Христиано-исламское пограничье: история, современность и перспективы» (г. Казань, 26–29 октября 1993 года). Казань, 1994. С. 23–24; Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань, 2000; Рашитов Ф.А. История татарского народа. Саратов, 2001; Измайлов И.Л. Завоевание Казанского ханства: причины и последствия (Критический разбор основных тенденций российской историографии) // Татарский народ после 1552 года: потери и приобретения. Казань, 2003. С. 61–135; Ермушев А.М. К вопросу об активизации политики России в отношении Казанского ханства (1545–1546 гг.) // Гуманитарные науки и образование: Проблемы и перспективы. Материалы I Сафаргалиевских научных чтений. Саранск, 1997. С. 129–134; Он же. К вопросу о захватнической политике России на востоке в начале 50-х гг. XVI в. // Обновляющаяся Россия: формирование нового гуманитарного пространства. Ч. I. Саранск, 1997. С. 24–29; Он же. Россия и Казанское ханство в 1533–1552 гг.: Автореф. дис. ... к.и.н. Саранск, 1998; Он же. Россия и Казань: Протекторат, аннексия, захват. Основные тенденции взаимоотношений в середине XVI в. // Российская провинция: История, культура, наука. Материалы II–III Сафаргалиевских научных чтений. Саранск, 1998. С. 63–65; Присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству. Взгляд из XXI века. «Круглый стол» в Институте российской истории РАН. М., 2003. С. 15.

но, подобные интерпретации появились под влиянием политической обстановки, сложившейся в 1990-е годы, когда в Татарстане остро стоял вопрос о национальном суверенитете и самобытности татарского народа⁶⁶.

В те же годы В.В. Каргалов, А.Б. Кузнецов и другие авторы интерпретировали факты в совершенно ином ключе. Они считали, что Москва вела сугубо оборонительные войны. Казанское ханство было подчинено в силу своей враждебности, то есть завоевание Казани было актом защиты русских земель⁶⁷. Подобным же образом размышлял и В.Д. Назаров, писавший о претензиях казанских ханов на получение дани-«выхода» из Москвы. Он полагал, что восточная политика московских князей преследовала две цели: борьбу с набегами «казанских ратей» и обеспечение «условий торговли для русских гостей по Волге»⁶⁸.

В противовес им Р.Г. Скрынников, как и многие татарские ученые, виновниками развязывания конфликтов считал русских дворян, желавших приобрести земли в Среднем Поволжье. Согласно ему, казанские татары воевали за сохранение собственной независимости⁶⁹. В том же ключе размышлял и Э.С. Кульпин, считавший, что в XVI в. Русское государство переживало социально-экологический кризис, связанный с перенаселением. По его мнению, мо-

⁶⁶ См.: Эмирхан Р., Имамов В. Татарларның Ватан сугышы. Яр Чаллы, 1993; Тагиров И.Р. Татарстан: национально-государственные интересы (Политическое эссе). Казань, 1995.

⁶⁷ Каргалов В.В. На границе стоять крепко!: Великая Русь и Дикое поле: противостояние XII–XVIII веков. М., 1998; Кузнецов А.Б. Русско-казанские отношения в 1521–1524 гг. // Исторические и политические науки в контексте современной культурной традиции. Саранск, 1999. С. 73–81; Он же. Россия и Казанское ханство в 1524–1533 гг. // Нации и регионы в истории и культуре России. Саранск, 2003. С. 17–24; Он же. Казанский вопрос во внешней политике Елены Глинской (1533–1538 гг.) // Волжские земли в истории и культуре России. Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 10-летию создания Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (г. Саранск, 8–11 июня 2011 г.). Ч. I. Саранск, 2004. С. 73–78; Петрова О.Н. Средневожские народы в политических и социально-экономических условиях Казанского ханства: Автореф. дис. ... к.и.н. Чебоксары, 2004. С. 4–5.

⁶⁸ Назаров В.Д. Государь «всёя Руси» // История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 2001. С. 317, 334.

⁶⁹ Скрынников Р.Г. История Российская. IX–XVII века. М., 1997. С. 276.

сковское правительство, стремясь вытеснить казанских татар с плодородных земель, провоцировало их на вооруженную борьбу⁷⁰.

В.В. Похлебкин писал, что правительство Ивана III стремилось захватить рынки Поволжья и закрепить экономическое влияние в регионе, политические и территориальные притязания возникли лишь к середине XVI века. Действия русских носили агрессивный характер, а «большинство казанских походов диктовалось либо необходимостью принять превентивные меры, чтобы обезопасить себя от русских вторжений, либо были простой ответной реакцией на предшествующие русские вторжения»⁷¹.

Б.Л. Хамидуллин в своих историко-этнографических изысканиях привел читателя к мысли, что «в XIV–XVI вв. активизируется и становится постоянным фактором восточнославянская колонизация северо-западных регионов Казанского ханства», этот процесс сопровождался «военными и карательными акциями не только против татар, но и против марийцев, чувашей, мордвы, удмуртов и башкир»⁷².

Для объективного рассмотрения присоединения Среднего Поволжья к Российскому государству Институт российской истории РАН 14 ноября 2002 г. провел «круглый стол» с участием ведущих специалистов по данной проблематике. Собравшиеся, главным образом, пытались выявить обстоятельства завоевания Казанского ханства и установить его этнополитические и социокультурные последствия.

Открывший «круглый стол» А.Н. Сахаров уточнил, что московско-казанские конфликты носили не межгосударственный, а межци-

⁷⁰ Кульпин Э.С. Золотая Орда (Проблемы генезиса Российского государства). М., 1998. С. 158–160; Он же. Социально-экологические кризисы в Восточной Европе в судьбе Казани // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы международной научной конференции (г. Казань, 1–3 июня 1999 года). Казань, 2000. С. 183–184.

⁷¹ Похлебкин В.В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI веках. 1238–1598 годы: от битвы на р. Сити до покорения Сибири. М., 2000. С. 117.

⁷² Хамидуллин Б.А. Народы Казанского ханства: Этносоциологическое исследование. Казань, 2002. С. 241. Аналогичные мысли ученый высказал на страницах других публикаций. См. напр.: Он же. Образование Казанского ханства: этнический и социальный аспекты // Этнографическое обозрение. М., 1999. № 4. С. 82–94.

визационный характер: по его словам, противостояли восточно-славянская и тюрко-мусульманская цивилизации. При этом он призвал «рассматривать эту проблему с точки зрения взаимосвязей, взаимной борьбы двух крупных государств, двух этносов, двух религий». По его словам, «здесь противоборствовали и сосуществовали разные тенденции: и давление со стороны Московской Руси, и прорусские тенденции в Поволжье, в том числе и в самой Казани». Московская Русь «силой необходимости обороны своих границ и распространения своей территории разворачивала экспансию на Восток»⁷³.

На экономические факторы московско-казанских войн указал участник «круглого стола» Н.И. Никитин. Историк, вслед за М.Г. Худяковым, полагал, что в экономике Казанского ханства большую роль играла «набеговая система», приносившая огромное количество «русского полона, который или заставляли работать на себя, или (чаще) продавали»⁷⁴. Именно здесь исследователь увидел корень конфронтации. В.В. Трепавлов поддержал точку зрения Н.И. Никитина и заявил, что «набеги и крымцев, и казанцев не только были следствием потребности продажи рабов на рынках, но и отражали уровень социального и экономического развития ханств»⁷⁵.

Размышления Н.И. Никитина вызвали возражение у А.Х. Бурганова, сославшегося на подсчеты В.В. Похлебкина и указавшего на более активные агрессивные действия русских войск⁷⁶.

Д.М. Исаков заметил, что в русском полоне более были заинтересованы крымцы, продававшие рабов на южных рынках, но, в то же время, «живой товар» интересовал и русских, уводивших из Казанского ханства невольников⁷⁷. Через некоторое время ученый опубликовал учебное пособие, в котором под межцивилизационной конфронтацией понимались мусульманско-христианские столкновения, то есть причины конфликта выводились из религиозных расхожде-

⁷³ Присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству. Взгляд из XXI века. «Круглый стол» в Институте российской истории РАН. С. 6. Аналогичные мысли ученый высказал в статье, посвященной 1000-летию Казани. См.: Сахаров А. Казань в судьбах России // Родина. 2005. № 8. С. 12–17.

⁷⁴ Присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству. Взгляд из XXI века. «Круглый стол» в Институте российской истории РАН. С. 15.

⁷⁵ Там же. С. 18.

⁷⁶ Там же. С. 15.

⁷⁷ Там же. С. 17.

ний и противоречий⁷⁸. По его подсчетам, «во время войн XVI в. казанское служилое сословие было фактически уничтожено»⁷⁹, «был разрушен каркас государства», а главной операцией русских после завоевания Казани была «христианизация Казанского ханства»⁸⁰.

В результате дискуссии участники «круглого стола» согласились с тем, что добровольного вхождения народов Казанского ханства в состав России не произошло: чуваш и марийцы, проживавшие на правом берегу Волги, приняли русское подданство в условиях военно-дипломатического давления Москвы, а левобережные народы были подчинены в ходе боевых действий. Не вызвал возражений и тезис о слабости турецких позиций в Среднем Поволжье. По мнению историков, Казанское ханство не нашло реальных союзников, «никто Казань не поддержал, и казанская аристократия оказалась в одиночестве перед лицом усилившегося Московского государства»⁸¹. Однако, сойдясь на мысли о недопустимости политизации исторических событий, исследователи не пришли к общему заключению относительно факторов, обусловивших московско-казанские столкновения.

Бахтин А.Г. считает, что «активизация политики России в отношении с Казанским ханством объясняется желанием избавить страну от даннической зависимости, столкновением интересов Москвы и Казани за контроль над Вятской землей, необходимостью устранения угрозы вторжений казанцев в приграничные области и освобождения многочисленных пленных»⁸².

⁷⁸ Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI веков. Казань, 2004. С. 72.

⁷⁹ Он же. От средневековых татар к татарам нового времени. Казань, 1998. С. 229–232.

⁸⁰ Присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству. Взгляд из XXI века. «Круглый стол» в Институте российской истории РАН. С. 23.

⁸¹ Там же. С. 24.

⁸² Бахтин А.Г. Русское государство и Казанское ханство: межгосударственные отношения в XV–XVI веках: Дис. ... д.и.н. М., 2001. С. 197; Это же мнение было высказано на страницах совместных работ А.Г. Бахтина и Б.Л. Хамидуллина. См.: Бахтин А., Хамидуллин Б. Политическая история Казанского ханства // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 292; Бахтин А.Г., Хамидуллин Б.Л. Внешняя политика

Некоторые из представленных аргументов носят гипотетический характер. В предыдущем абзаце своей работы ученый заявил, что «выход» в Казань «не может считаться данью, т.к. представлял собой совокупность расходов по сношению с этим государством»⁸³. Не подтверждается данными источников и положение о необходимости устранения угроз вторжения казанцев, поскольку за два десятилетия до «первой казанской войны» 1467–1469 гг. зафиксировано лишь одно вторжение казанцев на Русь – это набег 1462 г. в верховья реки Юг. При этом важно учесть, что это нападение носило локальный, приграничный характер и, вероятно, было не санкционировано ханской властью, поскольку незадолго до этого в 1461 г. конфликт с Москвой удалось решить дипломатическим путем. Вывод о необходимости освобождения многочисленных пленных находит единственное подтверждение в Устюжской летописи, сообщение которой носит весьма символический характер.

Зато высказывание А.Г. Бахтина о том, что «в Москве рассчитывали изолировать Казанское ханство от Большой Орды и включить в число союзников»⁸⁴, подтверждается сведениями летописных и дипломатических памятников. Вполне обоснованным выглядит и тезис о борьбе за влияние над Вятской землей.

Согласно А.Г. Бахтину, «достижение поставленных целей первоначально предполагалось путем заключения выгодного мирного договора с Казанью», внутривосточная нестабильность в Казанском ханстве облегчила решение планов Москвы, но «войны 1461–1462 и 1467–1469, 1477–1478 и 1482 гг.... выявили невозможность установления мирных и союзнических отношений с Казанским ханством путем договора». Поэтому с 1487 г. московское правительство установило над ханством протекторат и вассальную зависимость, однако в целом «политика Русского государства в отношении Казанского ханства диктовалась объективными обстоятельствами и не являлась агрессивной и экспансионистской»⁸⁵.

«Казанского великого града бусурманского» ханского периода (1440-е – 1552 гг.) // Научный Татарстан. 2014. № 1. С. 12–13.

⁸³ Там же. С. 196.

⁸⁴ Там же. С. 197.

⁸⁵ Там же.

Ученый указал на отсутствие экспансионистских устремлений в «восточной политике» России и в первой трети XVI века. Правительство Василия III пыталось восстановить протекторат над Казанью для противодействия нарождавшейся «антирусской коалиции в составе Казанского, Крымского и Астраханского ханств, Ногайской Орды и Польско-Литовского государства»⁸⁶. Целью регулярных походов 1545–1552 гг. было установление протектората над ханством, вплоть до весны 1552 г. политика России не являлась захватнической. Лишь когда казанцы сорвали мирную инициативу по включению ханства в состав России на правах широкой автономии и начали военные действия, «русское правительство поставило вопрос о ликвидации Казанского ханства силовым путем»⁸⁷.

Говоря о мирных альтернативах исхода московско-казанского противостояния, А.Г. Бахтин всецело положился на позднейшие официальные известия и не обратил внимания на расхождения, значение которых целесообразнее показать в основной части настоящей работы. Пренебрежение к летописной текстологии и избирательное отношение к сведениям источников позволили историку сделать однозначный вывод о том, «что политика Русского государства в отношении Казанского ханства на всем протяжении его существования не преследовала агрессивных целей»⁸⁸.

Д.А. Котляров в своих изысканиях детально проанализировал московско-казанские отношения, начиная с момента возникновения Казанского ханства и заканчивая завоеванием Казани в 1552 году. Историк задействовал широкий круг источников и выявил ряд серьезных разночтений в летописании, в частности, указав на отличия известий великокняжеских сводов от сообщений неофициальных летописей. В большинстве случаев расхождения в источниках были восприняты им как взаимодополняющая информация для создания объективной картины произошедшего. Однако при столкновении с взаимоисключающими сведениями он отдал предпочтение велико-

⁸⁶ Там же. С. 278.

⁸⁷ Там же. С. 369.

⁸⁸ Там же. С. 531. Аналогичные мысли ученый высказал на страницах других публикаций. См.: Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998; Он же. Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 52–72.

княжеским записям, ставя их в основу собственной реконструкции. Например, при характеристике «первой казанской войны» 1467–1469 гг. и войны 1487 г., а также при описании московско-казанских отношений на рубеже XV–XVI вв. ученый не указал на расхождения, существующие в летописании, взяв на вооружение лишь известия официальных сводов⁸⁹. Подобная исследовательская позиция продиктована позитивистскими установками автора, стремившегося изобразить единственно возможную и абсолютно объективную реальность⁹⁰.

Доверительное отношение к великокняжеским летописям позволило Д.А. Котлярову назвать подчинение Казанского ханства «закономерным итогом целенаправленных усилий московских политиков, прежде всего самого Ивана III». Ученый утверждал, что подчинение Казанского ханства явилось «составной частью восточной политики великого князя», заключавшейся в обеспечении охраны и безопасности восточной и южной границ через противопоставление друг другу татарских ханств. Подобная политика стала возможной в условиях «образования Русского национального государства» и «национального возрождения Руси»⁹¹.

Следуя доктрине официального летописания и дореволюционной историографии, Д.А. Котляров возвышает роль великого князя, детерминируя некоторые результаты общественного развития волей, целеустремленностью Ивана III. Одновременно исследователь обращается к другой крайности историописания – к модернизации социально-политических явлений, например, таких, как складывание единого государства под властью Москвы и активизация русских княжеств на внешнеполитической арене, объясняя их процессами «национального возрождения Руси» и «образования Русского национального государства».

Термины «национальное возрождение» и «национальное государство» являются сегментами идиоматического словаря ученого,

⁸⁹ Котляров Д.А. Русь и Поволжье: этнополитическое взаимодействие (XIV–XVI века) // Формирование российской государственности. Екатеринбург, 2003. С. 322–351.

⁹⁰ См.: Котляров Д.А. Московское государство и народы Поволжья в XV–XVI веках: Автореф. дис. ... к.и.н. СПб., 1999.

⁹¹ Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья... С. 144.

имеющими мало общего с реальными социальными, политическими и, тем более, ментальными практиками средневековой Руси. Данная терминология складывается в XVIII в., а в практике международных отношений стала использоваться только в XIX веке⁹². Она была призвана описать процессы, происходившие в «европейском мире» уже в индустриальную эпоху и, поэтому, скорее всего, указанный категориальный аппарат не может точно отражать суть явлений русского средневековья.

Анализируя официальные известия, повествующие об основании Свяжска и доказывающие необходимость завоевания Казанского ханства, Д.А. Котляров заметил, что с 1551 г. казанская война становится важнейшей темой для официальных летописцев, значит, с этого времени завоевание Казани – первостепенная задача московского правительства. По его рассуждению, интересы государства доводились до населения через православную идеологию. «Глава церковной иерархии – митрополит Макарий, а вслед за ним и нижестоящие чины русской православной церкви, в своих проповедях изображали “казанское дело” как богоугодное, богоблагословенное, которое люди должны только начать, а свершение его подчинено воле Бога. Поэтому, начатая по инициативе Ивана IV и его окружения война с Казанским ханством объявлялась делом обязательным для каждого православного русского человека»⁹³.

На основе приведенного, вполне очевидного и логичного замечания Д.А. Котляров сделал, на наш взгляд, не совсем обоснованный вывод: «Проводимая сверху идеологическая миссия соответствовала, по нашему мнению, преобладающим умонастроениям в русском обществе. Думается, что правительство не стало бы придавать столь внушительный размах предприятию, противоречащему коренным интересам народа, не желая лишиться его поддержки. Русский народ поддерживал политику своего правительства, направленную на ликвидацию угрозы становившихся в 30-х гг. XVI в. все более разорительными набегов казанцев, на создание благоприятных условий для мирного взаимодействия с народами Поволжья.

⁹² См.: Хобсбаум Э. Нация и национализм после 1780 года. СПб., 1998.

⁹³ Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья... С. 239.

Следовательно, «казанское дело» Ивана IV изначально осознавалось как общенародное всеми слоями русского общества»⁹⁴.

Во-первых, нет никаких сведений, подтверждающих соответствие умонастроений русского общества официальной идеологии. Во-вторых, совершенно надуманным представляется тезис о том, что правительство, опасаясь лишиться поддержки населения, «не стало бы придавать столь внушительный размах предпрятию, противоречащему коренным интересам народа». Подобный концепт скорее характеризует политическое устройство демократического общества, нежели средневековой русской монархии, где не существовало прямой зависимости власти от волеизъявления народа. Наконец, в-третьих, мы можем лишь догадываться о том, как «казанское дело» Ивана IV осознавалось большинством крестьян, горожан и духовенства, а на основании источников допустимо предположить, что лишь верхушка духовенства и часть служилого населения были заинтересованы в завоевании Казанского ханства.

Таким образом, вывод Д.А. Котлярова не вытекает из его логического посыла и не согласуется с данными источников, следовательно, представленный тезис всецело продиктован авторским концептом.

Ю.Г. Алексеев довольно подробно описал все казанские походы русских войск, осуществленные в период правления Ивана III. При этом в центре его внимания находились вопросы военной организации, а в оценках развития московско-казанских отношений автор практически не отошел от представлений, сложившихся в трудах Н.М. Карамзина, К.В. Базилевича и других классиков отечественной историографии⁹⁵.

В последние годы ученые, затрагивая лишь отдельные аспекты московско-казанских отношений, больше внимания уделяют изучению других тюрко-татарских государств средневековья⁹⁶.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ См.: Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009.

⁹⁶ См.: Горский А.А. Москва и Орда. М., 2001; Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002; Он же. Белый царь: Образ монарха и представление о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007; Он же. «Орда самовольная»: Кочевая империя ногаев XV–XVII вв. М., 2013; Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М., 2001; Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства,

В современной англоязычной историографии московско-казанские отношения рассматривались в основном в контексте изучения российской истории и других проблем⁹⁷.

По случаю 460 годовщины завоевания Казани вышла в свет статья, в которой ведущие специалисты прокомментировали некоторые аспекты московско-казанских отношений. В.В. Трепавлов, Р.Ю. Почекаев, И.А. Гилязов отметили, что основной причиной военных столкновений были не набеги татар, а конкуренция Москвы и Казани в условиях формирования постордынской системы межгосударственных отношений. Многие исследователи отнесли к основным факторам победы над Казанью и другими тюрко-татарскими государствами военно-экономический перевес московских сил и отсутствие единства среди татар. Они говорили о необходимости развенчания мифа об агрессивности и паразитической природе Казанского ханства, широко распространенного в научной, научно-популярной и учебной литературе⁹⁸.

Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI века). М., 2004; Он же. Астраханское ханство. М., 2006; Файзрахманов Г.Л. История татар Западной Сибири: с древнейших времен до начала XX века. Казань, 2007; Рахимзянов Б.Р. Русские княжества и наследники Золотой Орды в XV веке: Начальная история Касимовского ханства // ROSSICA ANTIQUA: исследования и материалы. СПб., 2006. С. 360–386; Он же. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009; Маслоуженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века.: Монография. Курган, 2008; Алишев С.Х. Болгаро-казанские и золотоордынские отношения в XIII–XVI вв. Казань, 2009; Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань, 2012; Селезнев Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV веках. Воронеж, 2013. 472 с.

⁹⁷ См.: Ostrovski D. Muscovy and Mongols: Cross-cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589. Cambridge, 1998; Khodarkovsky M. Russia's steppe frontier: the making of a colonial empire, 1500–1800. Bloomington, 2002; Faroqhi S. Approaching Ottoman History. Cambridge, 2004; Faroqhi S. The Ottoman Empire and the World Around It. London, 2004; Hosking G. Russia and the Russians: A History. Cambridge, 2004; De Madariaga I. Ivan the Terrible. New Haven; London, 2005; Riasanovsky N., Steinberg M. A history of Russia. New York, 2005; Findley C. Turks in world history. New York, 2005; Martin J. Medieval Russia: 980–1584. New York, 2007.

⁹⁸ Падение Казани 1552 г.: потери и приобретения. Ответы на вопросы // Средневековые тюрко-татарские государства: Сборник статей. Выпуск 5: Воп-

Таким образом, на протяжении веков историки, руководствуясь разными оценочными принципами, пытались достичь общей цели – реконструировать московско-казанские отношения. При этом мало внимания уделялось текстологии летописных известий. Ученые, подчас не аргументируя свой выбор, отдавали предпочтения сообщениям то одного, то другого свода. Так, например, Н.М. Карамзин, К.В. Базилевич, А.Г. Бахтин и Д.А. Котляров опирались в основном на известия великокняжеского летописания, а С.М. Соловьев, М.Г. Худяков и С.Х. Алишев, пытаясь опровергнуть некоторые устоявшиеся положения, делали ставку на Новгородские и Устюжские летописи. На формирование исследовательских позиций оказывали влияние и идейные парадигмы эпох. Дореволюционные авторы черпали факты из источника, создавая историю монархии, ученые советского периода изображали картину московско-казанских отношений, используя сведения, прошедшие через фильтр марксистской теории, а историки постсоветского времени нередко уходили в крайности под влиянием социально-политической конъюнктуры.

§ 2. Теория и метод

В основе полемики наших предшественников, вероятнее всего, лежит различие идейных принципов, с которыми ученые подошли к изучению поставленного вопроса. А причиной бесконечности и бесполезности дискуссии является однообразие исследовательских подходов. О.М. Медушевская и М.Ф. Румянцева выделили два основных подхода. Задача первого – «моделирование... единственно возможного прошлого», то есть реконструкция объективной картины исторической действительности, а цель второго – «понять человека прошлого и через него окружающий его мир». По их мнению, сторонники первого подхода объектом своей работы считают историческую реальность, а приверженцы другого взгляда уверены в том, что «объект исторического познания есть то, в чем это сознание и порожденное им действие объективизировалось, то есть исторический источник (продукт культуры, в отличие от продукта при-

росы источниковедения и историография истории средневековых тюрко-татарских государств. Казань, 2013. С. 139–151.

роды), определяемый как реализованный продукт человеческой психики»⁹⁹.

Многие наши предшественники работали, следуя установкам именно первой, объективистско-позитивистской парадигмы. При этом мало внимания уделялось выявлению и объяснению расхождений в источниках. В свою очередь сам источник воспринимался ими как хранилище фактов¹⁰⁰, которые можно выделить с помощью критического метода. Под критикой источника понималось вычленение «правдоподобных» фактов, очищение источника от явно надуманных «уточнений» летописцев. Главным критерием такого анализа считался «здравый смысл» – рационалистические убеждения, призванные отделить факт от вымысла. Это вынуждало подчас пренебрежительно относиться к известиям одних летописей и считать за правдивые сообщения других сводов. Подобный подход к изучению прошлого создает множество трудностей на пути к пониманию источника и делает историографический диспут сизифовым трудом.

Последние исследования памятников древнерусской литературы показали, что летописные известия в большей степени отражают факты сознания книжников, нежели объективную историческую реальность¹⁰¹. Дело в том, что русские средневековые авторы не столько пытались показать подлинную реальность, сколько стремились осмыслить историческую данность через призму идей Священного Писания. Необходимо учитывать, что русские летописи представляют собой главный корпус источников по теме. Причем большинство сообщений не поддается верификации независимыми источниками. Поэтому едва ли стоит говорить о возможности объ-

⁹⁹ Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Методология истории. М., 1997. С. 20.

¹⁰⁰ Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 8; Он же. Опыт исторической феноменологии // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 49.

¹⁰¹ См.: Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры; Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. М., 2001; Он же. Повесть временных лет: Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004; Амельченко А.О., Селезнев Ю.В. Куликовская битва глазами современников и потомков. Воронеж, 2006. Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII – XV вв. М., 2009.

активно реконструировать ход московско-казанских отношений. В связи с этим, в основе нашего изыскания лежит иной принцип научного анализа, согласно которому в основе исторического познания находится понимание источника. Иначе говоря, наши усилия направлены на изучение картины московско-казанских отношений посредством реконструкции источниковой репрезентации событий.

Разумеется, реализация настоящего подхода требует герменевтического анализа текстов, который дает иное прочтение источников и решает некоторые историографические проблемы. Герменевтика – наука интерпретации и система связанных с ней методов, помогающих понять автора источника. Задача герменевтики состоит в том, чтобы объяснить смысл текста, исходя из мировоззренческих устоев его создателя. Данный подход позволяет раскрыть и утаенный от современного читателя смысл написанного.

Летописные известия были рассмотрены историками через призму «здравого смысла», в основе которого, по словам М. Блока, лежат наблюдения, возведенные в ранг вечных истин, неизбежно берущиеся «из очень краткого периода, а именно – нашего»¹⁰². «Здравый смысл» исходит из того, что с течением веков образ мышления не изменился. Он проявляется в попытках исследователя объяснить действия человека минувшей эпохи логикой современности.

Многие историки интерпретировали данные источников на основе рационалистического подхода, который «сводил (и сводит) понимание текста, прежде всего, к максимально точному переводу... Далее следует объяснение того, что историк смог понять из этого перевода. Оно состоит, как правило, в более или менее точном пересказе сообщений источника»¹⁰³.

Рационалистический подход способствовал довольно обстоятельному изложению хода московско-казанских отношений, однако «далеко не все сообщения источников могут непосредственно использоваться в исторических реконструкциях»¹⁰⁴. «Здравый смысл» выявил много «надуманных сведений», «общих мест», якобы не согласующихся с логикой изложения основных событий. Эти известия удостоились такой характеристики, так как их нельзя объяснить, ис-

¹⁰² Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 48.

¹⁰³ Данилевский И.Н. Повесть временных лет... С. 57–75.

¹⁰⁴ Там же.

ходя из рациональных представлений современного человека. В данной работе акцент делается на интерпретацию подобной «труднообъяснимой информации» с помощью методов герменевтики.

Одним из методов работы выступает центонно-парафразный принцип текстологического анализа, который был апробирован на материалах раннего русского летописания И.Н. Данилевским. Согласно данной теории, летопись – сложное мозаичное произведение. Она состоит из набора инкорпорированных в нее частей других произведений – прямых и косвенных цитат – центонов и парафразов. Выдержки из различных источников сохраняют смысл первоначального контекста, при этом они в своем новом, суммарном сочетании образуют новое семантическое поле, подчиненное замыслу летописания. Установив источник цитаты, можно определить ее первоначальный контекст, а также выявить роль и смысловую нагрузку заимствованного отрывка в произведении средневекового книжника¹⁰⁵.

Заметную часть летописания занимают центоны и парафразы из Священного Писания. «Библия, можно сказать, служила моделью восприятия мира..., соотнесение с библейскими событиями определяло вообще достоверность, подлинность происходившего»¹⁰⁶. Кроме того, русские книжники часто обращались к сюжетам византийских памятников, древнерусской литературы и других произведений, входивших в их интеллектуальный багаж. В результате для реализации центонно-парафразного принципа, помимо анализа собственно летописных известий, необходимо было рассмотреть потенциальный круг идейных источников летописания.

Кроме этого, в герменевтический анализ входит интерпретация известий, построенных на основе «клишированных конструкций» и названных Д.С. Лихачевым «литературным этикетом», что, наряду с центонностью летописных текстов, является частью литературной традиции средневековой Руси. Примеры подобных «клише» привели А.М. Ранич и А.В. Лаушкин. Так, в Повести временных лет они выявили следующий конструкт описания различных сражений: «затишье перед сражением – провоцирующее оскорбление одной из

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Успенский Б.А. Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М., 2000. С. 5.

сторон – битва – поражение оскорбителя»¹⁰⁷. Ученые показывают два случая использования летописцем указанной «клишированной конструкции». Первый сюжет – битва новгородцев под предводительством Ярослава Владимировича с войсками Святополка. Последний перед сражением оскорбил Ярослава и был разгромлен. Второй рассказ – известие о битве русских с польским королем Болеславом. Здесь воевода Ярослава, Блуд, перед началом схватки оскорбил короля, обещая проткнуть его «толстое чрево». В итоге Болеслав разбил полки Блуда. Приведенные примеры дают понять, что оскорбление в адрес противника не стоит воспринимать как реально произошедшее действие, его необходимо понимать как проявление литературной традиции, «клишированности текста», «литературного этикета», указывающего на исход события. Подобные проявления литературной традиции обнаружены и в ходе нашего исследования. «Клишированные конструкции» выявляются с помощью сравнения и сличения схожих летописных сюжетов.

Важную роль играет и текстологический анализ, который не проводился на должном уровне применительно к известиям о московско-казанских отношениях. Учитывая достижения источниковедческих работ, требуется провести текстуальный сравнительный анализ, что, в свою очередь, поможет проследить генеалогию и эволюцию известий, определив степень взаимозависимости одного сообщения перед другим. Только основываясь на результатах семантического (герменевтического) и текстологического анализов, выявив сходства, различия и факторы осмысления событий, можно приступать к воссозданию картины прошлого.

Наряду с этим, в работе использовались специальные исторические методы и приемы: синхронный (изучение всей совокупности фактов в каждый хронологический период), сравнительно-исторический (сопоставление одновременных и разновременных явлений, а также их пространственно-временных характеристик), историко-генетический (последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения). В исследовании приоритет отдавался хронологическому принципу изложения и структурирования материала.

¹⁰⁷ Ранич А.М., Лаушкин А.В. К вопросу о библеизмах в древнерусском летописании // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 132.

§ 3. Источники

Основу источниковой базы настоящего исследования составляют русские летописи XV–XVI веков. Мы использовали Московский летописный свод конца XV в., Никаноровскую летопись, Сокращенные своды 1493 и 1495 гг., Летописные своды 1497 и 1518 гг., Ермолинскую, Типографскую, Софийскую вторую, Устюжскую, Воскресенскую, Никоновскую, Новгородскую (по списку Дубровского), Вологодско-Пермскую и Львовскую летописи, а также проанализировали сообщения Владимирского летописца, Степенной книги, «Казанской истории» и некоторых других памятников.

Наиболее значимым, с точки зрения эволюции летописания, является Московский летописный свод конца XV века¹⁰⁸. Еще А.А. Шахматов предположил, что в основе указанной летописи лежит свод 1479 г., у которого был более ранний протограф – великокняжеский свод 1472 года¹⁰⁹. Позже А.А. Шахматов обнаружил свод 1479 г. в «чистом виде» – в Эрмитажном списке XVIII века. Я.С. Лурье принял гипотезу о существовании свода 1472 г. При этом в основе Московского свода 1479 г. ученый выделил еще один источник, датированный 1477 годом. По его мнению, свод 1479 г. – это переработанная версия протографа 1477 года. Памятник 1477 г. был переписан в связи с новгородскими событиями 1478 г. и окончанием строительства Успенского собора в Москве¹¹⁰. Б.М. Клосс не отрицал существования свода 1477 г., но дал иную датировку великокняжеского протографа начала 70-х годов. Он считал, что в основе свода 1477 г. лежит памятник не 1472 г., а летопись, составленная после 1473 года¹¹¹.

Так или иначе, перед нами произведение, отразившее представления современников и, возможно, даже участников тех событий. Здесь мы можем найти пространное описание московско-казанской войны 1467–1469 гг., войны 1487 г. и другие, более лаконичные со-

¹⁰⁸ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 25. М., 1949.

¹⁰⁹ Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI веков. М.; Л., 1938. С. 256–283.

¹¹⁰ Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV веков. М., 1976. С. 122–167.

¹¹¹ Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 149–152.

общения, связанные с Казанью. Данный свод является великокняжеским, то есть отражает позицию московского правительства. Статьи этого памятника стали основой для сводов 1493, 1495 и 1497 годов.

Московский летописный свод конца XV в. является важнейшим источником Иоасафовской летописи, которая, по предположению А.А. Зимина, была составлена в канцелярии митрополита Даниила в начале 20-х годов XVI века¹¹². В рамках нашего исследования Иоасафовская летопись полезна тем, что содержит ряд утерянных фрагментов статей Московского свода. В ходе работы мы обратимся к тексту указанной летописи для восстановления отдельных известий Московского свода, а также для выявления некоторых тенденций развития официального летописания.

Официальное летописание XVI в. представлено Софийской второй летописью, Летописным сводом 1518 г., Владимирской, Воскресенской, Никоновской, Вологодско-Пермской, Александроневской, Львовской летописями и Летописцем начала царства¹¹³.

По предположению Б.М. Клосса и В.Д. Назарова, в основе Софийской второй летописи лежит оригинальный Летописец XV в., «созданный одним из клириков Московского Успенского собора»¹¹⁴. Однако повествование доведено до 1518 г., поэтому основная часть летописи, скорее всего, была составлена в годы правления Василия III. Тогда же возник Летописный свод 1518 г., текст которого во многом совпадает с записями Софийской второй летописи¹¹⁵. Летописный свод 1518 г. и Софийская вторая летопись лежат в основе Львовской летописи, составленной в начале 60-х годов XVI века¹¹⁶.

Владимирский летописец, сформированный под влиянием московского летописания, доводит повествование до 1523 года¹¹⁷. Во-

¹¹² См.: Зимин А.А. Предисловие // Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 3–15.

¹¹³ См.: Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов... С. 256–283; Лурье Я.С. Общерусские летописи... С. 122–167; Клосс Б.М. Никоновский свод... С. 149–152.

¹¹⁴ Клосс Б.М. Предисловие // ПСРЛ. Т. 6. М., 2001. С. V.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов... С. 371;

¹¹⁷ Муравьева Л.Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII – начала XV века. М., 1983. С. 27.

логодско-Пермская летопись, по мнению А.А. Шахматова, создана в 1540-е годы на базе московских сводов конца XV века¹¹⁸. М.Н. Тихомиров пришел к выводу, что автор указанного памятника придерживался промосковской политической ориентации¹¹⁹. Следовательно, его известия, подобно сообщениям Владимирского летописца, носят официальный характер.

Крупнейшими памятниками XVI столетия являются Никоновская и Воскресенская летописи. Никоновская летопись написана при московской митрополичьей кафедре¹²⁰ в конце 1520-х годов¹²¹. Повествование в Воскресенской летописи доведено до 1541 года. По мнению Б.М. Клосса, она составлена в период малолетства Ивана IV и отражает идеи так называемого «боярского правления»¹²².

Самое раннее описание войны 1545–1552 гг. содержится в Летописце начала царства. Предположительно, оно было составлено в 1553 г. при участии Алексея Адашева и других членов «Избранной рады»¹²³. В 1560-е гг. известие вошло в состав всех официальных сводов, однако поздние летописцы несколько изменили первоначальный текст, убрав из него сообщения, показывавшие политику ослабления ханства в период последнего правления Шах-Али в Казани.

Не менее значимым источником является Степенная книга, созданная, предположительно, в начале 1560-х годов протопопом московского Благовещенского собора Андреем, который участвовал в Казанском походе 1552 г., а позднее стал московским митрополитом Афанасием¹²⁴. Согласно И.Н. Данилевскому, автор Степенной книги не отличается точностью и достоверностью повествования, и

¹¹⁸ Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов... С. 372.

¹¹⁹ Тихомиров М.Н. Предисловие // ПСРЛ. Т. 26. М.; Л., 1959. С. 4.

¹²⁰ Насонов А.Н. История русского летописания IX – начала XVIII века. М., 1969. С. 339–401.

¹²¹ Клосс Б.М. Никоновский свод... С. 190.

¹²² Клосс Б.М. Предисловие к изданию 2000 года // ПСРЛ. Т. 7. М., 2001. С. В-Д.

¹²³ Лавров. Н.Ф. Заметки о Никоновской летописи // Летопись занятий археографической комиссии. Вып. 1. Л., 1927. С. 89; Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 31; Данилевский И.Н. Исторические источники XI–XVII веков // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 1998. С. 215.

¹²⁴ Зиборов В.К. История русского летописания XI–XVIII вв. СПб., 2002. С. 144.

источниковедческая ценность приводимых им сведений крайне мала¹²⁵. Однако для нашего исследования это весьма важный источник, отражающий официальную церковную трактовку времен царствования Ивана IV. В Степенной книге нашли отражения далеко не все сюжеты московско-казанских отношений, больше внимания автор книги уделил событиям, предшествовавшим падению Казани, и самому «взятию 1552 года».

Независимой от великокняжеского летописания можно назвать Ермолинскую летопись. А.Н. Насонов, вслед за А.А. Шахматовым, считал Ермолинскую летопись отражением Ростовского владычского свода¹²⁶. Я.С. Лурье определил протограф Ермолинской летописи – Летописный свод 1472 г. – и связал его с Кирилло-Белозерским монастырем¹²⁷. Б.М. Клосс относил Ермолинскую летопись к памятнику, составленному при дворе великой княгини Марии Ярославны, «переехавшей после 1462 г. жить в Ростов»¹²⁸. Ученый даже назвал имя составителя летописи – это дьяк Стефан Бородастый. Б.М. Клосс датировал рукопись концом 80-х – началом 90-х годов XV века. Как и Московский свод, ростовский памятник имеет два протографа: свод 1472 г. и летописный сборник 1477 года. Можно сказать, что составление Ермолинской летописи велось параллельно с работой московского книжника над великокняжеским сводом. Несмотря на данное обстоятельство, автор Ермолинской летописи иначе описал события 1467–1469 гг., войну 1487 года и отношения двух государств на рубеже XV–XVI веков.

Другой взгляд на эти же события содержится в Типографской летописи. Ученые считают, что в основе данного памятника лежит Ростовский свод 1489 года. «Это был летописный свод архиепископа Тихона»¹²⁹. Типографская летопись настолько близка к Московскому летописному своду конца XV в., что А.А. Шахматов назвал ее протографом Московский свод 1479 года¹³⁰. Однако рассказы

¹²⁵ Данилевский И.Н. Исторические источники XI–XVII веков. С. 210.

¹²⁶ Насонов А.Н. История русского летописания... С. 351.

¹²⁷ Лурье Я.С. Общерусские летописи... С. 168–209.

¹²⁸ Клосс Б.М. Предисловие к изданию 2004 года // ПСРЛ. Т. 23. М., 2004. С. V.

¹²⁹ Клосс Б.М. Предисловие к изданию 2000 года // ПСРЛ. Т. 24. М., 2000. С. XI.

¹³⁰ Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов... С. 284–301.

Типографской летописи имеют существенные отличия от сообщений московского летописца. Поэтому более правомерна точка зрения Я.С. Лурье, который относил Типографскую летопись к независимой группе источников¹³¹.

Восприятие провинциального книжника первой четверти XVI в. сохранилось в Устюжской летописи¹³². Летописец подробно описал войну 1467–1469 гг., конфликт 1478 г. и войну 1487 года. Его статьи об указанных событиях наполнены уникальной информацией, судя по которой можно понять, что здесь отражены свидетельства участников происшедшего. Однако известия о некоторых событиях первой четверти XVI в. крайне скудны. Так, рассказ о войне 1505–1506 гг. состоит из нескольких летописных строк. Несмотря на это, известия Устюжского летописца о московско-казанских отношениях первой четверти XVI в. также идут вразрез с позицией официального летописания, что делает данный свод крайне интересным для изучения.

Схожая и не менее интересная трактовка представлена в Новгородской летописи по списку П.П. Дубровского¹³³. Летопись датирована 1539 г. и является сводом многих литературных памятников Новгорода, включая Новгородскую четвертую летопись¹³⁴. Однако новгородское летописание после падения Новгородской республики пришло в упадок, в XVI в. оно стало бытописательским и церковно-историческим и утратило «связь с политикой, с живыми веяниями эпохи»¹³⁵. Возможно, поэтому московско-казанские отношения вызвали слабый интерес у новгородских летописцев, кратко описавших изучаемые события.

По всем признакам, из ряда вон выходящей представляется «Казанская история» – пространное и полисемантическое произведение, привлечшее внимание многих исследователей. Г.З. Кунцевич изучил различные списки «Истории», определил ее источники, установившая уровень достоверности сведений, сравнил известия казанского летописца с сообщениями других источников и датировал

¹³¹ Лурье Я.С. Общерусские летописи... С. 210–241.

¹³² Рыбаков Б.А. Предисловие // ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 3.

¹³³ ПСРЛ. Т. 43. М., 2004.

¹³⁴ Новикова О.Л. Новгородские летописи начала XVI века: текстологическое исследование // Новгородский исторический сборник. Вып. IX. СПб., 2003. С. 221–244.

¹³⁵ Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2000. С. 241.

труд 1564–1565 годами¹³⁶. Г.Н. Моисеева относилa создание «Казанской истории» примерно к тому же периоду и находила в тексте отражение духа опричнины¹³⁷. Согласно Я.Г. Солодкину, «Казанская история» «пронизана оптимистическим настроением» начала 1560-х гг., и «ее связь с переходом Грозного к опричной политике оказывается, таким образом, не столь прямолинейной, как думали ранее»¹³⁸. Э. Кинан считал, что «История» написана в середине XVII в. и несет в себе элементы европейского рыцарского романа, из-за чего существенно отличается от русских памятников литературы XVI века¹³⁹. Эта позиция объясняет стилистическую и сюжетно-смысловую уникальность «Казанской истории», но не имеет источниковедческих аргументов. Более того, текстологический анализ, проведенный отечественными учеными, скорее, указывает на то, что в основе «Истории» лежат литературные памятники, наиболее актуализированные в эпоху правления Ивана IV¹⁴⁰.

«Казанскую историю» едва ли можно назвать летописью. Во-первых, потому что она целиком посвящена описанию русско-ордынских и московско-казанских отношений, во-вторых, написана художественно-публицистическим стилем. Ввиду того, что «Казанская история» содержит обилие уникальных сведений, оформленных с помощью литературно-художественных приемов, ее автора многие историки называли «баснословцем» и «выдумщиком»¹⁴¹. Данное произведение содержит множество «труднообъяснимых» с точки зрения «здорового смысла» известий, являющихся проявлением иносказательности средневековых текстов. Подтверждением то-

¹³⁶ Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905. С. 507.

¹³⁷ Моисеева Г.Н. Казанская царица Сююнбике и Сумбека «Казанской истории» // Труды Отдела древнерусской литературы (далее – ТОДРЛ). Т. 12. Л., 1956. С. 174–187.

¹³⁸ Солодкин Я.Г. О времени создания «Казанской истории» // ТОДРЛ. Т. 52. СПб., 2001. С. 623.

¹³⁹ Keenan E.L. Coming to Grips with the Kazanskaya Istorya. Same Observation on Old Answers and New Questions // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U.S., 1968. Vol. XI. 1964–1968. № 1–2. P. 148.

¹⁴⁰ См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 454

¹⁴¹ Волкова Т.Ф., Лобакова И.А. Комментарии к «Казанской истории» // Библиотека литературы Древней Руси (далее – БЛДР). Т. 10. СПб., 2000. С. 593.

му служит работа М.Б. Плюхановой, которая выявила в «Истории» множество парафразов из Священного Писания и древнерусской литературы. Казанский летописец в панораме истории московско-казанских отношений пытался показать овладение царственной силой и, вместе с тем, гибель царства¹⁴². Чтобы наиболее убедительно представить идею «обретения» одного царства через гибель другого, книжник привлек сведения из самых авторитетных произведений своего времени, не взирая на то, что эти данные порой не согласовывались с известиями других источников.

«Казанская история» описывает практически все основные события московско-казанских отношений, попавшие в поле зрения летописцев и других источников. Впрочем, следует отметить, что война 1467–1469 гг. и некоторые другие вехи остались без внимания автора «Истории». К тому же, его повествование не всегда имеет четкую хронологическую последовательность и датировку.

К сожалению, не сохранился дипломатический архив так называемых «Казанских дел», но в нашем распоряжении имеются полезные сведения из посольских документов по связям Русского государства с другими странами. Наиболее важными представляются памятники отношений с Крымским ханством и Ногайской Ордой, оказавших наиболее серьезное влияние на ход московско-казанских отношений. Многие документы посольского архива XV–XVI вв. опубликованы¹⁴³. О внешнеполитических связях Мухаммад-Амина и Сафа-Гирея с польско-литовскими правителями можно судить на основе дипломатических актов, обнаруженных в польском архи-

¹⁴² Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 202.

¹⁴³ См.: Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. VII–IX. СПб., 1791, 1793, 1795; Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. Одесса, 1863. С. 178–419; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. I–II. М., 1813, 1819; Сборник русского исторического общества. Т. 35, 41, 59, 95. СПб., 1882, 1884, 1887, 1895; Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1508 гг. М., 1984; Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань, 2006; Служилое казачество в русско-ногайских отношениях. По материалам Посольского приказа. 1534–1548 гг. // Исторический архив. № 3. 2006. С. 189–203.

ве¹⁴⁴. Некоторые из интересующих нас грамот хранятся в Российском государственном архиве древних актов¹⁴⁵. Эти документы не только отражают внешнеполитические устремления государств Восточной Европы, но и показывают представления о нормах международных отношений того времени. Они важны и с точки зрения верификации летописных сведений, поскольку зачастую имеют независимое происхождение. Немало полезных сведений можно почерпнуть из разрядных книг¹⁴⁶, содержащих более подробную информацию о составе русских войск, чем официальные своды.

Сочинения иностранцев рассказывают как о внутреннем устройстве Московского государства, так и о его международном положении¹⁴⁷. Однако при использовании этих сведений необходимо обратить внимание на то, что представления иностранцев об отношениях Русского государства с Казанским ханством и некоторыми другими татарскими «юртами» формировались, главным образом, на основании венгерских и польских источников и данных, поступавших от московских дипломатов. Исключение составляют лишь произведения венецианского купца И. Барборо¹⁴⁸ и имперского посла С. Герберштейна¹⁴⁹. В труде И. Барборо, написанном в 1488–1489 гг., содержатся сведения о политических успехах Ивана III на востоке и о торговых отношениях Казанского ханства, переданные

¹⁴⁴ См.: Мустафина Д. Послание царя казанского // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1997. № 1. С. 26–38; Трепавлов В.В. «Хочем с тобою быти у братстве и в приязни» (Послания короля Сигизмунда I хану Мухаммед-Амину) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2010. № 3/4. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2010_3_4/02/02/.

¹⁴⁵ См.: Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 123. Кн. 8; Там же. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 2; Там же. Оп. 2. Ед. хр. 3–6.

¹⁴⁶ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1–2. М., 1977.

¹⁴⁷ См.: Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936; Кампензе А. Письмо Альберта Кампензе к Его Святейшеству папе Клименту VII о делах Московии // Библиотека иностранных писателей о России. Т. I. СПб., 1836; Доношения о Московии. М., 1996; Иовий Павел Новокомский. Книга о посольстве Василия, великого князя Московского к папе Клименту VII. СПб., 1908. С. 274.

¹⁴⁸ Барборо и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971.

¹⁴⁹ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1989.

из уст купцов и путешественников, побывавших в Поволжье¹⁵⁰. С. Герберштейн, посетивший Москву с дипломатическими визитами в 1517 и в 1526 гг., составил «Записки о Московии», помимо официальных записей, изучив русские летописи и опросив очевидцев событий. За счет этого имперскому дипломату удалось создать оригинальное описание внутреннего уклада жизни татар и московско-казанских отношений¹⁵¹.

Уникальные известия о московско-казанской войне 1549–1550 гг. несет произведение «Зафер наме-и Вилайет-и Казан», созданное астраханским мыслителем Х. Шерифи или казанским сейидом Кул-Шерифом. Сочинение было найдено в архивах Турции в 1966 г. и впервые опубликовано на русском языке в 1995 году. По предположению ученых, оно составлено очевидцем событий и является чуть ли не единственным источником, отражающим представления татар о московско-казанском противостоянии того периода¹⁵².

¹⁵⁰ Хансгерд Гекеньян. Западные сообщения по истории Золотой Орды и Поволжья 1223–1556 // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2001. С. 100–101.

¹⁵¹ Там же. С. 101–102.

¹⁵² Зафер наме-и Вилает-и Казан // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1995. № 1. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/1995_may/04/03/

Глава II

Становление казанско-московских отношений (1445–1487 гг.)

§ 1. Образование Казанского ханства

Известно, что в середине XV века на месте Булгарского улуса Золотой Орды сформировалось Казанское ханство. Казань стала самостоятельным политическим центром Среднего Поволжья – ханством – после воцарения в городе представителей ханского рода – потомков Джучи. При этом из-за летописных разночтений и недостаточности сведений историки не дают однозначных ответов на вопросы: кто, когда и при каких обстоятельствах основал Казанское ханство?

Впервые мнение о том, что Казанское ханство было основано бывшим ордынским ханом Улу-Мухаммадом, высказал А.И. Лызлов, за которым последовали П.И. Рычков, Н.М. Карамзин и С.М. Соловьев¹. Данная точка зрения базировалась на сообщениях «Казанской истории». В.В. Вельяминов-Зернов больше доверял сведениям Воскресенской и Никоновской летописей и считал, что ханство основал сын Улу-Мухаммада, Махмуд, в 1445 г. захвативший Казань². По М.Г. Худякову, не представившему заслуживающих внимания аргументов, ханство было образовано в 1437–1438 гг. Улу-Мухаммадом³. Схожим образом мыслил и А.А. Зимин, подтвердивший свои соображения тем, что известия Воскресенской, Никоновской летописей и «Государева родословца», лежащие в основе гипотезы В.В. Вельями-

¹ Лызлов А. Скифская история. Ч. I. СПб., 1776. С. 68–69; Рычков П.И. Опыт казанской истории древних и средних времен. СПб., 1767. С. 81; Карамзин Н.М. История государства российского. Т. V. СПб., 1819. С. 273; Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 2. Т. 3–4. История России с древнейших времен. М., 1988. С. 392.

² Вельяминов-Зернов. В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб., 1863. С. 6–10.

³ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. С. 22–25.

нова-Зернова, имеют позднее происхождение и противоречат данным других источников⁴. Однако А.А. Зимин, как и последовавшие за ним исследователи⁵, не уточнил, каким «другим источником» противоречат официальные летописи XVI века.

Ценные замечания по этому поводу сделал Б.Л. Хамидуллин, указавший на то, что ни один источник XV–XVI вв., кроме «Казанской истории», не называет Улу-Мухаммада первым казанским ханом. Согласно заключению исследователя, более достоверными можно считать родословные книги, Воскресенскую и Никоновскую летописи, сообщающие, что первым ханом Казани был сын Улу-Мухаммада, Махмуд, в 1445 г. подчинивший город⁶. К той же мысли сводятся рассуждения Д.А. Котлярова, который писал, что после смерти хана Улу-Мухаммада Махмуд с основной частью татар отправился вниз по Волге и захватил Казань⁷.

По мнению А.Г. Бахтина, именно Махмуд, свергнув местного князя Алим-бека, обосновался в Среднем Поволжье, тогда как Улу-Мухаммад, намериваясь вернуться в Сарай, не претендовал на прямое правление Булгарским улусом. Ученый пришел к выводу, что основателем казанской династии был Улу-Мухаммад, а первым казанским ханом – его сын Махмуд⁸.

⁴ Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодалная война в России XV в. М., 1991. С. 105.

⁵ Алишев С.Х. Источники и историография города Казани. Казань, 2001. С. 34; Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009. С. 52–53.

⁶ Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. Казань, 2002. С. 128–130. См. также: Хамидуллин Б. Предыстория Казанского ханства: образование и этническая история Казанского «княжества» (постановка проблемы) // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Материалы научного семинара «Казанское ханство: актуальные проблемы исследования». Казань, 2002. С. 96–97; Мухамедьяров Ш.Ф., Хамидуллин Б.Л. «Казанское взятие»: взгляд из XXI века // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. статей. Вып. 1. Материалы всероссийской научно-практической конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья в XVI–XIX вв.», посвященной 80-летию юбилею доктора исторических наук С.Х. Алишева (г. Казань, 24 марта 2009 г.). Казань, 2010. С. 56.

⁷ Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: У истоков национальной политики России. Ижевск, 2005. С. 102.

⁸ Бахтин А.Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. Йошкар-Ола, 2008. С. 140, 231.

Таким образом, историки выдвигали разные гипотезы относительно воцарения Махмуда в Казани. Так как определяющее влияние на историографию оказывала нарративная традиция, сложившаяся преимущественно в XV–XVI вв., для прояснения ситуации необходимо рассмотреть сообщения источников, исходя из их генеалогии. Наиболее ранние известия сохранились в Московском летописном своде конца XV в., Летописном своде 1497 г., Никаноровской, Ермолинской, Симеоновской, Типографской и Тверской летописях.

В основополагающем для официального русского летописания Московском летописном своде конца XV в. сохранился следующий рассказ об интересующих нас событиях. Осенью 1437 г. свергнутый ордынский хан Улу-Мухаммад, спасаясь от погони, пришел в г. Белев. Василий II отправил к Белеву «многочисленны полкы», при виде которых Улу-Мухаммад «убоявся... и начат даватися во всю волю князем Русским». Но воеводы «не послуша царевых речей» – у стен крепости «бысть им бой силен... и Татар... в город вгониша». На следующий день хан Улу-Мухаммад сделал еще одно мирное предложение, обещая после возвращения на престол «земли Русские стеричь» и не брать с них «выхода», а «в закладе на том» намеревался выдать воеводам своего сына, Махмуда, «и князи своих детеи». Когда русские не согласились и на это предложение, их полки, «ником не гонимы», дрогнули и обратились в бегство. В результате «малое безбожных воинство бесчисленное христиан воинство съодоле и изби, яко единому Агарину десяти нашим и выше того одолети». Причины небывалого поражения летописец видел во многих прегрешениях, совершенных православными воинами в отношении своих единоверцев по дороге в Белев⁹.

По данным того же летописца, в июле 1439 г. на Москву неожиданно напал Улу-Мухаммад. Город он не взял, но «зла много учени земли Руской». Зимой 1444–1445 гг. Улу-Мухаммад «пришел бо сел в Новгороде Нижнем старом и оттуду поиде к Мурову». Узнав о приближении великокняжеских войск, хан выехал из Муром в Нижний Новгород, а Василий II, «побив» татар под Муромом и Гороховцем, вернулся в Москву. Весной 1445 г. сыновья Улу-Мухаммада, Махмуд и Якуб, под Суздалем разбили русское войско, пленили Василия II, дошли до Владимира и, не взяв город, через Муром верну-

⁹ ПСРЛ. Т. 25. М., 1949. С. 260.

лись к Нижнему Новгороду. 25 августа 1445 г. Улу-Мухаммад «з детьми своими и со всею Ордою своею поидоша из Новгорода к Курмышу, а князя великого с собою поведоша». В октябре того же года татары, взяв выкуп и крестное целование, отпустили Василия II в Москву в сопровождении «послов своих многих»¹⁰.

Московский летописный свод ничего не говорит о дальнейшей судьбе Улу-Мухаммада, а под 1447 г. информирует: «царь Казаньскы Махмутек послал всех князей своих со мною силою воевати отчину великого князя, Володимерь и Муром и прочаа грады, слышав же то князь велики посла противу их»¹¹. Заслуживает внимания не только то, что здесь «казанским царем» называется Махмуд, но и то, что летописец впервые соотносит казанский престол с династией Улу-Мухаммада. До этого события дислокация ханской орды связывалась с Белевым, Нижним Новгородом, Муромом и другими населенными пунктами, но никак не с Казанью.

Похожие известия сохранились в Ермолинской, Никоноровской и Симеоновской летописях¹², Летописном своде 1497 г.¹³ и, в сокращенном виде, в Тверской и Типографской летописях¹⁴. Примерно в том же ключе об этих событиях повествуют летописные своды XVI века¹⁵. Следовательно, современники и ближайшие потомки не считали Улу-Мухаммада казанским ханом, то есть походы хана на Русские земли в сознании летописцев не ассоциировались с действиями казанцев. На основе представленных известий можно лишь заключить, что в 1437 г. хан лишился сарайского престола и в последующие годы, не имея своего «юрта», захватывал русские города и зимовал в них.

Никоновская летопись уточняет, что Улу-Мухаммад бежал из Большой Орды от хана Кичи-Мухаммада в Белев и после разгрома

¹⁰ Там же. С. 260, 262–263, 394–365.

¹¹ Там же. С. 269.

¹² Там же. Т. 23. М., 2004. С. 149–152; Т. 27. М.; Л., 1962. С. 106–107, 109–110, 114; Т. 18. М., 2007. С. 188–190, 193–195, 203.

¹³ Там же. Т. 28. М., 1963. С. 101–102

¹⁴ Там же. Т. 15. СПб., 1863. Стб. 491; Т. 24. М., 2000. С. 183.

¹⁵ Там же. Т. 6. М., 2001. Стб. 69–70, 102, 104–106; Т. 8. СПб., 1859. С. 107, 111–114; Т. 12. СПб., 1901. С. 24–25, 30, 63–66; Т. 20. М., 2005. С. 240–241, 256–259; Т. 21. Ч. II. СПб., 1913. С. 460, 463–464, 471; Т. 26. М.; Л., 1959. С. 192–193, 196–199, 207; Т. 37. М., 1982. С. 43–44; Т. 43. М., 2004. С. 180–181.

русских войск «засяде» в Нижнем Новгороде, «в нем же живяше»¹⁶. То есть, по мнению летописца, Улу-Мухаммад с 1437 по 1445 г. жил в Нижнем Новгороде, откуда организовывал набеги на другие русские земли. В статье под 1555 г. автор Никоновской летописи, обращаясь к истории распространения православия в Среднем Поволжье, писал о возникновении Казанского ханства. Согласно ему, в 1445 г. после освобождения Василия II «царь Мамутяк, пришед ис Курмыша, Казань взял, а Казаньского князя Азыа убил и сам на Казани въцарился»¹⁷. Еще одно уникальное дополнение к обозначенным известиям сохранилось в Воскресенской летописи, согласно которой осенью 1445 г. Махмуд, убив местного князя Либея, захватил Казань и «сам сел... царствовать»¹⁸. Таким образом, даже текстуально близкие летописи по-разному описывают воцарение Махмуда в Казани.

Автор «Казанской истории» в начале повествования пояснил, что он не обнаружил в русских летописях сообщений об основании Казанского ханства, однако кое-что видел в казанских летописях. В поисках информации книжник обращался даже к «искуснейшим русским людям», но они, не зная истины, отвечали по-разному¹⁹. Иначе говоря, уже в 60-е гг. XVI в. в России не существовало ясных и однозначных представлений о возникновении Казанского ханства. Вероятнее всего, создатель «Истории» привел лишь одну из наиболее распространенных версий о «начале Казани».

Согласно «Казанской истории», хан Улу-Мухаммад в декабре 1397 г., разгромив 40-тысячную рать Василия II у Белева, отправился к запустевшей от русских набегов Казани, где возвел новые крепостные стены и начал царствовать. Со временем в город стали стекаться «варвары» из Золотой Орды, Азова, Астрахани и Крыма. «И преиде царьская слава и честь велия Болшия Орды старые премудрые ордамъ всем на преокаянную младую дщерь Казань»²⁰.

Улу-Мухаммад осаждал многие русские города, в том числе и Москву. По заключению книжника, бед от него было больше, чем

¹⁶ Там же. Т. 12. С. 64.

¹⁷ Там же. С. 251.

¹⁸ Там же. Т. 8. С. 114.

¹⁹ Казанская история // БЛДР. Т. 10. СПб., 2001. С. 254.

²⁰ Там же. С. 274.

от любого другого хана. «И умре (Улу-Мухаммад. – А.А.) в Казани и со юнейшим своим сыном съ Ягупом: оба ножем зарезаны от болшого сына своего Мамотяка. А царствова на Казани 7 лет»²¹.

Сообщение «Казанской истории» о том, что Улу-Мухаммад основал Казанское ханство и погиб от рук своего сына уникально. В.В. Вельяминов-Зернов и Н.П. Загоскин приняли на веру рассказ об убийстве Махмудом своего отца, Улу-Мухаммада²², тогда как М.Г. Худяков посчитал это «нелепым вымыслом»²³. Отталкиваясь от этого известия, Л.Н. Гумилев заключил, что Касим взял «на себя бремя мести за убийство своего отца». Согласно ему, борьба между Касимом и Махмудом сказалась и на дальнейших событиях: в 1467 г. Касим при поддержке Ивана III выступил в поход против молодого казанского хана Ибрагима, сына Махмуда²⁴. А.Г. Бахтин рассуждал следующим образом: поскольку многие татарские ханы той поры «погибали в ходе борьбы за власть», «насильственное устранение с политической сцены Улу-Мухаммада выглядит вполне традиционно для Золотой Орды». При этом исследователь посчитал, что именно Махмуд после убийства Улу-Мухаммада в 1445 г. основал Казанское ханство²⁵. То есть он представил сообщения Никоновской и Воскресенской летописей в свете обстоятельств, переданных автором «Казанской истории».

Еще Г.З. Кунцевич отметил то, что известие об убийстве Улу-Мухаммада не подтверждено ни одним другим источником, кроме позднейшего упоминания казанского муллы²⁶. Необходимо учитывать, что автор «Истории» часто прибегал к широко распространенным в средневековой литературе приемам иносказательности. Достаточно вспомнить его сообщение о Сююмбике, описание похода

²¹ Там же. С. 276.

²² Вельяминов-Зернов. В.В. Исследование о касимовских царях... С. 11; Загоскин Н.П. Спутник по Казани. Казань, 1895. С. 36–37.

²³ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 34.

²⁴ Гумилев Л.Н. От Руси до России: Очерки этнической истории. М., 2004. С. 183. Подобные мысли высказал и Б.Р. Рахимзянов. См.: Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство... С. 108.

²⁵ Бахтин А.Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. С. 135–140.

²⁶ Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905. С. 251.

Ивана IV на Казань в 1552 г. и другие известия, созданные на основе реминисценций из библейских книг и несущие символический смысл²⁷. Возможно, и в данном случае автор «Истории», предавшись аллегорическому толкованию событий, обратился к популярному сюжету царевубийства. Семантику подобного известия проясняет ветхозаветный рассказ, в котором от рук своих сыновей принял смерть жестокий ассирийский царь Сеннахирим, преследовавший праведных людей и пытавшийся покорить Иерусалим²⁸. Следовательно, средневековыми знатоками Священного Писания такая смерть воспринималась как воздаяние за несправедливое царствование и угнетение богобоязненных людей.

Вместе с тем, автор «Казанской истории» использовал прямые и косвенные цитаты из других памятников, подчеркивая замысел своего произведения. На протяжении всего повествования он неоднократно повторял мысль, что «мечем и на крови зачася Казань, такоже и скончася мечем и кровию»²⁹. Вероятно, картину царевубийства книжник заимствовал из наиболее авторитетных сочинений своего времени, поскольку она хорошо вписалась в его концепцию кровавого зарождения и кровавой гибели «Казанского царства».

Как видим, повествование «Казанской истории» разительно отличается от предыдущих сообщений. Схожи лишь известия о разгроме великокняжеских войск под Белевом и о походах Улу-Мухаммада на Русь. Таким образом, мнение о том, что ханство основано Улу-Мухаммадом в 1437–1438 гг., составлено историками на основе соединения противоречивых сведений. За основу этой гипотезы взято сообщение «Казанской истории» о приходе ордынского хана в Казань в 1397 году. При этом ученые отвергли явно ошибочную датировку, почерпнув хронологию событий из официальных летописей, вовсе не связывавших имя Улу-Мухаммада с Казанским ханством.

В итоге ни одна из рассмотренных версий образования Казанского ханства не подтверждается хотя бы двумя независимыми источниками. Заметим, что долгое время данный вопрос не интересо-

²⁷ Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 193, 200.

²⁸ 4 Цар. 19: 37; Тов. 1: 2; Ис. 37:38.

²⁹ Казанская история. С. 203.

вал русских книжников – только в середине XVI века в связи с известными событиями летописцы задумались об обстоятельствах появления ханства. Причем осмысление событий строилось в русле официальной позиции Москвы, суть которой отражает грамота, адресованная крымскому хану Сахиб-Гирею. Русские дипломаты, обосновывая права Ивана IV на Казанский юрт, отвечали крымскому хану, что «которой государь придет ратью да возьмет которого государя, да его сведет, а землю его даст кому всхочет, не тово ли земля будет хто ее взял?». По их словам, еще Иван III взял Казань, как «цари, которые лишась своих юртов ордынских пришед на Казанской юрт войнами, неправдами что имали»³⁰. Иначе говоря, в XVI веке представление о военном подчинении Казани ордынскими ханами могло появиться в силу того, что оно объясняло правомерность политических притязаний Москвы и оправдывало походы русских на восток.

На то, что первым казанским ханом был Махмуд, указывают и другие источники³¹, однако только Никоновская и Воскресенская летописи датируют появление хана в Казани. Все вышеизложенное заставляет весьма осторожно рассуждать о датировке и обстоятельствах возникновения Казанского ханства. Таким образом, можно лишь условно говорить об образовании Казанского ханства в 1445 году.

Вероятнее всего, по своему самосознанию Улу-Мухаммад не был первым казанским ханом, так как считал себя ханом всего Улуса Джучи. Все же в источниках сохранились данные о пребывании этого хана в Казанском юрте. В сочинении Абдулгаффара Кырыми «Умдет ал-ахбар» говорится о том, что «(Улуг Мухаммад-хан) ушел в сторону Казани и обманным путем взял ее у, правившего там из рода Шибан, Алтунай султана и подчинил своему правлению, и долгие годы его род был там правящим родом»³². В.Д. Смирнов, ссылаясь на сочинение французского востоковеда Л. Лангле, писал о том, что, по известиям восточных историков, Улу-Мухаммад,

³⁰ РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Кн. 8. Л. 480.

³¹ Сборник Русского исторического общества. Т. 95. СПб., 1895. С. 696; Родословная книга князей и дворян Российских и выезжих. Ч. 1. М., 1787. С. 26.

³² Миргалеев И.М. Сведения Абдулгаффара Кырыми о Казанском ханстве // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Выпуск 4. Казань, 2012. С. 96.

опасаясь столкновения с ханом Сейид-Ахмадом, бежал из Крыма в Казань³³.

В то же время в русских летописях много говорится о походах Улу-Мухаммада на восточные и юго-восточные окраины Московского государства, что косвенно указывает на присутствие хана в Среднем Поволжье. При этом не стоит забывать о том, что со времен Бату-хана в Булгарском улусе располагалась летняя ставка золотоордынских ханов³⁴, а в дастане «Идегей» Булгар наряду с Сараем назван домом хана Токтамыша³⁵. Вместе с тем в 1420-е гг. Новым Булгаром (Булгар аль-Джадид) начинают именовать Казань³⁶. Данное обстоятельство указывает на то, что в руках Улу-Мухаммада и его потомков Казань могла выступать центром объединения земель Улуса Джучи. Как бы то ни было, выходцы из Золотой Орды объединили земли Среднего Поволжья вокруг Казани.

Впрочем, некоторые историки полагали, что Казанское государство образовалось задолго до прихода ордынской династии³⁷. Возможно, так оно и было, однако для Руси отношения с Казанским ханством актуализировались только во второй половине XV века. Поэтому уместнее вести историю московско-казанских отношений именно с этого времени.

³³ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 207.

³⁴ Измайлов И. Булгарский улус: Булгар и другие эмираты // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. С. 450.

³⁵ Идегей. Татарский народный эпос / Перевод С. Липкина, научный редактор М.А.Усманов. Казань, 2006. С. 13.

³⁶ Перевод фрагмента хроники «Хикайат» об истории возникновения Казани // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань, 2014. С. 900; Измайлов И. Булгарский улус: Булгар и другие эмираты. С. 468.

³⁷ Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983. С. 125–140; Әхмәтжанов М. Казан ханнары тарихыннан // Идел. Казан, 1994. № 11. Б. 60–65.

§ 2. «Первая казанская война»

Повествуя о жизни Руси в 50-е годы XV в., летописцы практически не затрагивают московско-казанские отношения. Их статьи посвящены описанию русско-ордынского противостояния, московско-новгородского конфликта и других событий³⁸. В 60-е годы XV в. отношения между Москвой и Казанью серьезно обострились дважды. Первый раз это произошло на закате правления Василия II, второй раз – в начале княжения Ивана III. По данным источников, в 1461 г. престарелый великий князь возглавил поход на Казань, однако тогда войне не суждено было начаться, так как во Владимир «придоша послы ис Казани, и взяша мир»³⁹.

Исследователи объясняли ухудшение отношений в этот период тем, что Москва прекратила выплату дани Казани, боролась за контроль над Вяткой и Пермью, стремилась освободить многочисленных русских невольников и препятствовала сближению Казанского ханства с Большой Ордой⁴⁰. Однако эти выводы не всегда находят подтверждение в источниках и нуждаются в перепроверке.

Крупнейшим событием первых лет правления Ивана III стала московско-казанская война 1467–1469 годов. Масштабная панорама войны, представленная официальным летописанием, привлекала внимание многих видных деятелей исторической науки. Одним из первых был Н.М. Карамзин. Придворный историограф подробно описал ход войны, заострив внимание на победоносных операциях русского командования. Летописная идея религиозной войны трактовалась им как жажда подвига, то есть главной целью русских была не борьба с иноверцами, а обретение «ратной чести». Он считал, что Иван III хотел «присвоить себе власть над опасною Казанью, чтобы успокоить наши восточные границы»⁴¹. В результате Н.М. Карамзин создал образ мудрого правителя, который с помо-

³⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 270–277; Т. 28. С. 110–115.

³⁹ Там же. Т. 25. С. 277; Т. 28. С. 116; Т. 11. М., 1965. С. 114.

⁴⁰ Бахтин А., Хамидуллин Б. Политическая история Казанского ханства // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 292.

⁴¹ Карамзин М.Н. История государства Российского. Т. VI. СПб., 1819. С. 13–14.

шью наступательных действий отважных воинов, славящих «победу и государя», обезопасил границы Руси⁴².

При изучении казанской войны ученый опирался, главным образом, на великокняжеское летописание, хотя располагал данными и других источников. Он не показал взгляды иных книжников, так как рассказ московского летописца больше подошел к проекту под названием «История государства Российского», главная цель которого – показать славную историю россиян, ход которой определен мудрым монархом.

В своих рассуждениях Н.М. Карамзин опирался на доктрины имперского государства. Маловероятно, что подобными принципами руководствовались москвичи XV века. Событийное содержание Московского свода полностью отражено в работе историка, которая является результатом переработки великокняжеской позиции на почве идей монархизма конца XVIII – начала XIX века.

С.М. Соловьев пересмотрел «Историю» Н.М. Карамзина и сделал противоположные выводы относительно результатов войны 1467–1469 гг.: «В четыре описанные похода⁴³ ничего не было сделано: весь успех ограничивался опустошением неприятельских областей, за что казанцы также не оставались в долгу;... мало того, – выгода была явно на стороне казанцев, потому что им удалось подчинить себе Вятку»⁴⁴.

С.М. Соловьев описал неудачные действия русских войск с помощью привлечения сведений из других источников. Наряду с великокняжескими летописями (Софийская вторая и Никоновская), он использовал Устюжский и Архангелогородский летописцы. Акцентируя внимание на известиях провинциального летописания, ученый пришел к выводу о безрезультатности первых четырех походов на Казань. Восприняв мысль устюжского летописца о причине неудач русских в войне, он писал: «Неуспех главным образом зависел от недостатка единства в движениях, от недостатка подчиненности». Осенний поход 1469 г. историк оценил как попытку получить «чего-

⁴² Там же. С. 15.

⁴³ Поход Касима в 1467 г., зимний набег на черемисов 1467–1468 гг., действия русских войск на Вятке и Каме в 1468 г., поход на Казань весной 1469 г.

⁴⁴ Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 3. М., 1989. С. 68.

нибудь решительного»⁴⁵. По его мнению, мир, предложенный казанцами, был охотно принят русскими воеводами, так как Москве нужно было решать другие, более важные проблемы с Новгородом и Ордой.

Для этого объективного освещения хода военных действий С.М. Соловьев привел в порядок факты из самых различных источников, построил на основе разрозненных и, подчас, противоречивых известий единую картину войны. Однако в своих оценках ученый доверился устюжскому летописцу, проигнорировав тем самым мнение остальных книжников.

Другая попытка изучить конфликт 1467–1469 гг. была принята М.Г. Худяковым, который писал, что Московское правительство вступило в войну для того, чтобы поддержать одного из претендентов на казанский престол. Иван III помог своему вассалу – служилому царевичу Касиму, пытавшемуся после смерти старшего брата стать казанским ханом. Но поход Касима закончился неудачно, и русские, якобы, отказались от идеи продолжения войны. По мнению историка, казанцы, испытавшие подъем национальных чувств, сами решили возобновить боевые действия. Он утверждает, что, несмотря на все неудачи, московское правительство добилося поставленной цели – «освобождения из неволи попавших к казанцам русских людей»⁴⁶.

К.В. Базилевич не отрицал религиозную подоплеку войны 1467–1469 гг., но, все же, основную цель московского правительства усматривал в другом. По его мысли, Иван III поддержал Касима, желая установить вассальное подданство казанских ханов. Но поход мещерского царевича завершился неудачей, и великий князь изменил планы. Продолжая войну, Иван III «не ставил задачи овладения Казанью». Главный результат военных операций 1467–1469 гг. заключался в приобретении боевого опыта, положенного в основу большого похода на Казань осенью 1469 года.

По словам К.В. Базилевича, «во всех последующих войнах с Казанью характер боевых действий, в большей или меньшей степени, воспроизводил поход 1469 года»⁴⁷. Ученый считал, что москов-

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. С. 35–39.

⁴⁷ Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства во второй половине XV века. М., 1950. С. 71.

ское командование, в целом, справилось с поставленной задачей, и выразил полное несогласие с выводами С.М. Соловьева. Казанская война 1467–1469 гг. была первым успехом Ивана III и значительным событием в истории России. Таким образом, советский историк принял взгляды великокняжеских летописцев и встал на позицию Н.М. Карамзина. С основными выводами К.В. Базилевича согласился Ю.Г. Алексеев, отметивший при этом некоторые недостатки в организации походов 1467–1469 годов⁴⁸.

Тем временем С.Х. Алишев придерживался мнения С.М. Соловьева относительно результатов войны 1467–1469 годов. Однако ученый, в отличие от С.М. Соловьева, обличил агрессивные действия московского правительства и выставил татар жертвой враждебной политики западного соседа⁴⁹.

Противоположная точка зрения высказана на страницах исследования Д.А. Котлярова, считающего, что «разорение западных окраин Казанского ханства не было бессмысленной жестокостью, поскольку тем самым ликвидировался или ослаблялся плацдарм для нападения на русские земли по левому берегу Волги». Историк разъяснил, что «борьба с Казанью рассматривалась как дело защиты независимости Русского государства в лице его главы, неотделимое от защиты религиозных убеждений – православной веры». Перефразировав великокняжескую трактовку событий, он, подобно московскому книжнику, занялся апологией завоевательной политики великого князя. Однако если для средневекового человека оправданием войны выступала борьба за религиозные ценности, то в наши дни боевые действия можно оправдать, обозначив их оборонительный характер, направленность на сохранение независимости государства. В итоге ученый сделал следующий вывод: «Результатом походов 1467–1469 гг. стал решающий перелом в русско-казанских отношениях: произошел переход от стратегической обороны к стратегическому наступлению. Это была первая победа Руси над страной Джучиева улуса, ставшая важным этапом в становлении Русского государства. Итогом походов на Казань... явилось... установление политической зависимости Казанского ханства от Москов-

⁴⁸ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009. С. 89–95.

⁴⁹ Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI веках. Казань, 1995. С.33.

ского государства... И хотя независимость Казани вскоре была восстановлена, сам факт подчинения воле московского государя в дальнейшем оказался мощным аргументом в руках великих князей, апеллировавших к традиции русского владычества над ханством»⁵⁰. Таким образом, концепция Д.А. Котлярова противостоит не только взглядам С.Х. Алишева, но С.М. Соловьева.

Скорее всего, корень историографических дискуссий кроется в различии идейных установок, с которыми авторы подошли к изучению событий. Взгляды пересматривались из поколения в поколение: историки прислушивались то к одним источникам, то к другим. Ниже мы попытаемся на основе герменевтического анализа показать позицию каждого летописца.

В Московском летописном своде конца XV в. содержится статья «О первой Казани»⁵¹, благодаря которой московско-казанский конфликт 1467–1469 гг. в исторической литературе получил название «первой казанской войны».

Как уже говорилось, некоторые статьи Московского свода были составлены в 70-е годы XV в., то есть автор буквально по горячим следам осветил произошедшее. Книжник представил «первую казанскую войну» следующим образом: «В лето 6976 (1467 г. – А.А.). Съ вздвижениява дни ходил царевич Касым к Казани, а с ним великого князя воеводы». Поход закончился неудачей, так как «срете их царь Казански Обреим со всеми князьями своими и с силою своею и не дасть им перевестися на свою сторону (Волги. – А.А.)». В ответ казанские татары напали на Галич. Вскоре Иван III разослал «заставы» в Муром, Нижний Новгород, Галич и Кострому. «На Николин день декабря 6» великокняжеские войска двинулись в восточном направлении и в течение зимы разорили земли черемисов, подвластных казанцам. Муромцам и нижегородцам было велено «воевати по Волзе»⁵². Полки хана Ибрагима, в свою очередь, сожгли в Устюжской земле город Кичмегу.

⁵⁰ Котляров Д.А. Русь и Поволжье: этнополитическое взаимодействие (XIV–XVI века) // Формирование российской государственности. Екатеринбург, 2003. С. 317–324.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 279.

⁵² Там же.

Весной 1468 г. развернулась новая военная кампания. Казанское ханство было атаковано с севера. В походе участвовали москвичи и вологжане, которые «на Николин день» соединились с устюжанами и отправились вниз по Вятке. Русские войска уничтожили прибрежные поселения по Каме и Волге. Тем временем казанцы подчинили Вятку – союзника Москвы. Воеводы великого князя до лета ходили по Волге, «гостей побили многих» и разбили отряд «татарове двести человек». В июне того же года князь Федор Хрипун «побиша Татар Казанских, двор царевъ, многих добрых»⁵³.

Весной 1469 г. великий князь отправил К.А. Беззубцева с воеводами «на Казанские места». К москвичам примкнули «дети боарские изо всех градов» и воеводы «изо всех отчин братии». Армия Ивана III выступила на восток тремя колоннами: судовая рать по р. Волге, судовая рать по р. Каме и конная рать по берегу Волги. Северная группа войск направилась к Вятке, чтобы вятчане «пошли с ними на Казанского царя». Но вятские воеводы отказались идти на Казань, так как «изневолил (их. – А.А.) царь и право свое дали есмю ему, не помогати ни царю на великого князя, ни князю великому на царя»⁵⁴.

Тем временем волжская судовая рать подошла к Нижнему Новгороду. Здесь «большей» воевода К.А. Беззубцев получил приказ из Москвы: «стояти ему самому в Новгороде», а тех, «кто всхочет», отправить «воевати Казанские места», при этом «к городу Казани не ходите». «И поидоша вси, а Костянтин остася в Новгороде». По дороге войска «сташа под Николюю на Бечеве», где велели священникам молиться «за великого князя и за воя его». После этого «вои... у святого Николы молебнаа створиша»⁵⁵ и выбрали себе главного воеводу – И.Д. Руно.

И.Д. Руно совершил нападение на казанский посад, его люди освободили христианский «полон». Немного повоевав, «рать отступи от града» и «отидоша на острав Коровнич». «Ту прибеже к ним ис Казани полоняник Коломнятинъ, сказывая им, что до полна собрался на них царь Казанской Обреимъ со всею землею своею». «Аще и мнози суть» пришло татар, но русские сумели дать отпор, прогнав врага «до самого города Казани полоемъ и под стену»⁵⁶.

⁵³ Там же. С. 280.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. С. 282.

Посол великого князя вел переговоры с вятчанами, пытаясь склонить их к походу на Казань. Жители Вятки говорили ему, что «коли подьидут под Казань братиа великого князя, тогда поидем и мы». Отряды воеводы К.А. Беззубцева не дождались вестей из Вятки и начали отступление вверх по Волге, так как «начат уже корму не ставати». Возвращаясь к Нижнему Новгороду, москвичи «срете царицу Касымова Казанского царя мати Обреимова», которая обратилась к воеводам с речью: «Князь велики отпустил меня к моему сыну со всем добром и с честию, то уже не будет ни коего же лиха mezi их, но все добро будет». Царица проплыла вниз по реке, а москвичи остановились на острове Звенич. Здесь, «отслужив обедню хотеша сести ести, а у иных церкви еще не успеха и обедни отслужити, и в то время приидоша на них Казанстии Татарове... И тако бишася весь день тои до самые ночи и раззидошася кииждо на свои берегь начевати»⁵⁷. На этом рассказ московского летописца обрывается.

Данная статья примечательна не только обилием известий – здесь отражена идейная направленность, придаваемая войне московским правительством. Создатель Московского летописного свода конца XV в. начал статью «О первой Казани», казалось бы, традиционно – с датировки: «В лето 6976. Съ вздвиженива дни»⁵⁸. Однако если первая часть указанного предложения содержится практически во всех источниках, то вторая – «Съ вздвиженива дни» – уникальное известие великокняжеского летописания. Воздвижение Креста Господня – один из главных праздников православного календаря. История Крестовоздвижения была широко известна на Руси. Ее написал придворный византийского императора Константина Великого, Евсевий Кесарийский. По его словам, император собрался сразиться с Максенцием и обратился к богам. Перед походом Константин и его войско увидели «знамение креста с надписью: "сим побеждай!"». Чудо склонило василевса к «истинной вере» и принесло победу над «нечестивым» врагом⁵⁹.

Русский книжник намеренно приурочил начало похода на Казань ко дню Воздвижения Креста Господня. Перед нами попытка

⁵⁷ Там же. С. 283.

⁵⁸ Там же. С. 279.

⁵⁹ Четыре книги Евсевия Памфила епископа Кесарии Палестинской о жизни блаженного василевса Константина. URL: <http://khazarzar.skeptik.net/books/eusebius/vc/index.html> (дата обращения: 05.02.2016).

летописца провести смысловые параллели между историей православного праздника и событиями «первой казанской войны». «Съ вздвиженива дни» – это словосочетание, с помощью которого автор придает конфликту религиозный характер, так как Крестовоздвижение было символом успеха в борьбе с нечестивыми иноверцами. Крест воздвигался священнослужителями «на четыре стороны: сначала на восток...»⁶⁰. Именно в восточном направлении двигались московские войска, «воздвигая крест». Возможно, данная религиозная церемония служила дополнительным аргументом для привязки церковного события к мирскому.

Московский летописец сообщает о причине похода на Казань: «а позван был царевич от цареи Казанских, от Авдул-Мамона и от прочих, на царство лестью». «Он же (Касим. – А.А.) надеяся на них, а лести их не ведаа»⁶¹. На первый взгляд, Касим представлен жертвой, а казанцы – льстивыми. Если размышлять, исходя из представлений современного человека, мало знающего Священное Писание, то становится непонятной логика средневекового автора. Зачем казанцы, пригласив Касима обманным путем (лестью), спровоцировали вторжение вражеских сил в свои же земли?

С.М. Соловьев и Хади Атласи буквально восприняли слова летописца. По их мнению, Касим был обманут⁶². М.Г. Худяков говорил о промосковской партии в Казани, возглавляемой Авдул-Мамоном: часть аристократии была недовольна политикой хана Ибрагима и пригласила на трон Касима. В условиях войны Ибрагиму якобы удалось расправиться с промосковской партией и выступить против великокняжеской армии⁶³. Однако данные источников не позволяют говорить о расколе в кругах правящей элиты ханства. Подобным образом известие летописца объяснили К.В. Базилевич, С.Х. Алишев и Д.А. Котляров: они приняли 1467 г. за дату появления в Казани мос-

⁶⁰ Романенко Е.В. Повседневная жизнь русских средневековых монастырей. М., 2002. С. 171.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 279.

⁶² Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 3. С. 65; Атласи Һ.М. Себер тарихы. Сәен-бике. Казан ханлығы (Тарихи әсәрләр). Казан, 1992. Б. 232.

⁶³ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства С. 16–17.

ковской партии⁶⁴. Тогда как Ю.Г. Алексеев считал, что в походе 1467 г. «вся ставка делалась на интриги казанских царевичей»⁶⁵.

На наш взгляд, слова летописца не следует понимать буквально. В сознании средневековых знатоков Священного Писания нравственная характеристика «лесть» имела более глубокое значение. В.Н. Рудаков считал, «что такие качества, как лъстивость, использование лести..., должны были порождать у читателя достаточно четкие ассоциации с примерами нечестивого поведения вообще, а также с качествами нечестивых народов в частности»⁶⁶. В своих рассуждениях ученый опирался на библейские рассказы, где «нечестивым» народам обязательно приписывалась «лесть».

Возможно, московский книжник провел аналогию с ветхозаветными сюжетами. В Священном Писании некий «презренный» человек «лестью овладеет царством»⁶⁷. Этот царь «войдет в согласие с отступниками», а его войска «осквернят святилище»⁶⁸. И, что ближе всего к тексту Московского свода, «поступающих нечестиво против завета он (царь. – А.А.) привлечет к себе лестью; но люди, чтящие своего Бога, усилятся и будут действовать»⁶⁹. Библейское предсказание «привлечет к себе лестью» сбылось в произведении средневекового книжника: «позван был... лестью». В Московской летописи казанцы выступают «отступниками», «осквернителями святилищ» и «нарушителями завета». Православные христиане, «чтящие своего Бога», осуществили поход на татар, они «действовали» – делали то, что им предписывалось в Священном Писании.

Летописного «Авдул-Мамона» историки именуют по-разному. М.Г. Худяков назвал его казанским князем «Абдул-Мумином»⁷⁰. С.Х. Алишев поправил московского летописца и заменил «Авдул-

⁶⁴ Алишев С.Х. Казань и Москва... С. 33; Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства... С. 66; Котляров Д.А. Русь и Поволжье... С. 322.

⁶⁵ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 37.

⁶⁶ Рудаков В.Н. Язык Библии в ранних рассказах русских летописей о монголо-татарском нашествии // Одиссей. Человек в истории. М., 2003. С. 51.

⁶⁷ Дан. 11: 21.

⁶⁸ Там же. 11: 31.

⁶⁹ Там же. 11: 32.

⁷⁰ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства С. 13.

Мамона» на «Абдул-Муэмина»⁷¹. Д.А. Котляров вернулся к «Абдул-Мумину»⁷².

Первая часть имени представителя казанской аристократии не вызывает сомнений: Авдул – это искаженное Абдул (от арабского «عبد» – раб, слуга). Но вторая составляющая – «Мамон» – не согласуется с «Мумин» (от арабского «المؤمن» – Верный – одно из имен Всевышнего). Возможно, казанского вельможу в действительности звали Абул-Мумин (Раб Господа), но летописец осознанно заменил «Мумин» на «мамон», поменяв смысл имени с «раба Господа» на «раба мамона». В контексте средневековой христианской литературы слово «мамон» могло выступать в качестве определенного эпитета, характеризующего личность Абдул-Мумина. В Евангелиях от Матфея и от Луки термин «мамон» упоминается в значении «неправедное богатство»⁷³. Согласно им, нельзя одновременно «служить Богу и мамоне, ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом не радеть»⁷⁴. То есть летописец назвал Абдул-Мумина рабом «неправедного богатства» или стяжательства.

Обращает на себя внимание и тот факт, что московский летописец отнес Абдул-Мумина к членам ханского рода («от цареи Казанских»), хотя в некоторых официальных летописях XVI в. он характеризуется как князь («от князей Казанских»⁷⁵). С одной стороны, данное разночтение могло явиться результатом перемен в общественно-политической жизни, произошедших в XVI веке. К этому времени появляются произведения («Послание архиепископа Вассиана», «Сказание о князьях владимирских»), в которых опровергается «царское» происхождение потомков Батыя⁷⁶, хотя, в XVI в. представителей основной ветви казанских ханов продолжали именовать «царями» и «царевичами». Возможно, Абдул-Мумин был в родстве с потомками Улу-Мухаммада, но к XVI столетию характер

⁷¹ Алишев С.Х. Казань и Москва... С. 33.

⁷² Котляров Д.А. Русь и Поволжье... С. 318.

⁷³ Мф. 6: 24; Лк. 16: 9, 11, 13.

⁷⁴ Мф. 6: 24; Лк. 16: 13.

⁷⁵ ПСРЛ. Т. 8. С. 152; Т. 12. СПб., 1901. С. 118.

⁷⁶ Горский А.А. О титуле «царь» в средневековой Руси (до середины XVI века) // Одиссей. Человек в истории. М., 1996. С. 209–210.

московско-казанских отношений так изменился, что на Руси некоторых членов «царского» рода стали называть князьями.

С другой стороны, подобная терминологическая рокировка могла произойти из-за неточного понимания книжниками XVI столетия смысла летописной статьи, составленной в конце XV века. Вероятно, автор статьи «О первой Казани», назвал казанских вельмож во главе с Абдул-Мумином казанскими царями («от цареи Казанских») для того, чтобы более точно соотнести эти события с библейскими пророчествами, в которых фигурируют именно цари. Однако некоторые официальные книжники XVI в. не переняли первоначальный смысл известия и назвали представителей казанской аристократии князьями, так как это более соответствовало политическим реалиям.

Таким образом, предложение «а позван был царевич от цареи Казанских... на царство лестью» и эпитет «мамон» образуют единое смысловое поле, семантика которого раскрывается лишь в контексте библейских пророчеств и сводится к апологетике наступательных действий Ивана III. То есть перед нами логичное для средневековой рациональности обоснование необходимости войны с восточным соседом: казанцы выступают «осквернителями святилиц» и «нарушителями завета», следовательно, православные, предприняв поход на татар, сделали то, что им как бы предписывалось Библией. В тоже время, известие о приглашении Касима на казанский престол в контексте ветхозаветного пророчества указывает на негативные качества казанцев, а не на раскол в кругах татарской аристократии, как полагали историки.

Продолжая рассказ о казанской войне, летописец описал зимний поход 1467–1468 гг. «в землю Черемисскую», где москвичи «много зла учиниша земли той»⁷⁷. Однако автор свода не оценил как «зло» разгром татарских поселений весной-летом 1468 года.

В Московском летописном своде содержится подробное описание похода на Казань весной 1469 г. В нем приняли участие не только служилые люди многих русских городов: вместе с войсками великий князь «послал суружанъ и суконников и купчих людей и прочих всех Москвич, кои пригоже по их силе»⁷⁸. По мысли книж-

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 280.

⁷⁸ Там же. С. 281.

ника, экспедиция 1469 г. – общее дело всех русских людей. Ю.Г. Алексеев справедливо полагал, что привлечение к походу наряду со служилыми людьми земского (городского) ополчения «свидетельствует о масштабе мобилизации»⁷⁹.

Показателен сюжет о формировании добровольческого отряда. Воевода К.А. Беззубцев предложил: «Кто всхочет, итти воевати Казанские места по обе стороны Волгы»; «вои» ответили: «все хотим на окаянных Татар за святыя церкви и за государя великого князя Ивана и за православное христианство»⁸⁰. Тем самым книжник снова заявил об идейной направленности войны.

Неоднократно в статье «О первой Казани» упоминается святой Никола. Так, во время зимнего похода 1467–1468 гг. москвичи пришли воевать «на Николин день». По дороге в Казань весной 1469 г. передовой отряд остановился «под Николою на Бречеве», «и отоля шед тако же и у святого Николы молебнаа сотвориша»⁸¹.

В православной традиции Николай Чудотворец считается покровителем путешествующих по водам. Он, «яко по воздуху», может избавить от смертельной опасности. Но святой приходит на помощь только к людям, «за которыми правда»⁸². Летописец нашел идеального покровителя для русских войск: великокняжеская рать могла пользоваться покровительством Николая Чудотворца, так как она двигалась по реке, на берегах которой располагались вражеские поселения. Таким образом, книжник в очередной раз подчеркнул, что война была оправдана: заступничество Николая как бы указывало на то, что война с Казанью – богоугодное дело.

Описывая нападение отряда И.Д. Руно на Казань, автор изобразил «нечестивое» поведение татар: будучи алчными и жадными, они «не хотяще дати в руки христианом, а более, запирающися над своим добромъ в храмах своих и з женами и з детми и совсемъ, что у них есть, и тако изгореша»⁸³. Русские не только сожгли казанский посад,

⁷⁹ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 66.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 281.

⁸¹ Там же.

⁸² См.: Праздники и знаменательные даты православного и народного календаря. Жизнеописание святых. Обычаи, гадания, поверия, приметы. СПб., 1993. С. 198–202; О жизни православных святых, иконах и праздниках. Свердловск, 1991. С. 76–78.

⁸³ ПСРЛ. Т. 25. С. 282.

уничтожив множество «грешников-иноверцев», но и освободили христианский «полон». На этом апология казанской войны не заканчивается. В конце рассказа составитель свода показал вероломство татар, напавших на русское войско во время дневной молитвы⁸⁴.

Книжник не единожды акцентирует внимание на героизме русских людей: достаточно вспомнить упомянутое сообщение о добровольцах и рассказ об удачном бое москвичей с превосходящими силами противника. Самопожертвование имеет место там, где есть великая и справедливая цель.

С точки зрения московского книжника, «первая казанская война» была важнейшим событием в истории русского народа. Святые церкви, великий князь, православное христианство – то, о чем говорит летописец на протяжении всего рассказа – это символы единства, почва для объединения всех земель под властью Москвы.

Другой взгляд на казанскую проблему имел создатель Ермолинской летописи. Согласно ему, в 1467 г. «князь велики Иванъ Васильевич посылалъ на Казань ратью, на царя Обреима, Касыма царевича, да... воеводъ много». Поход закончился неудачно: войска Ивана III «поидоша прочь, не учинивше ничтоже»⁸⁵.

Весной 1469 г. была организована новая экспедиция на Казань. Наряду с судовой ратью великого князя, в походе участвовали отряды удельных князей Юрия Васильевича и Андрея Большого: «Князя великого рать пришла судовая подъ Казань безвестно, на ранней зори, и взяти имъ было городъ и ни почали трубить, а Татарове спали, они же воскакавше и в воротехъ почали битися»⁸⁶.

В июне того же года «Хрипун княж Семенов сынъ Ряполовского бил Татар на берегу за Волгою и уби лиходеа Татарина Колупая, всехъ пуще Татар, и ордынскихъ и Казанскихъ». Другая колонна русских войск была разбита под Казанью: «дети боярских и Устюжан побили, а иных поймали»⁸⁷.

В сентябре 1469 г. «князь Юрьи Васильевич приде подъ Казань со всеми силами». После непродолжительного боя татары отступили

⁸⁴ Там же. С. 283.

⁸⁵ Там же. Т. 23. С. 158.

⁸⁶ Там же. С. 159.

⁸⁷ Там же.

в город. Хан Ибрагим запросил мир, и «Юрьи помирися с нимъ на всеи своеи воли и какъ надобе брату его, великому князю»⁸⁸.

Рассказ Ермолинского летописца менее содержателен, чем статья московского книжника, но несет в себе много уникальных известий, формирующих у читателя иное представление о «первой казанской войне». Здесь Касим не является инициатором похода. Служилый царевич выступает исполнителем воли Ивана III. В результате автор Ермолинской летописи не оправдал войну против Казани. Он резко высказался относительно результатов первого похода: «и поидоша прочь не учинивше ничтоже»⁸⁹. Летописцы обычно употребляли подобный речевой оборот, характеризуя действия врага. Например, автор Типографской летописи оценил поход казанцев на Вятку следующим образом: «татарове же идоша прочь, не сотвориша зла»⁹⁰. Похожие строки можно найти в Летописном своде 1497 г.: «и поиде прочь (татары. – А.А.), много зла оучини»⁹¹.

Ермолинский летописец не написал об ответных набегах казанцев, что усиливает антипатию читателя к «восточной политике» великого князя. Он изобразил картину неудачного похода весной 1469 г. Этот поход не представлен в качестве общерусского. Здесь читатель не найдет мысли о христианско-басурманском антагонизме, как и о героизме русских людей.

В Ермолинской летописи содержится сообщение о трагедии, постигшей северную колонну московско-устюжских войск. Казанцы убили двух князей (Данила Васильевича Ярославского и Никиту Константиновича) и пленили много московских и устюжских воевод. Автор свода пишет, что «Татарове всю рать судовую ис-подъ Казани отбили»⁹². Смысловая конструкция летописца такова: неоправданная война ведет к поражению нападающей стороны, то есть военная кампания 1467–1469 гг. была обречена на провал.

Ермолинская летопись является самым ранним источником, повествующим о походе на Казань князя Юрия Васильевича в сентябре 1469 г. Книжник показал триумф младшего брата великого князя.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же. С. 158.

⁹⁰ Там же. Т. 24. С. 188.

⁹¹ Там же. Т. 28. С. 147.

⁹² Там же. Т. 23. С. 159.

Но сам Иван III остался непричастным к сентябрьской победе над Ибрагимом.⁹³ Здесь проявляется оппозиционность летописца.

Князь Юрий Васильевич прервал цепь неудачных походов. Далее в Ермолинском своде описаны успехи московского оружия в борьбе с Великим Новгородом. В заключительной части рассказа о разгроме новгородско-двинского войска летописец написал, что «Бог помогаше великому князю за его исправление»⁹⁴. Значит, неудачи в походах на Казань преследовали москвичей из-за неправильных действий Ивана III. Следовательно, создатель Ермолинской летописи не одобрил активизацию внешней политики на востоке, но полностью поддержал позицию великого князя в отношении Новгорода.

Книжник четко разделял татар казанских и ордынских. Для него «погаными» являлись не казанские, а ордынские татары. Русское христианское единство летописец противопоставил ордынцам⁹⁵. Он был убежден, что главная опасность исходит от степи: прежде всего, нужно бороться с Ахмадом. Поэтому им выделено новгородское направление внешней политики Москвы. Казанский вопрос для него второстепенен.

Большой интерес к «первой казанской войне» проявил создатель Типографской летописи. Согласно ему, Иван III «отпусти изъ Володимеря царевича Касима... на безбожныхъ Агарянь». Но войска не смогли перейти Волгу и возвратились на Русь, «не оуспев ничтоже»⁹⁶. Татары ответили набегом на Галич, жители которого сумели выдержать натиск казанцев.

Зимой 1467–1468 гг. галичане вместе с полками великого князя «ходиша на Черемису». В это же время казанцы напали на костромские волости. Затем произошло столкновение с татарами около Мурома, где князь Д.Д. Холмский опрокинул казанские отряды, «бивь ихъ». Победу над татарами удалось одержать и воеводе Ф.С. Хрипуно, который «князей многихъ Казанскихъ побил, тоу же и богатыря ихъ оуби, Колоупая». В начале 1468 г. татары «взяша городокъ»⁹⁷ Кичмегу и подчинили Вятку, обязав ее жителей платить дань.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же. Т. 24. С. 188.

⁹⁷ Там же.

В 1469 г. Иван III послал на Казань судовую рать москвичей и устюжан. Москвичи совершили успешное нападение на казанский посад, после чего отступили к Нижнему Новгороду, а устюжане попали в кровопролитное сражение, в ходе которого погибло много воевод.

После этих событий великий князь «отпусти и братию свою: Георгия и Андрея Большого на конехъ съ силою многою къ Казани, а князь Михайло Андреевич отпусти сына своего Василья». Братья Ивана III заключили мир с ханом Ибрагимом, «якоже оугодно бысть великому князю; и взвратишася»⁹⁸.

Итак, глазами создателя Типографской летописи можно увидеть новую, отличающуюся от предыдущих картину «первой казанской войны». Здесь, как и в Ермолинской летописи, инициатива похода принадлежит не Касиму, а великому князю. Составитель Типографской летописи оправдал войну тем, что она была направлена против «безбожныхъ Агарянь»⁹⁹. Летописец много писал о действиях казанцев в 1467–1468 годах. Подбор фактического материала в Типографской летописи подводит читателя к мысли о необходимости отпора татарам. Военный ответ Москвы последовал в следующем году, когда москвичи «безбожныхъ побиша»¹⁰⁰.

Таким образом, семантика текста Типографской летописи близка к смысловому содержанию статьи Московского летописного свода. Данные памятники провозглашают идею необходимости борьбы с иноверцами. А разделяет двух летописцев проблема единства русских земель. Создатель Типографской летописи не видел объединенную Русь в войне с Казанью.

Статья Московского летописца практически без изменений вошла в состав Софийской второй летописи. По предположению Б.М. Клосса и В.Д. Назарова, Софийская вторая летопись была написана «одним из клириков Московского Успенского собора»¹⁰¹. В отличие от предыдущих источников, данный свод является памятником летописания XVI столетия. Самый ранний список Софийской второй летописи датирован 1518 г. Здесь отражены взгляды

⁹⁸ Там же. С. 189.

⁹⁹ Там же. С. 188.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Клосс Б.М. Предисловие // ПСРЛ. Т. 6. С. V.

людей другой эпохи. Произошли перемены, многое было пересмотрено, но не отношение к Казани.

Автор Софийской второй летописи в русле московского летописания XV в. показал события «первой Козани»¹⁰². Вслед за книжником XV в., составитель свода воспроизвел настроения русских воинов: «вои» добровольно идут сражаться против «окаянных татар за святые церкви, и за своего государя великого князя Ивана и за православное христианство»¹⁰³. Он сохранил за Абдул-Мумином и его единомышленниками царское титулование, передав аутентичную семантику статьи «О первой Казани». Здесь вновь оглашается идея христианского единства, не утратившая своей актуальности после смерти Ивана III. Молитва добровольцев перед походом «за великого князя и за воя его»¹⁰⁴ вписывается в данный смысловой контекст. Автор Софийской второй летописи был сторонником решительных действий по отношению к восточному соседу. Книжник считал, что отношения с Казанью – одно из приоритетных направлений во внешней политике Москвы.

Летописный свод 1497 г. содержит практически полную копию статьи «О первой Казани», написанной московским книжником конца XV века. К рассказу московского летописца создатель свода 1497 г. приписал известие Типографской летописи, посвященное походу на Казань князя Юрия Васильевича и Андрея Большого¹⁰⁵.

Примерно также поступил автор Иоасафовской летописи. Он продолжил статью Московского свода рассказом о «злой сече», когда на Волге произошло столкновение московско-устюжских войск с отрядами казанских татар, и сообщением о заключительном походе Юрия Васильевича и Андрея Большого на Казань¹⁰⁶.

Уваровская (Летописный свод 1518 г.) и Львовская летописи (сохранилась в списке 1560-х гг.) включают в себя заимствованные из Московского свода сообщения о казанской войне¹⁰⁷. Никоновская и Воскресенская летописи – крупнейшие памятники летописа-

¹⁰² ПСРЛ. Т. 6. Стб. 163.

¹⁰³ Там же. Стб. 167.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же. Т. 28. С. 117–142.

¹⁰⁶ Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 55–60.

¹⁰⁷ ПСРЛ. Т. 20. С. 278–281; Т. 28. С. 286–289.

ния XVI столетия – содержат статью Московского свода конца XV в., дополненную известием об осеннем походе братьев великого князя¹⁰⁸. Сокращенная версия официального рассказа о «первой казанской войне» представлена и в Степенной книге¹⁰⁹.

Итак, к великокняжескому летописанию можно отнести Московский летописный свод конца XV в., Летописный свод 1497 г., Софийскую вторую летопись, Летописный свод 1518 г., а также Иоасафовскую, Воскресенскую, Никоновскую, Львовскую летописи и Степенную книгу.

Оригинальная позиция представлена в других источниках XVI века. Одним из таких памятников, несмотря на свою лаконичность в изложении, является Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. Новгородский книжник не указал причину войны и не сообщил о весенней кампании 1468 г. По его версии, в походах на Казань приняли участие только войска великого князя. В результате война утратила общерусский масштаб. Летописец не сообщил об ответных действиях армии Ибрагима, что сделало казанцев жертвой агрессивной политики Ивана III¹¹⁰.

Немало уникальной информации содержится в Устюжском летописном своде, который составлен в первой четверти XVI в. и относится к группе провинциальных общерусских летописей¹¹¹. Здесь не прослеживается зависимость от великокняжеского летописания.

Для создателя Устюжского свода война началась с нападения татар на Кичмегу. С помощью данного известия устюжанин оправдал поход великокняжеских войск на Казань и участие в нем предковземляков. В силу геополитических условий судьба жителей Устюга напрямую зависела от московско-казанских отношений. Во время конфликта войска Ибрагима с боями прошли по территории Устюжской земли, уничтожив при этом Кичмегу. Но, обращаясь к событиям казанской войны, провинциальный книжник не применил по отношению к татарам негативно окрашенных эпитетов. Он был сторонником борьбы с Казанью не потому, что татары – отступники, агаряне или безбожники, а вследствие того, что казанцы представляли

¹⁰⁸ Там же. Т. 8. С. 152–158; Т. 12. М., 1965. С. 118–123.

¹⁰⁹ Там же. Т. 21. СПб., 1913. С. 529–530.

¹¹⁰ Там же. Т. 43. С. 188.

¹¹¹ Там же. Т. 37. С. 3.

опасность для устюжан: любое обострение московско-казанских отношений могло обернуться погромом Устюжской земли.

По мысли летописца, военная кампания 1469 г. закончилась неудачно, и виновники этого – воеводы великого князя, которые «не-любовь держат промеж собою»¹¹². Далее книжник сообщает о полном разгроме северной колонны русских войск. Причину поражения московско-устюжской рати он видел в том, что «царь (Ибрагим. – А.А.) со князем Юрьем мир взял, а рать (главная колонна московских войск. – А.А.) прочь пошла»¹¹³. В результате устюжане и москвичи, двигавшиеся вниз по Каме, попали в засаду. Автор летописи подверг критике несогласованность действий московского командования, что, по его мнению, стало главной причиной разгрома русских полков. В других источниках не упоминается факт заключения мира летом 1469 г. Данное известие подобрано для объяснения неудач устюжан под Казанью, поэтому, несмотря на то, что оно противоречит логике изложения дальнейших событий, устюжский летописец поместил его в свой рассказ. Это яркий пример того, как под воздействием определенной идейной установки книжник искажает картину произошедшего.

Устюжский летописец поименно перечислил князей, попавших в плен и погибших. Он не скрыл трусливых поступков некоторых воевод. Разумеется, среди трусов не было устюжан. Земляки книжника бились отважно. В итоге часть их (300 человек) прошла через ряды татар к Волге. Спасшиеся устюжане дошли до Нижнего Новгорода, где получили провиант от великого князя. Они дали обещание поддержать москвичей в новом походе на Казань.

Рассказав об осаде Казани в сентябре 1469 г., устюжский летописец сделал уникальное дополнение: «и полон (хан. – А.А.) выдал за 40 лет»¹¹⁴. Н.М. Карамзин и С.М. Соловьев восприняли данное известие как достоверный факт¹¹⁵. На основе указанного сообщения М.Г. Худяков выдвинул гипотезу о рабовладельческом характере экономики Казанского ханства¹¹⁶, А.Г. Бахтин предположил, что

¹¹² Там же. С. 46.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же. С. 47.

¹¹⁵ См.: Карамзин М.Н. История государства Российского. Т. VI. С. 23; Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 3. С. 69.

¹¹⁶ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 16–17.

«активизация политики России в отношении с Казанским ханством объясняется» и «необходимостью освобождения многочисленных пленных»¹¹⁷. К.В. Базилевич первым усомнился в достоверности известия устюжского летописца. Историк писал, что «полон за 40 лет» – это пленники с 1430 г., то есть со времен, когда Казанского ханства еще не существовало. По мнению ученого, «указание этого летописца на сорокалетний срок не может не вызвать сомнения»¹¹⁸. Однако других аргументов историк не нашел.

Круглые числа, подобные числу 40, в средневековой литературе не играли роли точных документальных свидетельств, они рассматривались «как условные или приблизительные». По словам В.М. Кириллина, «важно иметь в виду следующее: символический смысл того или иного сакрального числа обычно не сводился к какому-либо одному, строго фиксированному значению; согласно законам тропологии, он представлял собой некую многослойную, многоплановую и многогранную семантическую структуру, содержание которой в каждом конкретном случае – в зависимости от объективно-субъективных факторов контекста – могло представлять как более или менее однозначное»¹¹⁹. В данном смысловом контексте число 40, скорее всего, фигурирует как символ завершения продолжительного страдания и очищения, через которые довелось пройти русским пленникам.

Под пером устюжского летописца война с Казанью потеряла свою идейную основу, стала примером неудачных действий великокняжеских войск и утратила общерусский характер.

Таким образом, осуществленный нами анализ источников раскрыл концептуальные расхождения в летописании. Большое влия-

¹¹⁷ Бахтин А.Г. Русское государство и Казанское ханство: межгосударственные отношения в XV–XVI веках: Дис. ... д.и.н. М., 2001. С. 197; Это же мнение было высказано на страницах совместной работы А.Г. Бахтина и Б.Л. Хамидуллина. См.: Бахтин А., Хамидуллин Б. Политическая история Казанского ханства // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 292.

¹¹⁸ Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства... С. 72.

¹¹⁹ Кириллин В.М. Символика чисел в литературе Древней Руси (XI–XVI века). СПб., 2000. С. 34.

ние на формирование взглядов летописцев оказала политическая элита русских земель.

Данные источников позволяют определить имена участников «первой казанской войны». Эта реконструкция может показать политические силы, интересы которых представляли летописцы. Много боярских имен упоминает Московский летописный свод конца XV века. По сведениям московского летописца, вместе с Касимом на Казань ходил Иван Васильевич Стрига-Оболенский¹²⁰ – представитель старомосковских княжат, который был соратником Василия II и верно служил Ивану III в качестве боярина и воеводы. А.А. Зимин назвал И.В. Оболенского «сторонником объединительной политики великокняжеской власти»¹²¹. Поэтому не удивительно, что московский летописец выделил имя И.В. Оболенского среди многих великокняжеских воевод.

Ермолинская летопись практически не сообщает о боярах Ивана III. Но ей известны имена других, более знатных воевод. По Ермолинской летописи, вместе с Касимом на Казань ходил серпуховской князь Юрий Васильевич¹²² – следующий, после Ивана, сын Василия II – нужно признать, персона более значительная, чем И.В. Оболенский. Юрий Васильевич принимал участие во всех крупных военных операциях. В 1472 г. князь скончался от болезни, и московский летописец предал его имя забвению. Возможно, данное явление было результатом противостояния Ивана III и удельных князей.

Подобная ситуация повторяется при описании военной экспедиции 1469 года. Великокняжеский свод перечисляет более десятка имен – участников похода. Но главным среди них, по мнению летописца, был князь Константин Александрович Беззубцев¹²³. Л.И. Ивина, вслед за С.Б. Веселовским, отнесла К.А. Беззубцева к угличским боярам, то есть к служилым людям князя Андрея Васильевича Боль-

¹²⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 279.

¹²¹ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI века. М., 1988. С. 58.

¹²² ПСРЛ. Т. 23. С. 158. В его владения, кроме того, входили Дмитров и Можайск. См.: ПСРЛ. Т. 6. С. 162; Т. 8. С. 151; Т. 12. С. 117; Т. 20. С. 277; Т. 23. С. 157; Т. 24. С. 185; Т. 25. С. 278; Т. 37. С. 46; Т. 43. С. 187.

¹²³ ПСРЛ. Т. 25. С. 281.

шого¹²⁴. Ермолинский летописец вспомнил имена двух предводителей похода на Казань: удельных князей Юрия Васильевича и Андрея Большого¹²⁵. Симптоматично, что московский летописец не внес в список участников экспедиции 1469 г. братьев великого князя, однако упомянул вассала Андрея Большого. Скорее всего, данное обстоятельство – результат конфликта Ивана III с братьями. Особенно тяжело складывались отношения с Андреем Большим. В 1480 г. угличский князь «отступиша от великого князя», в начале 1490-х годов был пойман и умер в заточении¹²⁶. Казанская война для московского книжника носила идейный характер, являлась делом верных великому князю людей. Предатели и отступники, подобные Андрею Большому, не могли воевать «за святые церкви и за государя великого князя и за православное христианство»¹²⁷.

Типографская и Устюжская летописи причисляют братьев Ивана III к участникам «первой казанской войны»¹²⁸. Наряду с этим, Устюжский летописец сообщил о боярах великого князя, руководивших действиями московских войск. Создатель Типографской летописи не называл конкретных имен: по его словам, походами на Казань руководили как братья великого князя, так и московские воеводы. Исходя из этого, можно сделать вывод, что составители двух вышеупомянутых сводов прямого отношения к конфликту Ивана III с братьями не имели. Поэтому они с меньшей долей предвзятости говорят об участниках похода.

Гипотеза Б.М. Клосса о происхождении Ермолинской летописи объясняет лояльность ростовского книжника к братьям Ивана III: вдова Василия II приняла сторону младших сыновей. Это наглядно продемонстрировано в Ермолинской летописи, составленной при ее дворе¹²⁹. Значит, Мария Ярославна, Юрий Васильевич и Андрей

¹²⁴ Ивина Л.И. Эволюция состава уездного дворянства во второй половине XV – первой трети XVII века (на примере Угличской земли) // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей. К 60-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1996. С. 355.

¹²⁵ ПСРЛ. Т. 23. С. 158.

¹²⁶ Там же. Т. 25. С. 326; Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: Очерки социально-политической истории. М., 1982. С. 68.

¹²⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 282.

¹²⁸ Там же. Т. 24. С. 186–188; Т. 37. С. 46–47.

¹²⁹ Клосс Б.М. Предисловие к изданию 2004 года // ПСРЛ. Т. 23. С. V.

Большой не являлись сторонниками войны с Казанью. Братья великого князя были вынуждены участвовать в конфликте, который не сулил им выгоды. Война с Казанью была направлена на расширение политического влияния Москвы. Для Юрия Васильевича и Андрея Большого усиление Москвы представлялось опасным: данный процесс ставил под угрозу существование удельных княжеств. Возможно, указанное противоборство стало главной причиной существования столь различных взглядов на «первую казанскую войну».

Таким образом, основным источником, формировавшим представление о московско-казанской войне 1467–1469 гг., являлась статья «О первой Казани» из Московского свода конца XV века. Напомним, в нем «первая казанская война» обрисовывается как благословенная Богом борьба православных христиан с нечестивыми татарами. Данная версия оставалась господствующей в официальном летописании на протяжении всего XVI столетия. В силу вполне понятных причин, альтернативные взгляды на те же события не получили широкого распространения и имели хождение только в некоторых центрах местного летописания. «Первая Казань» Ермолинского летописца показана в качестве неоправданной войны, инициированной лично Иваном III и завершившейся разгромом русских войск. Схожая оценка конфликта сохранилась только в новгородских и устюжских памятниках XVI века.

§ 3. Военное столкновение 1478 года

Рассказывая о судьбе Русского государства в 80-х годах XV в., летописцы вновь приковывают внимание читателей к конфликту на востоке. 1482–1487 годы – период войны за казанский престол. Но как складывались отношения между соседями с 1469 по 1482 год? Судя по данным источников, 70-е годы – «темное время» в истории Казанского ханства. Более чем за десятилетие произошло лишь одно событие, попавшее в поле зрения летописцев. Это поход казанцев на Вятку в начале 1478 г. и ответная экспедиция московских войск, состоявшаяся весной того же года.

Очень краткое сообщение о конфликте 1478 г. содержится в Московском летописном своде конца XV века. По словам летописца, «тое же зимы Казанской царь ходил на Вятку и много полону

поимал, и секл и грабил через роту свою, а грады дашася за него». Далее идет рассказ о реакции московского правительства: «Тое же весны князь велики отпустил рать судовую на Казань, воевода большейе Василии Федорович Образец, а из Новгорода пошли под Казань маа 26 вторник»¹³⁰. О результатах похода Федора Образца летопись не сообщает.

Дополняют и, в то же время, противоречат Московскому своду такие источники, как Летописный свод 1497 г., свод 1518 г. и Воскресенская летопись. Московский летописец писал, что «грады дашася за него», но авторы более поздних сводов описали неудачный поход армии Ибрагима: «Града же ни единого не взя и множество Тотар оу него от вятчан под градом избиено бысть»¹³¹. Эти источники подробнее, чем Московский свод, рассказывают о весеннем походе на Казань: «Они же (князь Семен Иванович и Василий Федорович. – А.А.) плениша землю их по Волзе, множество исекоша и иных плениша и предоша ко граду, нача стрелятися, бысть буря сильна и дождь и нелзе приступите ко граду. Они же вспятися и сташа на Волзе, а вятчане и оустюжане плениша по Каме, множество бесчисленное исекоша, а иных в полон поимаша. Царь же посла с челобитием к великому князю, и оумиристася, яко же оугодно есть великому князю»¹³².

Пространный рассказ Софийской второй летописи связывает конфликт 1478 г. с новгородскими событиями. По свидетельству летописца, поводом к нападению казанцев на Вятку стала дезинформация хана относительно результатов похода Ивана III на Новгород весной 1478 года. К Ибрагиму пришла весть о разгроме московских войск, чем он решил воспользоваться, напав на Вятку. Согласно софийскому летописцу, «потом царю прииде праваа весть, что взял князь велики Новгородъ и наместники посажа, и посла царь казанский, и велель скоро воем своим възвратитися. Они же слышавше, толь скоро бежаша, елико варяху в котлех еству, все опрометаша»¹³³.

¹³⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 323. Аналогичный текст читается в Иоасафовской и Никоновской летописях. См.: Иоасафовская летопись. С. 117; ПСРЛ. Т. 12. С. 189.

¹³¹ ПСРЛ. Т. 8. С. 199; Т. 28. С. 147, 312. Аналогичный текст читается в Типографской летописи. См.: Т. 24. С. 196.

¹³² Там же. Т. 8. С. 199–200. См. также: Т. 24. С. 196–197; Т. 28. С. 148, 312.

¹³³ Там же. Т. 6. Стб. 285.

Составитель Софийской второй летописи сообщает и об ответном походе русских на Казань: «Посла князь велики рать свою на Казань воевод Василья Обрасца в судех да Бориса Слепца. И посла царь казанский с челобитьем к великому князю, князь же велики пожалова его»¹³⁴.

Таким образом, даже в официальном летописании наблюдается разброс мнений относительно событий 1478 г. Можно выделить, как минимум, три взгляда на произошедшее: наиболее ранняя запись автора Московского летописного свода; статья, вошедшая в Воскресенскую летопись, Летописный свод 1497 г. и Летописный свод 1518 г.; и, наконец, сообщение Софийской второй летописи.

Неоднозначно представлен и поход русских на Казань. Московский летописец ограничился сообщением, что Иван III отправил воевод на Казань. В Летописном своде 1497 г., своде 1518 г. и Воскресенской летописи рассказывается, что угроза осады Казани была снята самой стихией, хотя после погрома приволжских и прикамских поселений хан вынужден был пойти на мир.

Интересные сведения содержатся в Устюжской летописи. Она рассказывает о походе казанцев не только на Вятку, но и на Устюг. По данным летописца, поход на Устюг был продолжением военной операции против Вятки. В результате казанцы не дошли до Устюга – Ибрагим «воротился»¹³⁵. Устюжский книжник согласился с утверждением официальных летописцев, что хан «города ни единого не взял»¹³⁶, однако не подтвердил их известие о походе русских на Казань.

С.М. Соловьев указал на расхождения в источниках относительно вятского похода казанцев, но не обратил внимания на различия в трактовках ответной экспедиции москвичей. Поэтому ученый не сделал однозначных выводов по первому эпизоду, но, характеризуя поход на Казань, принял более позднюю версию официального летописания и посчитал, что «Ибрагим послал с челобитьем к великому князю и заключил мир на всей его воле»¹³⁷. Необходимо заметить, что многие историки следующих поколений, вовсе проигно-

¹³⁴ Там же. Стб. 286.

¹³⁵ Там же. Т. 37. С. 48.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 3. С. 67–68.

рировав разночтения в летописях, представляли события, целиком положившись на поздние официальные известия¹³⁸.

Возможно, исследователи обошли эту проблему из-за того, что не нашли объяснений противоречивым оценкам. Почему мнение летописца-современника событий, считавшего, что «грады дашася за» казанского хана, через 20–40 лет опровергается, и в летописании распространяется точка зрения, что хан «града же ни единого не взя»? Почему официальные книжники по-разному осветили поход русских на Казань?

Уникальные известия Московского свода созданы по горячим следам минувших событий, предположительно в 1479 году¹³⁹. Остальные летописи составлены уже после «Казанского взятия» 1487 года. Вероятнее всего, вхождение Казани в фарватер московской политики после 1487 г. изменило представления о казанско-московских отношениях. К тому же, с 1485 г., после присоединения Твери, Иван III стал «государем всея Руси». Таким образом, в 1480-е гг., наряду с ослаблением влияния Казани, происходит возвышение Москвы. Отныне Казанское ханство рассматривалось официальными летописцами как зависимое государство, силы которого не сопоставимы с могуществом «государя всея Руси».

Такой взгляд на положение Казани доминировал в умах составителей летописных сводов, среди которых были авторы Летописного свода 1497 г., Софийской второй, Уваровской и Воскресенской летописей. Отсюда расхождения в источниках. Если для московского летописца нет ничего удивительного в том, что хан Ибрагим захватил христианские города, то для более поздних летописцев это представляется немислимым.

¹³⁸ См. напр.: Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 43–44; Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства... С. 124; Алишев С.Х. Казань и Москва... С. 36–37; Бахтин А.Г. Русское государство и Казанское ханство... С. 121; Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв... С. 138–139; Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 213–214; История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. С. 297–298.

¹³⁹ См.: Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI веков. М.; Л., 1938. С. 256–283; Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV веков. М., 1976. С. 122–167.

По этим же причинам Московский свод не сообщает об итогах ответного похода воевод великого князя, а другие источники повествуют о челобитье казанского хана к великому князю, который «пожаловал его». В данном случае наблюдается некая «модернизация» явлений: летописцы конца XV – XVI в. представили события 1478 г. в свете политических реалий более позднего времени. Иначе говоря, они не учли того, что до 1487 г. не существовало зависимой Казани, глава которой мог быть «пожалован» от имени великого князя.

Итак, информация в приведенных статьях крайне скудна, но иных сведений о московско-казанском конфликте 1478 г. в нашем распоряжении нет. Судя по всему, у большинства летописцев указанные события не вызвали интереса, а книжники, обратившиеся к этой проблеме, имели довольно смутное представление о случившемся. Историки, невзирая на расхождения в источниках, сошлись на мнении, что в 1478 г. напавшим на Вятку казанцам не удалось взять город, а поход москвичей на Казань завершился подписанием договора на условиях великого князя. Однако, как было показано, подобные выводы противоречат более ранним официальным известиям. Поэтому сложно говорить о результатах похода казанцев на Вятку, также как и об исходе экспедиции москвичей на Казань. В итоге можно лишь предположить, что в 1478 г., когда великий князь был занят борьбой с Великим Новгородом, казанцы попытались восстановить власть над Вяткой, следствием чего и стало военное столкновение с Москвой.

Вероятно, в сознании летописцев 1470-е годы ассоциировались с другими важными событиями русской истории. Книжники считали, что в те годы во внешней политике Москвы на первый план вышла борьба с Большой Ордой и пролитовской партией в Новгороде. В 1472 г. войска великого князя были вынуждены отражать наступление Ахмада на Алексин и воевать с новгородцами, с середины 1470-х годов разгорается конфликт между сторонниками Литвы и промосковской партией в Новгороде. Зимой 1477–1478 гг. Иван III решил поставить точку в истории Новгородской республики, а в 1480 г. – выступить против Ахмада¹⁴⁰. Все эти события отвлекли

¹⁴⁰ ПСРЛ. Т. 6. Стб. 170–309; Т. 8. С. 162–213; Т. 12. С. 142–212; Т. 25. С. 288–329; Т. 27. М.; Л., 1962. С. 278–284; Т. 28. С. 128–150, 298–316; Т. 37. С. 43–49.

летописцев от объекта нашего исследования, и 1470-е годы остались «белым пятном» в истории московско-казанских отношений.

§ 4. «Казанское взятие» 1487 года

«Казанский вопрос» вновь становится актуальным в 1480-е годы. Источники говорят, что московское правительство с 1482 г. начинает оказывать военное давление на восточного соседа. Это было связано с нестабильностью внутри Казанского ханства или с изменением его внешнеполитической ориентации. Причиной тому могла быть кончина хана Ибрагима. Однако вопрос о точной дате его смерти до сих пор остается открытым. Летописи ничего не сообщают о жизни Казанского ханства за период с 1478 по 1482 год. Д.А. Котляров, вслед за М.Г. Худяковым, считал, что Ибрагим умер в 1479 г., при этом он не привел логической аргументации и ссылок на источники¹⁴¹.

В летописях нет данных, подтверждающих точку зрения Д.А. Котлярова и М.Г. Худякова. Более того, в Устюжской летописи содержится известие, опровергающее предположение историков. Летописец описал поход на Казань 1482 г. и сделал вывод, что Иван III «посылал рать под Казань на царя Обреима»¹⁴². Значит, в 1482 г. хан еще находился «в животе». Впрочем, не стоит воспринимать данное известие как неопровержимый факт – это всего лишь не подтвержденное другими источниками представление устюжского книжника XVI века. Как бы то ни было, с полной уверенностью можно говорить об одном: большинство летописцев свидетельствуют, что в 1482 г. отношения между двумя государствами резко ухудшились.

Летописный свод 1497 г. и свод 1518 г. (Уваровская летопись) очень лаконично описывают военную операцию 1482 г.: «Того же лета поиде великий князь и з братию х Казани и оувернуса из Володимеря, а судовая рать ходила мало не до Казани, и оумиришася»¹⁴³.

¹⁴¹ Котляров Д.А. Русь и Поволжье... С. 44; Он же. «Служилый царь» – казанский хан Мухаммед-Амин и великие князья всея Руси // Вестник Удмуртского университета. Вып. 3. 2010. С. 23.

¹⁴² ПСРЛ. Т. 37. С. 49, 95.

¹⁴³ Там же. Т. 28. С. 151, 316. Аналогичный текст читается в Типографской летописи. См.: Т. 24. С. 202.

Софийская вторая летопись рассказывает о двух военных акциях против Казани, инициированных Иваном III в 1482 г. Первое сообщение данного памятника идентично известиям Летописных сводов 1497 и 1518 годов. Вторая статья не нашла отражения в более ранних источниках и, судя по всему, является уникальным дополнением автора Софийской второй летописи. Она гласит: «Того же лета поча князь велики рать замышляти, на Казань хоте ити. Воеводы же свои наперед себя с своим воем князь велики посла и Аристотеля с пушками. Сам же князь велики со всем воем своим стоя в Володимери, воеводы же доидоша и Аристотель с пушками до Новгорода до Нижнего. Ту же царь казаньский присла с челобитьем»¹⁴⁴.

В указанных известиях летописец, не изложив обстоятельств произошедшего, представил лишь некоторые факты, свидетельствующие о крайнем обострении московско-казанских отношений. Вероятнее всего, он не располагал информацией о причине конфликтной ситуации и акцентировал внимание на том, что именно казанский хан остановил начавший движение маховик войны.

На первый взгляд, кажется, что русский летописец показал положительные стороны восточного правителя, которому как бы приписывается мирная инициатива. Однако средневековый читатель иначе понимал эти сроки. Считалось, что победу в войне Бог дарует тем, кто борется за справедливость и истину. Человек, не имеющий за собой истины, не может рассчитывать на победу, следовательно, правитель, предлагающий мир, признает свою вину/неправоту. Значит, предложение – «царь казаньский присла с челобитьем» – в данном смысловом контексте могло означать, что хан был неправ и поэтому, не рискуя воевать, просил о мире.

Составители Никоновской и Воскресенской летописей были не в курсе событий 1482 г. и донесли лишь следующий отрывок: «Того же лета былъ князь великий Иван Васильевич в Владимире»¹⁴⁵. Но некоторые сведения о конфликте 1482 г. сохранил другой источник середины XVI столетия – Разрядная книга. По разрядным записям, в 1482 г. «в Нижнем Новгороде стояли воеводы от великого князя Ивана беречь от Алегамы царя». Позже Иван III «послал есми х царю в Казань Звенца и Бурнака есми с ним отпустил многих своих

¹⁴⁴ Там же. Т. 6. Стб. 315.

¹⁴⁵ Там же. Т. 8. С. 213; Т. 12. М., 1965. С. 214.

воевод»¹⁴⁶. В результате военного давления с новоявленным ханом «писано дело»¹⁴⁷, то есть заключено соглашение.

Разрядная книга содержит сравнительно много информации о периоде с 1482 по 1486 гг., который плохо освещен летописцами. Она сообщает, что в 1485 г. «отпустил князь великий на Казань, на Алегама царя, царевича Магмедамина, а с ним послал воевод своих..., и Алегам збежал, а на Казани сел Магмедемин». Иначе говоря, в 1485 г. Иван III вмешался в династический спор вокруг казанского престола. Под следующим, 1486 г., в Разрядной книге помещено продолжение рассказа о борьбе за ханское место: «Послал князь великий к Магмедеминю царю воевод своих... по Цареве Магмедаминеве присылке, что хотел братию свою выдать великому князю, и князи казанские воли ему не дали, хотели Магмедеминя самого убить и Магмедемин ушел к великому князю воеводам, и князи ему добились челом, и Магмедамин пошел к ним опять в город на царство»¹⁴⁸.

Эти события известны и устюжскому летописцу: «Ис Казани прибегл к великому князю царь Махмед от брата своего, от царя Алехама, добил челом великому князю и позвал его отцем, а просил у него силы на брата своего. И князь великий силу порек ему дати»¹⁴⁹.

Указанное известие обрывается на полуслове, но, в целом, согласуется с данными Разрядной книги. В итоге, выражаясь современным языком, можно сказать, что Иван III дважды отправлял войска на Казань, чтобы утвердить власть Мухаммад-Амина, который проводил промосковскую политику – «хотел братию свою выдать великому князю», чем вызвал недовольство казанской аристократии.

Военно-дипломатические усилия, предпринятые московским правительством в 1482–1486 гг., не принесли желаемого результата. Поэтому Москва снова собирает силы против Казани. 1487 год считается переломным в московско-казанских отношениях. Среди историков доминирует мнение, сформировавшееся под влиянием известий официального летописания, согласно которому, в результате войны 1487 г. Казань попала в зависимость от Москвы и вынуждена

¹⁴⁶ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 19.

¹⁴⁷ Там же. С. 20.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ ПСРЛ. Т. 37. С. 50, 96.

была участвовать в русско-крымской коалиции. Причем дискуссионным оставался только вопрос о степени зависимости Мухаммада-Амина от Ивана III: одни историки утверждают, что Казань вошла лишь во внешнеполитический фарватер московской политики¹⁵⁰, другие говорят об установлении московского протектората¹⁵¹. Однако необходимо обратить внимание на то, что даже в официальном летописании существуют серьезные расхождения при освещении событий 1487 года.

Одним из самых ранних источников, рассказывающих о войне 1487 г., является Московский летописный свод конца XV века. По словам летописца, «тоя же весны апреля 1 отпустил князь великий Иван Васильевич всея Руси воевод своих к Казани, князя Данила Дмитриевича Холмского, да князя Александра Васильевича Оболенского, да князя Семена Ивановича Ряполовского, да князя Семена Романовича, в четверг великий». «По велице дни в вторник апреля 24» великий князь отправил в Казань Мухаммада-Амина. Далее события развивались следующим образом: «И придоша воеводы великого князя с силою под Казань месяца мая в 18 день в четверг на пятой неделе по велице дни и взяша град Казань июля в 9 день и царя Алегота Казаньского изымаша с матерью и с его царицею и з двема братья и з сестрою и с его князьями, и приведоша их на Москву. Того же лета июля в 20 день приде весть к великому князю, что город Казань взяша его воеводы и царя полониша, пригонил с тою вестию князь Федор Хрипунъ Ряполовский»¹⁵².

Московский книжник сравнительно краток, но последователен. Его рассказ содержит имена основных участников событий и точную хронологию произошедшего. Последнее указывает на доступ летописца к документам великокняжеской канцелярии и подтвер-

¹⁵⁰ См.: Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 71; Алишев С.Х. Казань и Москва... С. 43.

¹⁵¹ См.: Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 47–51; Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства... С. 205; Бахтин А.Г. Русское государство и Казанское ханство: межгосударственные отношения в XV–XVI веках: Дис. ... д.и.н. М., 2001. С. 197, 216; Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства в XV–XVI веках. Казань, 2004. С. 76.

¹⁵² ПСРЛ. Т. 25. С. 331.

ждает гипотезу об официальном происхождении свода¹⁵³. Однако сообщение Московского летописного свода носит незаконченный характер: часть летописного текста по неизвестным причинам была утеряна. Полный рассказ официального летописания мы можем найти в таких источниках, как Сокращенный свод 1493 г., Летописный свод 1497 г., Типографская, Иоасафовская, Вологодско-Пермская, Новгородская по списку П.П. Дубровского, Воскресенская и Никоновская летописи.

Незаконченное предложение московского летописца находит следующее продолжение в вышеперечисленных источниках: «И князь великий Иван Васильевич всея Руси царя Махметъеминя изъ своей руки поставилъ на царство в Казани, а коромольныхъ князей и оулановъ Казанскихъ смертию казнилъ и иныхъ коромольников, а царя Алегамы и с царицею послалъ князь великий в заточение на Вологду, а мать его и братию его и сестру послалъ князь великий в заточение на Белоозеро, в Карголомъ»¹⁵⁴.

Указанный отрывок является ключевым в вопросе определения великокняжеской позиции к событиям 1487 года. Здесь летописец акцентирует внимание на том, что Иван III «изъ своей руки поставилъ на царство в Казани» Мухаммад-Амина, то есть великий князь воспользовался существующем у него правом сюзеренитета над Казанью. Известие о казни «коромольныхъ князей и оулановъ Казанскихъ» является свидетельством того, что целью войны 1487 г. было подавление мятежа и восстановление власти великого князя над «казанским столом». По мысли книжника, великий князь наказал казанцев за предательство.

В приведенном выше рассказе говорится не столько об акте завоевания другого государства, сколько об усмирении мятежников, то есть казанцы характеризуются летописцем как подданные Ивана III. Отсюда эмоциональная сдержанность в оценке описываемых событий. Насколько сдержанным является сообщение великокня-

¹⁵³ См.: Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов... С. 256–283; Лурье Я.С. Общерусские летописи... С. 122–167; Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 149–152.

¹⁵⁴ ПСРЛ. Т. 27. С. 287–288. См. также: Т. 28. С. 153; Т. 24. С. 205; Т. 43. С. 208; Т. 26. М.; Л., 1959. С. 278; Т. 8. С. 217; Т. 12. С. 218–219; Иоасафовская летопись. С. 126.

жеского летописца, можно понять только в сравнении с известием другого независимого свода.

Более содержательный рассказ находим в Летописном своде 1518 года. Сообщению этого источника идентичны известия Софийской второй и Львовской летописей¹⁵⁵. Автор свода 1518 г. назвал свою статью «О взятии Казанском отъ великого князя Ивана». Данному рассказу предшествует своеобразный пролог: «Того же лета (1485 г. – А.А.) приеха царевичъ, казанского царя сын, а Темиревъ внукъ, еще бе малъ, к великому князю, князь же великийи принять его. Того же лета прислаша Казанстии к великому князю, а ркучи тако, что есьмя отпустили к тебе царевича на томъ, что почнетъ нашъ царевичъ царя нашего, а меньшицынъ сынъ, надъ нами чинить лихо, и ты опять отпусти царевича нашего к намъ, и нынеча нашъ царевичъ, а меньшицынъ сын, услышавъ то, да зазвавши нас к себе на пирь, хотелъ нас перетеряти, и мы в поле убежали и онъ, ехавши в городъ, да укрепивши городъ, да за ними пошоль в поле»¹⁵⁶.

Под тем же годом помещена статья «О Казанском взятии»: «Того же лета о Велице дни князь великийи собравъ силу многу, посла с царевичемъ Казанскимъ на Казань в судех, а кони берегом повеле гнати. Тогда же и Вятчане отступиша отъ великого князя, князь же великийи посла на Вятчанъ воеводу своего Юрия Шестака Кутузова со многою силою, и он, шедъ, и умирися с ними, и возвратишася. Тогда же и воевода Вятский Костя и прибежа к великому князю к Москве. Того же лета гибло солнце на Ильинъ день. И в тои же день пригониль отъ Казани князь Федор Хрипунъ Ряполовской подая великому князю, яко воеводы его Казань взяли и царя поймали. Князь же великийи радъ бысть и посла к митрополиту, повеле молебная свершити, митрополит же повеле звонити во вся колоколы, и по всему граду повелениемъ великого князя молебная свершиша и хвалу Богу въздаваша. Царя же приведоша на Москву в четвертокъ за неделю до Оспожина дни и посадиша в городе, на княжо Данилове дворе Александровича Ярославского; приведоша же и матеръ его, и жену его»¹⁵⁷.

¹⁵⁵ Там же. Т. 28. С. 318. См. также: Т. 6. Стб. 322–323; Т. 20. С. 352–353; Т. 23. С. 185.

¹⁵⁶ Там же. Т. 28. С. 318.

¹⁵⁷ Там же.

В первой части рассказа летописец обозначил причину похода на Казань – это попытка хана расправиться на пиру с казанскими князьями и их обращение к великому князю. Откуда появилась столь оригинальная информация у книжника, который даже не знал имен русских воевод и казанских ханов? Как летописец, не имевший никакого представления о точной хронологии похода на Казань, сумел найти данные о событиях, произошедших при дворе казанского хана? Возможно, перед нами очередное проявление иносказательности средневековых текстов, суть которой определится после выявления контекста подобных сообщений в литературе того времени.

Рассказ о пире, на котором уничтожают политических противников – довольно распространенный сюжет, долго циркулировавший в средневековой литературе. Источником его происхождения, вероятно, было Священное Писание. Так, например, схожий рассказ содержится в Маккавейских книгах. Согласно Первой Маккавейской книге, иерихонский военачальник Птолемей убил на пиру правителя Иудеи Симона и двух его сыновей. Библия повествует: «С коварством принял их радушно сын Авувов (Птолемей. – А.А.)... и сделал для них большой пир, и спрятал там людей. И когда опьянел Симон и сыновья его, тогда встал Птолемей и бывшие при нем, взяли оружие свое и вошли к Симону во время пира, и убили его и двух сыновей его и некоторых из служителей его. Так совершил он великое вероломство и воздал за добро злом»¹⁵⁸.

Данный отрывок позволяет понять, как подобные действия могли оцениваться книжником-христианином. Однако этот фрагмент мало похож на центон, к контексту которого отправляет нас автор летописи. Более близок к анализируемому известию помещенный в Новгородской первой летописи «Рассказ о преступлении рязанских князей», где повествуется о том, что в 1217 г. князь Глеб Владимирович с братом Константином задумали убить своих братьев и получить всю власть. По словам книжника, они действовали, прельстившись дьяволом, и «не веси, окоянные, Божия смотрения: дает власть ему же хочеть, поставляет цесар и князя Вышний»¹⁵⁹. Автор рассказа сравнивает князей с Каином и Святополком Окаянным. Далее сообщается, что Глеб и Константин собрали

¹⁵⁸ 1 Мак. 16: 15–17.

¹⁵⁹ ПСРЛ. Т. 3. СПб., 1841. С. 36.

братьев в своем шатре на пир. Когда те начали пить и веселиться, злоумышленники «начаства сечи прежи князи, та же бояры и дворянь множество». Создатель повести сделал заключение: «Си же благочестивии князи рязанстии коняшася месяца июля в 20, на святого пророка Илии... Се же окоянный Глебъ и Константинъ, брат его, онемъ уготова царство небесное, а собе мку вечную и съдумци своими»¹⁶⁰.

Помимо сходства основной сюжетной линии, сообщение Летописного свода 1518 г. и «Рассказ о преступлении рязанских князей» сближают такие детали, как упоминание братской вражды и дня святого Ильи. Поэтому можно предположить, что автор статьи «О Казанском взятии» апеллировал к «Рассказу о преступлении рязанских князей». В итоге мы обнаруживаем несколько нравственных категорий, характеризующих личность казанского хана. Во-первых, подобно библейскому Птолемею, хан Ильхам вероломен и не благодарен. Во-вторых, он действовал по сговору с дьяволом, против Божьей воли – «Божия смотрения». Поэтому летописец называет его окоянным, следовательно, он, как и Святополк, «уготова... собе мку вечную»¹⁶¹.

Вслед за предисловием, в котором летописец обратил внимание читателя на грехи хана Ильхама, следует статья о «Казанском взятии». Общая логика рассказа сводится к тому, что хан приговорил себя к возмездию, а великий князь восстановил справедливость, реализовал Божий промысел – посадил грешника в заточение, обезпечив ему «мку вечную».

На соответствие действий Ивана III Божьему промыслу указывает и, казалось бы, посторонняя запись в статье: «Того же лета гибло солнце на Ильин день»¹⁶². Солнечное затмение на Руси всегда воспринималось как знамение от Бога. Русское летописание сохранило ряд упоминаний о подобном явлении.

Яркий пример осмысления таких природных феноменов представлен в Лаврентьевской летописи под 1185 г.: «Бысть знаменье в солнци, огородихося баше солнце, и сие видеще знаменья благовер-

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² ПСРЛ. Т. 28. С. 318. См. также: Т. 6. Стб. 322–323; Т. 20. С. 352–353; Т. 23. С. 185.

нии черньци, со въздыханьем моляхуся к Богу, и со слезами, дабы Бог обратил знаменье си на добро, знаменья бо бывають ова на зло, ова ли на добро, на придущее лето вложи Бог мысль добру в Русские князи, оумыслиша дерзнути на Половце и пойти в землю их»¹⁶³.

Данное известие еще раз демонстрирует, что солнечное затмение воспринималось как Божий знак, предшествующий важным событиям. Указанное знамение могло быть предтечей как положительных, так и негативных изменений. На сей раз солнце «гибло» к «добру», так как «вложи Бог мысль добру в Русские князи». Но в той же летописи встречаются записи о знаменьях, предшествующих скорбным событиям. Так, в 1113 г. «бысть знамение в солнци», после чего «преставися благоверный князь Михаил»¹⁶⁴.

Понимание знамений не претерпело существенных изменений и в XVI веке. Толкование затмения содержится в «Сказании о великом князе всея Руси Василии Ивановиче», датированном 1534 годом¹⁶⁵. Создатель рассказа повествует, что «бысть на небеси в солнце знамение... и нача солнце гибели прибывати от перваго часа до третьего часа дни». Далее рисуется картина осмысления Божьего знаменья народом: «Люди же порассудив, и глаголаху в себе, яко бытии во царстве переменению некоему». «Переменение» произошло: русские воеводы «потапташе» и «поби» крымцев, после чего татары «поиде вонъ из земли» великого князя, который, совершив еще несколько богоугодных дел, заболел и умер¹⁶⁶.

Перечисленные примеры свидетельствуют о том, что затмение солнца символизировало наступление больших перемен и предвещало важные события в жизни общества. Летописцы неоднократно упоминали о затмении накануне удачных походов. Поэтому не исключено, что автор Летописного свода 1518 г. поместил данное известие, следуя сложившейся литературной традиции. Возможно, он использовал этот элемент «клишированной конструкции», подразумеваемая божественное предсказание удачного исхода войны.

¹⁶³ Там же. Т. 1. Стб. 276.

¹⁶⁴ Там же. Стб. 290.

¹⁶⁵ Демкова Н.С. Комментарии к «Повести о болезни и смерти великого князя Василия Ивановича» // БЛДР. Т. 10. СПб., 2001. С. 564.

¹⁶⁶ Повесть о болезни и смерти великого князя Василия Ивановича // БЛДР. Т. 10. С. 20–47.

Подводя итог анализу данного известия, необходимо подчеркнуть его идейную направленность: хан Ильхам достоин наказания за свои грехи, бичом Господа выступают воеводы великого князя – война богоугодна, а потому успех предreshен. Сам факт исполнения Божьего промысла летописец воспринимает как повод для большого празднования, но не мирского, а церковного. По этому случаю «митрополит же повеле звонити во взя колоколы, и по всему граду повелениемъ великого князя молебна свершиша и хвалу Богу въздаваша»¹⁶⁷. Автор свода 1518 г. придает войне религиозный характер и показывает триумф православной веры, логически завершая эпопею 1467–1487 годов.

Краткий рассказ содержится в Ермолинской летописи. Здесь приводятся следующие известия о московско-казанской войне: «В лето 6695. посылашь князь великы хъ Казани своихъ воеводъ, князя Даниила Дмитриевича Холмского да князя Семена Рязоловского, и многое множество воиску с нимъ, и конниковъ и судовниковъ, и градъ взяша, и царя поймали и посадиша его на Вологде со царицами его, а в Казани посадиша брата его меньшого на царство и бысть тишина велиа в техъ странахъ отъ Татаръ»¹⁶⁸.

Ход событий, изложенный выше, не противоречит данным других источников. Различие, опять же, заключается в восприятии и оценке похода на Казань. Последняя строка данного сообщения отражает отношение летописца к происшедшему. Книжник пишет, что Ивану III удалось добиться долгосрочного мира на востоке. В своем коротком рассказе автор счел необходимым выделить именно это обстоятельство. Таким образом, установление мира он считал главным результатом летней кампании 1487 года.

Еще одно известие, написанное, вероятно, современником событий, содержится в Псковской второй летописи¹⁶⁹. Здесь сообщается, что в 1485 г. «князь великыи Иоанн Васильевич посла своего царевича съ множеством Тотар и воевод своих московскихъ съ множеством вои; они же, шедшее, взяша Казань»¹⁷⁰. В этой записи нет ничего определенного, кроме информации о захвате Казани. Причиной тому

¹⁶⁷ ПСРЛ. Т. 28. С. 318. См. также: Т. 6. С. 322–323; Т. 20. С. 352–353; Т. 23. С. 185.

¹⁶⁸ Там же. Т. 23. С. 162.

¹⁶⁹ Там же. Т. 5. М., 2000. С. III.

¹⁷⁰ Там же. С. 67.

могут выступать следующие взаимосвязанные обстоятельства. Возможно, летописец не располагал информацией ввиду удаленности Пскова, или восточная политика великого князя не представляла интереса для жителя Северо-Западной Руси. Думается, последнее обстоятельство выступило решающим, поэтому создатель Псковского свода, описывая взятие Казани, ограничился слухами.

В летописании XVI столетия можно встретить еще более лаконичное известие. Например, в Кирилло-Белозерском списке Ермолинской летописи, составленном в 1530-х годах¹⁷¹, содержатся такие строки о походе на Казань: «Тоя же весны взяша градъ Казань и царя приведоша»¹⁷². Подобное сообщение включает в себя и Владимирский летописец: «В лето 6995. Князь великий Иван Васильевичъ взял градъ Казань, и царя поимали Олехама и привели на Москву его съ царицею»¹⁷³. Примечательно, что данный свод был составлен примерно тогда же¹⁷⁴. Скорее всего, интерес летописцев к событиям 1487 г. сошел на нет после 1521 г., когда в Казани установилась власть крымской династии, враждовавшей с Москвой. За десять последних лет своего правления Василий III организовал несколько безрезультатных экспедиций в Среднее Поволжье. Не удивительно, что в этой обстановке летописцы уделили так мало внимания потеревшим свое значение достижениям Ивана III.

На фоне вышеуказанных рассказов оригинальным выглядит известие Устюжского летописца: «В лето 6995. Князь великий Иван Васильевич послал рать на казанского царя Алехама, и воеводы были князь Данила Холмской да князь Семен Ряполовской. И пришла сила великого князя под Казань, конная и судовая. И царь Казанский с своею силою с московскими людьми побився, в город побеже. А воеводы город Казань обвели. И князь тотарский именем Ольгаза силе великого князя много дурно учинил и прогна за Каму в поле. И по вся дни татарове из града выхотя бились. И прииде на царя и на татар изнеможение, и царь сам выеде из города неволею, и в руки воеводам великого князя впаде. А город взяли, и мать цареву, и его царицу, и князеи тотарских и княгин поимали июля в

¹⁷¹ Там же. Т. 23. С. IV–V.

¹⁷² Там же. С. 195.

¹⁷³ Там же. Т. 30. М., 1965. С. 137.

¹⁷⁴ Муравьева Л.Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII – начала XV века. М., 1983. С. 27.

9 день, на память Пагкратия Тавроменийского. И воеводы великого князя Данила Холмской да князь Семен Ряполовской по наказу великого князя посадили на Казань царя Махмед Емена, а сами пошли к Москве, ведучи с собою царя, и мать, и царицу, и князеи, и мурз. И князь великий воевод своих изжаловал, а бояр и дети боярских, хто чего достоин, тако же, от царя Алехам посадил на Вологде за сторожи»¹⁷⁵.

Устюжский летописец показал серьезное военное противостояние: казанцы оказали сопротивление на подступах к городу, а во время осады постоянно совершали вылазки. Русские построили вокруг города острог, но казанцы, под предводительством некоего Альгазы, нападали на них с тыла и сопротивлялись до «изнеможения». Здесь описана крупная военная операция, в результате которой была побеждена Казань. Результативность кампании 1487 г. подчеркивается и с помощью сообщения о том, что «князь великий воевод своих изжаловал».

Таким образом, в вопросе значения конфликта 1487 г. взгляд устюжского летописца почти совпал с восприятием авторов Летописного свода 1518 г. и Софийской второй летописи. Но последние пытались оправдать действия москвичей, выступив тем самым идеологами войны против Казани, а устюжанин, не расставляя оценок, заострил внимание на описании самого похода.

Не обошел события 1487 г. и автор «Казанской истории». Глава «О втором взятии Казани» начинается с перечисления многочисленных достижений Ивана III. Здесь описывается, как Иван III покорил Великий Новгород, взял Тверь, Вятку и Рязань, после чего отвоевал у польского короля русские земли¹⁷⁶. Некоторые из перечисленных завоеваний были совершены после взятия Казани, но для создателя «Истории» это не имеет значения. Для него главная задача – это, обрисовав картину удачной деятельности Ивана III, предвосхитить дальнейший ход событий, показать обреченность казанского сопротивления.

В данном рассказе содержится сообщение о конфликте Мухаммад-Амина и Абдул-Латифа с ханом Ильхамом, в результате чего двое первых покинули Казань и отправились на службу к великому князю. С этим событием связывается одна из причин похода на Ка-

¹⁷⁵ Там же. Т. 37. С. 50, 96.

¹⁷⁶ Казанская история. С. 278.

заны, которая заключается в подстрекательстве к войне со стороны братьев хана. Но первоочередная причина указана выше: «великий князь посла воевод своих на Казаньское царство... за бесчестие и срамоту отца своего»¹⁷⁷.

Создатель повести не рассказал о длительной осаде города. По его мнению, Казань была взята сразу после непродолжительного боя «на реке Свияге»¹⁷⁸. Далее идет знакомая нам запись о пленении и заточении хана и его семьи. После чего книжник подводит итог: «И се второе тогда Казань взята бысть от Москвы от начала ея в лето 6995-го года, июля в 9 день, на память священномученика Пагкратия»¹⁷⁹.

Чтобы понять смысл указанного предложения, необходимо обратиться к общей концепции произведения. Считается, что «Казанская история» была написана в 1564–1565 гг., «в годы обостренных отношений Грозного с феодальной знатью»¹⁸⁰. Автор «Истории» был последовательным сторонником Ивана IV. Свою работу он посвятил главному событию той эпохи – завоеванию Казанского ханства. При этом решающая роль в деле покорения Казани была отведена Ивану IV и его предкам – великим князьям. Книжник подводит читателя к данной мысли через планомерное описание всей истории московско-казанских отношений.

«История» повествует о «трех взятиях». Первый раз Казань пала «от руки» Василия Дмитриевича в 1395 г. «Второе взятие» описано выше, оно состоялось в 1487 г. и явилось результатом активной политики Ивана III. Окончательное, третье завоевание Казани произошло в 1552 году. В последнем случае, как и в двух предыдущих, лавры победителя достались только главе государства, ни о какой роли аристократии или дворянства речи не шло. Необходимо уточнить, что в данном произведении Казанское ханство выступает преемником Золотой Орды¹⁸¹. Следовательно, 1395, 1487 и 1552 годы представляются вехами освобождения Руси от многовековой власти Орды и обретения русскими государями царской власти,

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Там же. С. 280.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Волкова Т.Ф., Лобакова И.А. Комментарии к «Казанской истории» // БЛДР. Т. 10. С. 593.

¹⁸¹ Казанская история. С. 252–509.

возвышавшей их над прочими правителями. Именно через такую идейную призму книжник XVI в. воспринимал события 1487 года. В результате взятие Казани в 1487 г. приобрело новый, несохранившийся в современной историографии контекст.

Итак, наиболее распространенными известиями являются две противоречивые статьи великокняжеского летописания: рассказ московского книжника конца XV в. и статья «о взятии Казанском...», составленная в 1518 году.

Официальная позиция впервые была записана в Московском летописном своде конца XV века. Как уже говорилось, она оформилась в конце 80-х – начале 90-х годов XV века¹⁸². К захвату Казани московский летописец отнесся сдержанно, события 1487 г. оценивались им как подавление мятежа, или как расправа с «крамольниками». В первой половине 1490-х годов сообщение Московского свода попало в Сокращенные своды 1493 и 1495 гг. Затем указанное известие восприняли составитель свода 1497 г. и автор Типографской летописи. Последний, по предположению Б.М. Клосса, сделал это в самом начале XVI века¹⁸³. Дальнейшее распространение трактовка московского книжника получила только в 20–40-е годы XVI столетия, когда ее носителями стали Вологодско-Пермская летопись, Воскресенский свод, Новгородская по списку П.П. Дубровского и Никоновская летописи¹⁸⁴.

В 1518 г. летописцы, некогда принимавшие оценки официального летописания и копировавшие статью «О первой Казани», сформировали другой взгляд на войну 1487 года. Под их пером сложилось грандиозное событие – благословленное Богом завоевание Казани и его широкомасштабное празднование. Эта точка зрения была оформлена в Летописном своде 1518 г. и Софийской второй летописи. В 60-е годы XVI в. данное толкование событий воспринял Львовской летописец¹⁸⁵. Статья «о взятии Казанском...», судя по всему, является попыткой переписать историю войны 1487 года. Однако по непонятным причинам данная интерпретация не

¹⁸² Шахматов А.А. Обозрение русских летописных сводов... С. 256–283; Лурье Я.С. Общерусские летописи... С. 122–167; Клосс Б.М. Никоновский свод... С. 149–152.

¹⁸³ Клосс Б.М. Предисловие к изданию 2000 года // ПСРЛ. Т. 24. С. V.

¹⁸⁴ См.: Клосс Б.М. Никоновский свод... С. 149–152.

¹⁸⁵ ПСРЛ. Т. 20. С. IV.

прижилась в официальном летописании XVI века. Уже в 1520-е годы реанимируется и продолжает распространяться позиция составителя Московского летописного свода конца XV века.

Таким образом, в официальном летописании бытовало два подхода к освещению событий 1487 года. Основная часть книжников ставила во главу угла политическую измену, а летописцы 1518 г. причину похода на Казань усматривали в греховности хана и его окружения. В принципе, для средневекового сознания эти два подхода вовсе не являются взаимоисключающими. Измена государю приравнивалась к измене Богу, что, безусловно, включалось в категорию греха. Тогда в чем же заключались различия между указанными подходами? Принципиальное расхождение в семантическом плане можно свести к оценке положения Казанского ханства. В первом случае Казань воспринимается как часть великокняжеских владений, в ходе мятежа отошедшая от Москвы, а затем, в результате похода русских воевод, вернувшаяся в лоно власти Ивана III. Второй взгляд исходит из того, что Казанское ханство до войны 1487 г. не подчинилось Москве, а «взятие» 1487 г. позволило Ивану III завладеть Казанью.

Некоторые сведения, касающиеся представленных событий, сохранились в посольском архиве русско-крымских отношений. Еще накануне похода на Казань, 4 марта 1487 г., в грамоте к крымскому хану Менгли-Гирею Иван III писал: «А что еси писал въ своей грамоте о своем сыне о Магмети Амине царе, и мы как наперед сего добра его смотрели, так и ныне аж даст Бог хотим добра его смотри, как нам Бог поможет»¹⁸⁶.

После похода из Москвы в Крым отправилось посольство, общавшее о действиях против Большой Орды и «посажении» Мухаммад-Амина на казанский престол. Отдельное послание было адресовано царице Нур-Салтан, после смерти казанского хана Ибрагима вышедшей замуж за Менгли-Гирея. Великий князь велел донести до Нур-Салтан свою позицию в следующих словах: «Твой сын Магмед-Аминь царь к нам приехал; и мы, надеясь на Бога, послали есми на своего недруга Алягама царя своих воевод. Милосердный пакъ Бог как хотел, так учинил: наши воеводы Казань взяли нашего недруга царя Алягама поймав и с его братьею и с его мате-

¹⁸⁶ Сборник Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884. С. 59.

рю и с его царицами и со князми к нам привели; а твоего сына Магмед-Аминя царя на Казань есми посадили»¹⁸⁷.

С.Х. Алишев заметил, что Иван III писал Менгли-Гирею и Нур-Салтан, «склоняя их к более близкому сотрудничеству против Польши и ахматовых детей»¹⁸⁸. Вместе с тем, первая грамота указывает на то, что великий князь действовал по просьбе крымской четы, а второе послание представляет из себя «отчет» об успешном выполнении «дружеской» просьбы. Таким образом, дипломатические памятники представляют казанский поход как акт военной помощи, направленный на укрепление союзнических отношений.

Дипломатическая трактовка «казанского взятия» не согласуется ни с картиной умирения мятежников, ни, тем более, с концепцией покорения царства. Исследователи представили события 1487 г., не обратив внимания на то, что источники несут разное видение ситуации¹⁸⁹.

* * *

Итак, на основании проведенного анализа источников можно воссоздать следующие обстоятельства событий. В середине XV столетия центробежные политические процессы, поразившие Золотую Орду, привели к автономизации ее улусов и образованию новых самостоятельных ханств. Так, свергнутый с сарайского престола Улу-Мухаммад стал основателем Казанского ханства, которое возникло на месте Булгарского улуса. При этом важно понимать, что Улу-Мухаммад скорее считал себя законным правителем всего Улуса Джучи, нежели основателем нового государства в Среднем Поволжье.

Утвердившись в Казани примерно в 1437–1438 годах, он стал проводить активную внешнюю политику, направленную не только на подчинение территорий, входивших в сферу влияния Булгара, но и на покорение русских земель. Есть основания полагать, что и его приемники продолжали претендовать на верховенство в Орде и объединять земли Джучиева улуса вокруг Казани, которая по праву

¹⁸⁷ Там же. С 62.

¹⁸⁸ Алишев С.Х. Казань и Москва... С. 42.

¹⁸⁹ См.: Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 47–49; Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства... С. 203; Алишев С.Х. Казань и Москва... С. 41–42; Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья... С. 141–142.

политической преемственности от Булгара могла считаться второй столицей Золотой Орды.

При Улу-Мухаммаде, Махмуде, Халиле и Ибрагиме Казанское ханство активно расширяло ареал своего влияния. В 1437–1445 гг. Улу-Мухаммад, одержав ряд побед над Василием II, на десятки лет обязал Москву выплачивать дань в пользу Казани и выделить Мещерскую землю в качестве вотчины для своих сыновей¹⁹⁰. Примерно в конце 1445 года после смерти Улу-Мухаммада казанским ханом стал его старший сын Махмуд, а младшие – Касим и Якуб – заняли Мещерский юрт.

Со временем в орбиту влияния Казанского ханства были включены Вятская земля и Великая Пермь. Казань, возникшая как торговая фактория булгар для организации экономического взаимодействия с финно-угорским населением Поволжья, к середине XV в. стала крупным торгово-ремесленным центром, а ее купцы установили устойчивые торговые связи в Приуралье. Однако по мере «собрания» русских земель в регионе усилились и позиции Москвы, которая стала требовать от Вятки и Перми «не держать» связь с Казанью. Чтобы пресечь взаимодействие с казанцами, великокняжеские войска выступали в походы на Вятку в 1458–1459 гг. и на Пермь Великую в 1462 и 1472 годах¹⁹¹.

Единственным событием, попавшим в поле зрения большинства книжников, является московско-казанская война 1467–1469 годов. Сложно говорить о военных успехах той или иной стороны, ясно лишь, что в результате конфликта, начатого правительством Ивана III с целью установления в Казани власти Касима, ханский престол остался за сыном Махмуда, Ибрагимом.

Как верно заметили наши предшественники, в 1467–1469 гг. великокняжеские силы приобрели опыт ведения войны с Казанским ханством, который не раз воспроизводился в последующих конфликтах. Источники не донесли до нас сути мирных соглашений,

¹⁹⁰ Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009. С. 52–53.

¹⁹¹ Белавин А.М. Торговые фактории волжских булгар и пути возникновения городов в Поволжье и Предуралье в средние века // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы международной научной конференции. Казань, 2000. С. 125; Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 20.

подписанных в результате «первой казанской войны», но, исходя из анализа дальнейших межгосударственных отношений, можно заключить, что ханство сохранило самостоятельность. Хотя события 1467–1469 гг. в глазах официальных книжников конца XV–XVI вв. были прецедентом подчинения хана воле великого князя и служили оправданием военных столкновений 1480-х годов.

Походы русских войск на Казань 1478 и 1482 гг. не вызвали интереса у большинства летописцев и, судя по всему, не имели успеха. В 1485 и 1486 гг. великокняжеские силы поддержали Мухаммад-Амина в борьбе за казанский престол. Из приведенных сообщений ясно, что только в 1487 г. московское правительство решило задачу, поставленную в 1467 г.: оно утвердило в Казани власть лояльного хана и укрепило свое влияние в регионе в целом. Возможно, успешные действия русских войск в 1487 г. обусловили подчинение Вятки и прилегающих к ней земель в 1489 году¹⁹². О степени зависимости хана Мухаммад-Амина от Ивана III можно судить на основании анализа известий, касающихся так называемого периода протектората или патронатных отношений (1487–1521 гг.).

Наряду с конкуренцией за Вятку и Пермь, важным фактором московско-казанского противостояния являлась борьба за «ордынское наследство». В этот период на верховную власть претендовали крымский хан Менгли-Гирей и шибанский хан Ибрагим, в 1481 г. разгромивший хана Ахмада. Причем Москва, создавая антилитовскую коалицию, склонилась к союзническим отношениям с Крымом, а казанский хан Ильхам тяготел к сотрудничеству с шибанским ханом Ибрагимом¹⁹³. В сложившейся обстановке в 1482 г. Иван III при поддержке Менгли-Гирея развернул борьбу против Ильхама. В результате длительной войны в 1487 г. Ильхам был пленен, и ханство попало в фарватер русско-крымской политики, хотя вплоть до начала XVI в. шибанские и ногайские правители продолжали бороться за Казанский юрт.

¹⁹² ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 239; Т. 8. С. 218; Т. 12. СПб., 1901. С. 221; Т. 26. С. 279; Т. 33. Л., 1977. С. 125; Т. 37. С. 51; Т. 43. С. 208.

¹⁹³ См.: Аксанов А.В. Отношения между Великим княжеством Московским и Тюменским ханством // Тюменский исторический сборник. Выпуск XV. Тюмень, 2013. С. 73–81.

Глава III

Казанско-московские отношения в 1487–1521 гг.: от союза к противостоянию

§ 1. Борьба с Шибанидами и ногайцами

Как было отмечено, историки по-разному характеризовали этот период межгосударственных отношений: М.Г. Худяков, Д.А. Котляров, А.Г. Бахтин и другие писали о протекторате Москвы над Казанью, А.А. Зимин и С.Х. Алишев обратили внимание лишь на внешнеполитическую зависимость Казани от Москвы. Очевидно, что с 1487 г. Казанское ханство вступает в союзнические отношения с Московским государством и Крымом, которым противостояли Шибаниды, контролировавшие ногайские, среднеазиатские и сибирские улусы Золотой Орды. Впрочем, необходимо учитывать, что не на всем протяжении этого периода Москве удавалось вести Казань в русле своей политики: неоднократно между государствами возникали военно-политические конфликты. Все же до 1521 г. мирные отношения преобладали.

По данным русских летописей, в 1487 г. московские воеводы пленили хана Ильхама и его сторонников¹, при этом дипломатические акты говорят о том, что «Алказый да Тевекел сеит, да Касым, да Бегиш с сыном Утешем и иные...»² приверженцы Ильхама выехали к хану Ибрагиму³. Тюменский хан не только приютил «опальных» казанских князей и мурз, но и стал инициатором мир-

¹ См.: ПСРЛ. Т. 25. М., 1949. С. 331; Т. 27. М., 2007. С. 287–288; Т. 28. М., 1963. С. 153; Т. 24. М., 2000. С. 205; Т. 43. М., 2004. С. 208; Т. 26. М.; Л., 1959. С. 278; Т. 8. СПб., 1859. С. 217; Т. 12. СПб., 1901. С. 218–219; Т. 37. Л., 1982. С. 50, 96; Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 126.

² Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1508. М., 1984. С. 21.

³ О нахождение Алгазья в Тюмени сообщается и в грамоте мурзы Ямгурчя (См.: Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой... С. 34).

ных переговоров с русским государем. В 1489 г. в Москву прибыло тюменско-ногайское посольство с грамотами от хана Ибрагима и ногайских мурз.

Тюменский хан писал: «От Бреима царя великому князю, брату моему, поклон. Яз бесерменской государь, а ты христианской государь. От сех мест впред меж бы нас добродетель бы наша была. Брат мой Алегам царь по случаю в твоих руках стоит. Со мной впрок захочешь братом быть, брата моего ко мне отпусти; ко мне его не всхочешь пустити, и ты его на ево вотчину отпустишь; ино то мне таково ж братство будет. С Алегамом царем меж вас крепкая правда и слово было, тебя к слову пряма слышел есми, и яз ныне тех слов правду познаю, Алегама царя ко мне отпустите, оба одного отца дети; один от них, на тобя надеяся, к тебе пошел, и ты ся к нему смиловал, а нынеча мой брат Алегам царь, что у тебя ныне в руках живет, тебе от того который прибыток? Впрок братом захочешь быти, мне моего брата ко мне отпусти...»⁴.

В грамотах ногайских мурз Мусы и Ямгурчя содержится почти идентичный текст. Напоминая о былой «дружбе» и «братстве», ногайцы обратились к Ивану III со следующей просьбой: «И нынеча, как те предние нашие, потомуже добро наше и дружба и братство ходило бы. А еще тому братству и дружбе примета: мои дети х тебе попали. А еще великого князя жалованье будет, о тех о своих детях челом бую; и князь великий меня, как прежних наших, потомуже другом и братом похочет, мое челобитье приняв, моими детьми меня пожалует пришлет; после того, яз другу его другом стою, а недругу его недругом стою»⁵.

Схожее обращение к великому князю читается и в грамоте Талач-мурзы: «Моя к тебе теща да и сестра и жена попали, меня собе меньшим братом и сыном ученишь, жалованье твое будет»⁶.

На просьбу тюменского хана освободить Ильхама Иван III ответил довольно категорично: «Ино Алегам царь был с нами в правде и грамоты были меж нас с ним записаны, другу другом бытии, а недругу недругом быти; да на чем нам молвил и как с нами в грамотах записал, в том ни в чем не стоял, а нам не правил. И мы, видев

⁴ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1884. Т.41. С. 81–82.

⁵ Там же. С. 82–83.

⁶ Там же. С. 83.

его неправду, уповая на Бога, посылали есмь на него; и Божьим милосердием, того своего недруга Алегам царя достали есмь и с его матерью и с женою и с братьею, и землю его взяли есмь, и посадили есмь на том юрте на Казани своего брата и сына Магмет Аминя; а наш недруг Алегам царь, Божию милостью, нынеча в наших руках, и нам его не пустити»⁷.

Относительно предложений об установлении «дружеских» и «братских» отношений сибирско-ногайское посольство получило следующий ответ: «А нашего недруга Алегамовы люди царевы, которые от нас бегают, Алказый, да Тевекель Сеит, да Касым Сеит, да Бегиш с сыном с Утешом и иные их товарищи, и тех людей Ивак царь да и мырзы у себя держат, да от них ходичи колко лиха те люди чинят нашим землям, моим да и брата сына моего Магмет Аминева цареве земле. А нынеча к на прислал Магмет Аминева царь, а сказывает: как есте нынеча ко мне шли, ино с вами вместе идучи, те люди Алказый, да Касым Сеит, да Бегиш, да Утеш, да и мырзины Ямгурчеевы люди, твой Тувачев брат да сын да зять, и с иными людьями с Ямгурчеевыми землю Магмет Аминева цареву и нашу воевали, грабили, да и головы в полон поималию. Ино пригоже ли так? Вы к нам пришли от Ивака от царя и от мырз о добре, а с вами вместе рать пришед наши земли воевали, мою и брата и сына моего Магмет Аминева цареву»⁸.

Далее великокняжеская сторона выдвинула свои условия мирного соглашения. «И коли таково дело състалося, и осподарь наш князь великий в том деле тебя Тувача велел изымати. А тебя Чумгура осподарь наш отпускает к твоему осподарю к Иваку царю; да и вас Мусина мырзина человека и Ямгурчеевы жены человека и Алач мырзина человек и ваших товарищев осподарь наш отпускает к нашим осподарем»⁹.

Через этих послов Иван III передал сибирско-ногайским правителям следующее: «Похоchet с нами Ивак царь дружбы и братства, а мырзы с нами дружбы похотят, и они бы то взятое, головы и иной грабеж весь, что Алказый да Касым Сеит, да Бегиш, да Утеш, да Тувачев брат, да сын Тувачев да зять и с иными Ямгурчеевыми

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 84.

⁹ Там же.

людьми, нынеча с вами идучи, взяли в нашей земле и в Магмет Аминеве цареве, то бы все, головы и иной грабеж весь, велели отдать, а тех бы наших беглецов Алказыя, да Кайсым Сеита, да Бегиша, да Утеша с товарищи, да и Тувачева брата и сына Тувачева и зятя и иных людей, которые с ними были, велели казнити, чтобы впред такова лиха от них не было»¹⁰.

Только после выполнения перечисленных требований великий князь намеривался начать переговоры об установлении «дружеских» и «братских» отношений с тюменским ханом и ногайскими мурзами.

Таким образом, тюменско-ногайское посольство добивалось освобождения некоторых представителей татарской знати, попавших в плен в результате казанского похода 1487 года. В своем послании хан Ибрагим просил Ивана III: «брата моего (Ильхама. – А.А.) ко мне отпусти; ко мне его не всхочешь пустити, и ты его на ево вотчину отпустишь». Иными словами, для хана было неважно, куда будет отпущен Ильхам в Казань или в Тюмень, главное, чтобы он получил свободу. Подобно этому единственным условием ногайских мурз было освобождение их детей и близких родственников. Следовательно, Ибрагим и мурзы готовы были пойти на установление «дружбы» и «братства» с великим князем, даже не требуя восстановления Ильхама на казанском престоле, то есть, соглашаясь с усилением влияния Москвы в Среднем Поволжье.

Но русский государь занял непримиримую позицию. В ходе переговоров великий князь напомнил о враждебных действиях татар и приказал схватить ногайского посла Тувача. Причем, вероятнее всего, речь шла о нападении тюменско-ногайских сил на Казанское ханство после воцарения там Мухаммад-Амина. По словам Ивана III, «лиха те люди чинят нашим землям, моим да и брата сына моего Магмет Аминева цареве земле». Для обоснования такой позиции в дипломатических документах Мухаммад-Амин неоднократно назван «сыном» Ивана III, а его земли соответственно землями великого князя.

Кроме того, московская сторона потребовала возвращения имущества, захваченного тюменско-ногайскими войсками и казни «беглецов» – сторонников Ильхама¹¹. Причем требование вернуть

¹⁰ Там же.

¹¹ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой... С. 21–22.

награбленное имущество могло натолкнуться на аналогичную претензию со стороны тюменского хана и ногайских мурз, поскольку, вполне справедливо полагать, что вместе с представителями татарской знати в руки великого князя попали многочисленные трофеи. Еще одно затруднение в переговорах было вызвано тем, что Иван III выдвинул заведомо невыполнимое условие мирного соглашения: «казнити» «Алказыя, да Кайсым Сеита, да Бегиша, да Утеша с товарищи, да и Тувачева брата и сына Тувачева и зятя и иных людей, которые с ними были». Скорее всего, в Москве хорошо понимали, что хан Ибрагим ни при каких обстоятельствах не станет убивать своих союзников, выступавших против усиления влияния Москвы в Среднем Поволжье.

Очевидно, что в этот период Иван III не мог пойти на установление союзнических отношений с Ибрагимом. После смерти хана Ахмада на роль верховного хана претендовали Менгли-Гирей и Ибрагим. Русский государь, умело использовавший противоречия между различными татарскими правителями для расширения своего влияния, ориентировался на Крым, который подобно Москве был заинтересован в борьбе с Польско-Литовским государством и с Большой Ордой. Вместе с тем у крымского хана после женитьбы на вдове казанского хана, Нур-Султан, появилась возможность упрочить свои позиции в Среднем Поволжье. Так, Менгли-Гирей ходатайствовал о московской военной помощи для своего пасынка Мухаммад-Амина, боровшегося за казанский престол со сводным братом Ильхамом.

При этом тюменский хан Ибрагим, в 1481 г. одержав победу над Ахмадом¹², усилил власть в некоторых поволжских улусах и, вероятнее всего, включил в орбиту своего влияния казанского хана Ильхама. Впрочем, это было не единственное яблоко раздора. В 1470–1480-е гг. Иван III последовательно установил контроль над важнейшими районами пушного промысла. После присоединения Новгородской земли настал черед Вятки и угорских княжеств. В 1483–1485 гг. были подчинены некоторые вогульские правители¹³, а в 1489 г. при поддержке Мухаммад-Амина присоединена обширная Вятская земля. Причем главным конкурентом Москвы в этом регионе оставался шибанский хан Ибрагим. Наверное, не случайно

¹² ПСРЛ. Т. 26. М.; Л., 1959. С. 274; Т. 33. Л., 1977. С. 124; Т. 37. С. 95.

¹³ Там же. Т. 26. С. 276; Т. 33. С. 124; Т. 12. С. 215; Т. 37. С. 49; Т. 37. С. 95.

тюменское посольство прибыло в Москву сразу после подчинения Вятки: к мирным переговорам тюменского хана склонили небывалые военно-дипломатические успехи великого князя.

Впоследствии военный конфликт продолжился. В 1491 г. в грамоте, адресованной Менгли-Гирею, Мухаммад-Амин сообщил: «Ивак, да Мамук, да Муса, да Ямгурчей, еже лет на меня войною приходят»¹⁴.

Описывая историю Московского государства на рубеже XV–XVI вв., русские летописцы сравнительно часто обращались к «казанской теме». Упоминается, что в 1491 г. войска Мухаммад-Амина участвовали в походе против Большой Орды. Под 1496, 1499 и 1500 гг. помещены известия о набегах на Казань шибанских ханов и ногайцев. В 1502 г. поход на Казань осуществили русские войска. Наконец, сообщается, что в 1505 г. началась очередная московско-казанская война¹⁵.

Каждое из этих событий имеет несколько трактовок в летописании. Наименьшее расхождение проявилось при описании событий 1491 года. Обстоятельный рассказ о походе против Большой Орды содержится в Московском летописном своде конца XV в., Сокращенном летописном своде 1493 г., своде 1497 г., своде 1518 г., Типографской, Софийской второй, Воскресенской, Никоновской и Львовской летописях. Суть данного известия сводится к следующему.

Войска Большой Орды напали на Крымское ханство. Иван III «на помощь Крымскому царю Менли Гирею отпустил воевод своих в поле ко Орде... да с ними многих детеи боярьских двора своего, да Мердоулатова сына царевича Сатылгана... послал вместе же с своими воеводами». Великий князь «Казанскому царю Махмет Аминю велель послати воевод своих с силою вместе же со царевичем и с великого князя воеводами». По словам книжника, «и снидошася вместе великого князя воеводы съ царевичемъ Сатылганом, и с Казанского царя воеводами со Абашь Уланом и съ Бубрашь

¹⁴ Ответная грамота Казанскаго царя Магмед-Аминя к Крымскому царю Менгли-гирею // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. Одесса, 1863. С. 277; Сборник Русского исторического общества. Т. 41. С. 146; Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1508 гг. М., 1984. С. 50–51.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 28. С. 321–339; Т. 6. М., 2001. Стб. 330–372; Т. 24. С. 208–215; Т. 8. М., 2001. С. 223–246; Т. 12. С. 259–268; Т. 20. М., 2005. С. 356–375.

Сеитом в поле, и княж Борисовъ Васильевича воевода... Слышав же цари Ординьские силу многу великого князя в поле к ним приближающуюся, и убоявшеся, възвратившеся от Перекопи, сила же великого же князя възвратися во свояси без брани»¹⁶.

Итак, перед нами крымско-ордынская война, в которой главную роль сыграло Московское государство, принявшее сторону Крымского ханства. Заступничество Ивана III не допустило кровопролития: войска возвратились «без брани». Летописец акцентирует внимание на том, что Иван III «велел» Мухаммад-Амину «послать воеводъ своих»¹⁷, то есть подчеркивает подчиненное положение Казани. Из сообщения следует, что казанские и служилые татары, так же как и москвичи, есть «сила... великого... князя». В данном рассказе казанский хан приравнивается к служилым царевичам и к московским воеводам, а значит, к вассалам Ивана III.

Авторы Московского летописного свода, свода 1497 г. и некоторые другие летописцы считали, что Казань попала в зависимое положение еще до войны 1487 года. Прочие книжники – составитель свода 1518 г. и создатель Софийской второй летописи – видели в событиях 1487 г. начало московского сюзеренитета над Казанью. В рассказе о походе 1491 г. взгляды летописцев сошлись: все они привели одинаковое известие, показывающее подчиненное положение Казани.

Иную картину событий можно увидеть в Новгородской летописи по списку П.П. Дубровского. По данным этого источника, Иван III «отпустил... на Поле подо Орду царева сына Мердоулатова Салтыгана, да с ним послал воевод своих». Тут же говорится, что «ис Казани царь Ахметенин послал же на Поле своих воевод да и казаков»¹⁸. Указанное известие существенно отличается от предыдущего.

В первом случае Иван III «отпустил... в поле ко Орде» «воевод своих», а «Мердоулатова сына царевича Сатылгана... послал вместе же с своими воеводами». В Новгородской летописи, наоборот, великий князь «отпустил» царевича Сатылгана, а вместе «с ним по-

¹⁶ Там же. Т. 25. М., 1949. С. 332. См. также: Т. 27. С. 290; Т. 28. С. 155. С. 321; Т. 6. Стб. 330; Т. 23. М., 2004. С. 188; Т. 24. С. 208; Т. 8. С. 223; Т. 12. С. 224; Т. 20. С. 356.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Т. 43. М., 2004. С. 210.

слал воевод своих». При этом необходимо уточнить, что новгородский летописец не рассказывает о помощи Ивана III крымскому хану и ничего не сообщает о результатах похода. Как видно из отрывка, книжник не использовал повелительных глаголов по отношению к казанскому хану.

Следует сказать, что известие Новгородской летописи, несмотря на внешнее сходство с предыдущим сообщением, написано в другом смысловом контексте. Летописец поставил на первое место, в отличие от своих предшественников, не московских воевод, а царевича Сатылгана; воеводы Ивана III рассматриваются здесь только как вспомогательные силы. Необходимо обратить внимание на то, что казанский хан без приказа свыше – по своей инициативе – послал войска в Орду. Таким образом, поход 1491 г. представляется летописцем как очередная война между представителями «царского рода» – ханами династии Чингисидов. Причем, так как нет информации о крымском хане, поход московских воевод можно мотивировать желанием оказать помощь царевичу Сатылгану и хану Мухаммад-Амину, то есть войска Ивана III характеризуются книжником как союзники служилых татар и казанцев.

Сведения, в целом согласующиеся с позицией Новгородской летописи, находим в переписке Менгли-Гирея с Мухаммад-Амином. В грамоте, датированной 10 марта 1490 г., крымский хан просил казанского оказать военную помощь в борьбе с Большой Ордой. 19 января 1491 г. Мухаммад-Амин ответил, что, невзирая на угрозу нападения сибирских и ногайских правителей, он отправил «в Поле» всех своих всадников, однако они не встретили крымских союзников и вернулись восвояси¹⁹.

Датировка грамот расходитя с летописной хронологией, поэтому либо в источники закралась ошибка, либо в дипломатических документах речь идет о походе, произошедшем раньше. Как бы там ни было, грамоты подтверждают представления новгородского книжника о самостоятельных действиях казанского хана.

¹⁹ Грамота Крымскаго царя Мингли-гирея к Казанскому царю Магмед-Амину; Ответная грамота Казанскаго царя Магмед-Аминя к Крымскому царю Менгли-гирею // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. Одесса, 1863. С. 275–277; Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1508 гг. С. 50–51.

О том, что после 1487 г. Казанское ханство стало именно союзником Москвы, а не подчиненным государством свидетельствуют более поздние казанско-литовские и крымско-русские дипломатические документы. Так, согласно посланию Сафа-Гирея королю Сигизмунду I, «Казань была зашла за московского», при том, что завоевание и подчинение здесь характеризуется как «взятие». Например, в этой же грамоте хан сообщал о подчинении им Вятской земли следующим образом: «И землю есми его взял»²⁰. Поэтому, исходя из контекста, «Казань была зашла за московского» означало, что ханство лишь присоединилось к союзу с Московским государством. В другой переписке крымский хан Сахиб-Гирей, опровергая представление московских дипломатов о подчинении Казани Иваном III, утверждал, что «ино тем ли он (Иван III. – А.А.) его (Мухаммад-Амина. – А.А.) на царство посадил, что помочь свою ему дал»²¹. То есть в 1487 г. московский государь не подчинил Казань, посадив на престол своего человека, а всего-навсего помог одному из претендентов в борьбе за ханское место. Следовательно, можно допустить, что Мухаммад-Амин находился в союзнических отношениях с Москвой и Крымом, а потому участвовал в войне против Большой Орды.

В то же время с наследниками хана Ахмада продолжал борьбу шибанский хан Ибрагим, отправивший осенью 1493 г. второе мирное предложение к великому князю. В начале своей грамоты хан поместил историческую преамбулу: «промеж Ченгысовых царевых детей, наш отец Шибал царь стоит с твоим юртом в опришнину, и друг и брат был; от тех мест межи нас ту Атамыров да Номаганов юрт ся учинил, а мы ся учинили далече, а с тобою меж нас добрые ссылки не бывало». Хан напомнил и о своих недавних успехах: «Ино мне счастье дал Бог, Тимер Кутлуева сына (хана Ахмада. – А.А.) убивши, Саинской есми стул (Большую Орду. – А.А.) взял; да еще сам с братьями и с детми условившыся, а великого князя детей на княжене учинив, на отцов юрт к Волзе пришед стою». Далее идет текст самого мирного предложения: «Ино как по первым по нашим, по тому же братству нашему примета, Алегам царь стоит, того прошу у тебя, да как его дашь нам, и дружбе и братству приме-

²⁰ Мустафина Д. Послание царя казанского // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1997. № 1/2. С. 33.

²¹ РГАДА. Ф. 123. Оп.1. Кн. 8. Л. 492 об.

та то стоит. Да отца своего места ищучи, на Темер Кутлуева сына сел есми на конь. Да еще Алегама царя как дашь нам, после того твоему недругу недруг стою и твоему другу друг стою»²².

На этот раз посол хана Ибрагима, Чюмгур, получил более дружелюбный ответ: «И мы с твоим государем с Иваком с царем братства и дружбы хотим, а люди бы наши меж нас ездили нашего здоровья видети. А хотели есмя к нему послати своего человека, да нынеча есмя своего человека с тобою вместе не успели послати; а впред аже даст Бог хотим своего человека к твоему государю, к Иваку царю, послати, чтобы дал Бог меж нас братство и дружба была и люди бы наши меж нас ездили нашего здоровья видети»²³.

Грамота хана Ибрагима была составлена согласно характерному для мирных переговоров дипломатическому этикету, предполагавшему экскурс в историю дружественных отношений между предками правителей. Далее хан, обращаясь к государю, говорил, что «с тобою меж нас добрые ссылки не бывало». То есть Ибрагим и Иван III до 1493 г. не заключали мирных соглашений, что еще раз опровергает гипотезу исследователей о существовании военно-политического союза между Московским государством и Тюменским ханством.

Для того чтобы склонить великого князя к «братству», хан общает о том, что ему удалось занять «отцов юрт» (Большую Орду) и стать верховным ханом Улуса Джучи. Причем после этого хан Ибрагим, как хозяин золотоордынских земель, «с братьями и с детьми условившись, а великого князя детей на княженье учинив». Иными словами, по сложившейся в период ордынской власти традиции хан подтверждал наследственные права великого князя и его детей, что демонстрировало его лояльное отношение к Ивану III. Важно учесть, что единственным условием для заключения дружеских отношений было освобождение из плена бывшего казанского хана Ильхама. При этом Ибрагим не ограничивался мирным предложением, после освобождения Ильхама он обещал стать союзником Ивана III: «Да еще Алегама царя как дашь нам, после того твоему недругу недруг стою и твоему другу друг стою».

²² Сборник Русского исторического общества. Т. 41. С. 199.

²³ Там же.

Ответ московских дипломатов демонстрирует готовность государя к компромиссу, вместе с тем, видно, что великокняжеская сторона намеренно затягивала переговоры. В случае положительного ответа хан Ибрагим просил «с добрым человеком Чумгура борзо (быстро. – А.А.)» отпустить. Но Иван III не отправил «своего доброго человека» с ханским послом. Московские дипломаты оправдывались тем, что они не успели это сделать и обещали позже отправить посла к Ибрагиму. Однако ответное посольство не состоялось.

Вероятнее всего, пока Иван III был в союзе с Менгли-Гиреем, он не мог пойти на сотрудничество с Ибрагимом, который в свою очередь для утверждения своего верховенства в Орде нуждался в поддержке великого князя. В конце XV века для Московского государства более важными были союзнические отношения с Крымским ханством, поскольку это обеспечивало продвижение великокняжеских сил в земли Великого княжества Литовского. Сложившаяся ситуация провоцировала новые военные столкновения. В 1496 г. приемник хана Ибрагима, шибанский хан Мамук, с войском занял Казань.

Анализ последующих сообщений показывает лишь нарастание разночтений в летописании. Можно выделить несколько подходов к освещению событий 1496 года. Автор Типографской летописи описывал события следующим образом: «Тоя же зимы царь Мамук Шибанския Орды град Казань взял, а царь Казанский Магдеминь и с царицею и с князьями збежал к Нижнему Новуграду, а оттоле на весне на Москву. И князь великий его пожаловалъ, далъ емоу градов: Коширу, Серпохов, Хотунь и с волостми и с всеми пошлинами»²⁴. Судя по сообщению летописца, в 1496 г. Казань была потеряна для Москвы.

Другой рассказ помещен в Вологодско-Пермской летописи: «Царь Мамукъ Иваковъ брат Тюменского, пришед с Нагаи, взяша град Казань. Того же лета, мая, послал князь велики Иван Васильевич в Казань на царство царя Абдыл Летифа, меньшого брата царя Казанского Махмед Аминава, а с ним послал воевод своих... и велел его посадити в Казани на царство. А царя Магмед Аминя, преже бывшего Казанского, свель вогды же и пожаловал, дал ему в Казани место Коширу да Серпухов, да Хотунь»²⁵. То есть для вологодско-

²⁴ ПСРЛ. Т. 24. С. 213.

²⁵ Там же. Т. 26. С. 290.

пермского летописца нападение Мамука на Казань закончилось лишь сменой одного ставленника Москвы другим. Автор Вологодско-Пермской летописи оставил уникальные уточнения: «Царь Мамукъ Иваковъ брат Тюменского, пришед с Нагаи, взяша град Казань»²⁶. Никто более из русских книжников не сообщает, что Мамук был братом Ивака и прибыл в Казань вместе с ногайцами. Данные о родственных узах Мамука и Ибрагима (Ивака) подтверждаются сведениями «Продолжателя» Чингиз-наме Утемиша-хаджи²⁷.

Еще одно известие о событиях 1496 г. содержится в Устюжской летописи: «Князь Иван Васильевич послал на казанских тотар вивод своих, князя Ивана Ляпуна да брата его князя Петра Ушатых, да с ними устюжане, да двиняне. И ходили, и воевали, и много добра поймали, и полон безчисленно»²⁸.

Здесь представлена картина, противоположная предыдущим. Рассказы так отличаются, что если бы датировка известий не совпала, можно было бы подумать, что летописцы повествуют о разных событиях. Во-первых, из всего, что произошло в 1496 г., устюжский летописец осветил только поход воевод Ивана III на Казань. Во-вторых, данный поход представлен как грабительское вторжение в пределы соседнего государства. Подобная характеристика московско-казанских отношений уникальна, ведь все прочие летописцы писали, что Казань – это подчиненный или, в крайнем случае, союзнический город. Но устюжский летописец не знал причин похода и не рассказал о набеге Мамука. Он располагал информацией о походе русских на Казань и объяснил ее, исходя из своих устоявшихся представлений, сформированных под влиянием политической обстановки, сложившейся уже в 20-е годы XVI в., когда московско-казанские отношения вновь вошли в фазу конфронтации.

Самый подробный рассказ о событиях 1496 г. содержится в статье «О Казани», сохранившейся в Летописном своде 1518 г., Софийской второй, Иоасафовской, Львовской и, под другим заголовком,

²⁶ Там же.

²⁷ Миргалеев И.М. Сообщение продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-Хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств в Западной Сибири: материалы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17–18 апреля 2014 г.). Курган, 2014. С. 65.

²⁸ ПСРЛ. Т. 37. С. 51.

Воскресенской летописях: «Тое же весны, мая, прииде вестъ к великому князю Ивану Василевичю от Казанского царя Магмед Аминя, что идет на него Шибанский царь Мамоук со мною силою, а измену чинят казанские князи Калимет да Оурак, да Садырь, да Агыш. И князь великий послал в Казань ко царю Магмет-Аминю в помощь воеводу своего князя Семена Ивановича Ряполовского с силою, и многих детей боярских двора своего, и понизовских городов дети боярские, новгородци, и муромци, и костромичи, и иных городов мнози. Князи же казанские предреченны слышав воеводу великого князя, что идут со мною силою князь Семен Иванович Ряполовской, и выбежа ис Казани ко царю Мамуку Тотарин; царь же Мамук Шибанский, слышав силу многу великого князя в Казани, и возвратись во свояси; царь же Магмет-Аминь Казанский отпусти воеводу великого князя ис Казани... со всею силою к Москве о семени дни, оуже бо не чяхоу прихода Мамукова х Казани». Однако, «понеже в Казани измена бысть над царемъ Махмет-Аминем, и вести ис Казани к Мамуку присылахоу, Мамук же царь вбросе прииде ратию под Казань со мною силою нагаискою и со князи казанскими».

Узнав об измене, Мухаммад-Амин бежал в Москву. Шибанский хан взял Казань, «понеже бо не бысть ему спротивника..., князеи казанских, кои изменяли государю своему, Калиметя и Оурака, и Садыря, и Агыша з братею изымал, а гости земских и людеи всех пограбил». Но в скором времени он «князеи казанских пожаловал, выпустил» и напал на Арский городок, где «князи града своего не здаша, но бишась с ними крепко..., и в то время князи казанские отъехаша от Мамука в Казань, и град окрепиша, и царя Мамука в град не пустиша, а измену на него възложиша, что их князеи имал, а гости, земских людеи грабил. И послаша князи казанские Бораш-сеита к великому князю Ивану Васильевичу на Москву бити челом от них и от всеи земли, чтобы их князь великий пожаловал, а нелюбь к ним и вины отдал, что они изменили государю своему Магмет-Аминю царю, “да и тебе великому; да и тем бы еси, государь князь великий, жаловал нас, Магмет-Аминя царя к нам в Казань не послал, занеже от него было велико насилие и безчестие катунам нашим, и за то есмь ему изменили и к Мамуку от него отъехали”». Иван III простил казанцев: «Всеи их земли нелюбкти и вины князем казанским отдал». Он «нарек им на царство в Казань Обдыл-Летифа царевича, Обреи-

мова сына, меньшого брата Магмет-Аминя царя». Шибанский хан, узнав об этом, покинул Казань «и на пути оумре».

Далее автор летописной статьи повествует, что в 1497 г. Иван III «посадиша на царство» Абдул-Латифа «и к шерьти приведоша всех князеи казанских... по их вере за великого князя». А Мухаммад-Амин получил «Коширу, да Серпухов, да Хотун со всеми пошлинами... Он же и тамо своего нрава не примени, но с насильством живяше и халчно ко многим»²⁹.

Итак, данная статья детально освещает события 1496 г., снабжая комментариями практически каждый эпизод. Кроме того, она информирует о приезде казанского посла в Москву и приводит цитату из его речи. Автор статьи упоминает и некий договор (шерть), который казанцы заключили с Иваном III.

Все это указывает на происхождение статьи. Судя по всему, она отражает позицию официального московского летописания и создана в великокняжеской канцелярии. Можно сказать, что, помимо широкой источниковой базы, летописец обладал и серьезной мотивацией к освещению данного вопроса, не терявшего свою политическую актуальность вплоть до падения Казани в 1552 году. Перед ним стояла задача разобраться в случившемся на востоке, расставить все точки над *i*, то есть объяснить события, исходя из целей «казанской политики» Москвы.

Статья раскрывает обстоятельства произошедшего. Автор рассказа объяснил причину нападения хана Мамука: по его мнению, казанские князья изменили хану, сговорившись с Мамуком. Московские войска не смогли избавить Казань от шибанского хана, так как «измена бысть над царем Магмет-Аминем». Захватив Казань, Мамук «изымал» своих союзников – князей, изменивших Мухаммад-Амину. В ответ на это казанцы «възложиша измену» на недавнего союзника Мамука. Что могло означать слово «измена» в контексте средневековой русской культуры?

Термины «измена» и «изменник» нередко встречаются в Священном Писании. Книга пророка Иезекииля характеризует изменников так: «Они и отцы их изменники предо мною до сего самого дня.

²⁹ Там же. Т. 6. Стб. 347–348. См. также: Т. 28. С. 328; Т. 8. С. 231–232; Т. 20. С. 363–364; Т. 24. С. 242–243; Иоасафовская летопись. С.131–132.

И эти сыны с огрубелым лицом и с жестоким сердцем»³⁰. Пророк Исаия приводит ряд нелестных эпитетов в адрес неких изменников: «Руки ваши осквернены кровью и персты ваши – беззаконием; уста ваши говорят ложь... Ноги их бегут ко злу, и они спешат на пролитие невинной крови; мысли их – мысли нечестивые; опустошение и гибель на стезях их», к тому же «пути мира они не знают, и нет суда на стезях их»³¹. Читатель подводится к мысли, что все эти люди «изменили и солгали перед Господом, и отступили от Бога нашего; говорили клевету и измену, зачинали и рождали из сердца лживые слова»³².

В результате вырисовывается довольно устойчивый набор эпитетов, скорее всего, ассоциировавшихся в сознании книжника-христианина со словом «измена». Выходит, что измена – это не только предательство, подлость, что соответствует нашему пониманию. Это маркер, с помощью которого можно было обратить внимание средневекового интеллектуала на качества конкретного типа людей. Следовательно, со словами «измена» и «изменник» ассоциировался народ, не соблюдающий закона, не знающий мира, осквернивший себя ложью и невинной кровью.

Пророки говорят и о судьбе городов, населенных такими людьми. В Ветхом Завете сложился образ «города-изменника». Так, в Книге пророка Осия пишется: «Они же, подобно Адаму, нарушили завет и там изменили Мне. Галлаад – город нечестивцев, запятнанных кровью»³³. Во Второй книге Ездры в пример ставится разрушенный Иерусалим: «Этот город был изменник и смущал царей и города, а Иудеи – отступники, вечно производившие в нем заговоры, по какой причине и был опустошен этот город»³⁴. Таким образом, помимо ассоциативных эпитетов, частое упоминание слова «измена» могло привести в смысл рассказа и некое сравнение. Возможно, летописец, характеризуя казанцев как изменников, поставил Казань в ряд «городов-изменников», продолжив тем самым библейскую традицию и предсказав судьбу восточного соседа. Значит, Казань ждет опустошение и разрушение.

³⁰ Иез. 2: 3–4.

³¹ Ис. 59: 3, 7–8.

³² Ис. 59: 13.

³³ Ос. 7: 8.

³⁴ 2 Езд. 2: 22–23.

Действительно, после того, как казанские князья изменили Мухаммад-Амину, в город пришел хан Мамук и «изымал» их, «а гостей земских и людеи всех пограбил». Так, по мысли книжника, из-за «изменников» начались бедствия в Казани, которая противопоставляется Арскому городку, где «князи града своего не здаша, но бишась» с Мамуком «крепко». Однако казанцы остановили бедствия, «возложив измену» на шибанского хана и отправив посла к Ивану III, «чтобы их князь великий пожаловал, а нелюбь к ним и вины отдал, что они изменили государю своему Магмет-Аминю царю».

Книжник привел аргументы «челобитчиков», которые признали власть великого князя и объяснили причину своей измены жестокостью хана, совершившего «велико насилие и безчестие катунам» казанцев. То есть Мухаммад-Амин насильствовал жен своих князей, а прелюбодеяние – большой грех для христиан и поэтому весомый аргумент в глазах автора известия. Составитель летописной статьи оправдал князей, вложив им в уста указанные речи. К тому же он неоднократно подчеркивал, что «измена бысть над царем Махмет-Аминем», а не над великим князем, как это было в 1487 году. Поэтому Иван III имел все основания простить «изменников», отдав «всеи их земли нелюбки и вины».

Эти сведения официальных летописцев уникальны, не находят подтверждения в группе независимых источников и составлены при использовании определенных библейских парафразов, указывающих на негативные качества казанцев и обосновывающих необходимость власти православного государя над ханством³⁵. В общем такая презентация событий оправдывала военно-дипломатическое вмешательство Москвы в дела Казани.

Кроме Мухаммад-Амина и казанских князей негативной характеристики в упомянутых летописях удостоился и Мамук. Шибанский хан «на пути оумре», а Священное Писание гласит, что в пути умирают прогневавшие Бога своим «нечестием» грешники³⁶. Следовательно, действия Мамука летописец мог воспринимать как «нечестие», прогневившее Бога. Хан дважды бежал из Казани, «гонимый Божьим гневом», опасаясь столкновения с московскими войсками.

³⁵ См.: Аксанов А.В. Русские летописцы о московско-казанских отношениях в 1496 году // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 7. С. 71–75.

³⁶ Пс. 2: 12; Притч. 13: 6.

Итак, рассказ великокняжеского летописца очень содержателен. Можно предположить, что данное обстоятельство связано с наличием широкой базы источников. Однако в тексте московского книжника много места отведено эпитетам и парафразам, усиливающим смысловую нагрузку и предающим сообщению не столько описательный, сколько оценочный характер. Пространность статьи можно связать с широтой ее идейного замысла, который заключается в том, что Казань – город грешников-нечестивцев, обреченный на разрушение и опустошение, спасти его может только покровительство православного государя. Подобный взгляд оправдывал власть Москвы над Казанью и вписывался в русло идей христианской космологии.

Таким образом, за короткое время в Казани побывало три хана: Мухаммад-Амин, Мамук и Абдул-Латиф. Многие историки считали, что это было следствием борьбы за власть между московской и восточной партиями казанской аристократии³⁷. Однако летописцы, используя эпитеты и парафразы из Библии, указали на отрицательные качества, присущие всем казанцам. Они не разделяли их на сторонников и противников Москвы. Более того, активными проводниками всех политических изменений того времени были одни и те же князья, во главе которых стоял Кель-Ахмад.

Согласно Д.А. Котлярову, переворот 1496 г. совершили сторонники Ильхама, потерявшие надежду на его освобождение и пригласившие в Казань хана Мамука: «Мухаммед-Эмин был лишен поддержки большей части казанской аристократии... и держался на престоле только благодаря покровительству великого князя московского»³⁸. Однако заговорщики едва ли были сторонниками именно Ильхама, поскольку всех его приверженцев, не успевших бежать из Казани, воеводы пленили еще в 1487 году. Как уже было показано, официальные источники подчеркивают то обстоятельство, что заго-

³⁷ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. С. 53–56; Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства во второй половине XV века. М., 1950. С. 400; Алишев С.Х. Казань и Москва: Межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995. С. 45; Бахтин А.Г. Русское государство и Казанское ханство: межгосударственные отношения в XV–XVI веках: Дис. ... д.и.н. М., 2001. С. 193–196.

³⁸ Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: У истоков национальной политики России. Ижевск, 2005. С. 165.

вор был направлен против личности Мухаммад-Амина, а не московского влияния. Подтверждением тому служит и согласие казанцев на младшего брата Мухаммад-Амина – Абдул-Латифа, ставшего ханом «из рук великого князя».

В 1499 г. на Казань свалились новые испытания. Уже упомянутый в связи с событиями 1496 г. «изменник» – князь Урак – в союзе с братом Мамука, Агалаком, совершил нападение на Казань. Как только Иван III получил об этом послание от Абдул-Латифа, он отправил воевод на помощь своему союзнику. Опасаясь столкновения с великокняжескими войсками «Агалак же и Оурак... побегоша всвояси, а воеводы великого князя возвратись в Москву»³⁹.

Причем, по данным Разрядной книги, Иван III отправил на помощь Абул-Латифу большое войско: «В большом полку князь Семен Иванович Ряполовской. В передовом полку князь Василей Рамодановской. В правой Семен Карпов. В левой Ондрей Коробов». Только вместо царевича Агалака Разрядная книга называет царевича «Саталгана»⁴⁰.

На этом война не закончилась, и уже в августе 1500 г. «посылал князь великий в Казань воевод беречь от Арака и от шибанских царевичев в конной рати: В большом полку князь Федор Иванович Бельской. В передовом полку князь Семен Иванович Ряполовской. В правой руке Юрьи Захарыч. В левой руке Дмитрий Васильевич Шеин. А в судовой воеводы князь Иван Барбаша Олександрович Суздальской, Михаиле Костянтинович Беззубцов, Семен Карпович, Ондрей Васильевич Сабуров»⁴¹. И эта большая конно-судовая рать направлялась в Казань для защиты «от Арака и от шибанских царевичев», но, как сообщают летописи, осенью 1500 г. Казань подверглась нападению и трехнедельной осаде ногайских татар. Официальные книжники, явно приуменьшая масштабы военных столкновений, писали, что помимо казанцев город обороняли русские воеводы «с малыми с людми». В итоге, по словам летописцев, «Божим заступлением Ногаи вскоре все от града отидоша всвояси»⁴².

³⁹ ПСРЛ. Т. 28. С. 332; Т. 6. Стб. 358–359; Т. 8. С. 237; Т. 12. С. 249–250; Т. 20. С. 369.

⁴⁰ Разрядная книга 1475–1598 годов. М., 1966. С. 28.

⁴¹ Там же.

⁴² ПСРЛ. Т. 28. С. 334. См. также: Т. 6. Стб. 364; Т. 8. С. 240; Т. 20. С. 371.

По мнению Г.Л. Файзрахманова, в конце XV в. Ногайская Орда и Тюменское ханство вели войну против московских ставленников на казанском престоле, так как в политике «Великого Московского княжества ногайские правители видели угрозу единству тюрко-татарского мира»⁴³. Источники не заставляют сомневаться в том, что ногайские мурзы и шибанские ханы вели войну против Мухаммад-Амина и Абдул-Латифа, но мотивы этого противостояния необходимо проанализировать более внимательно. Как видно, к концу XV века единства в тюрко-татарском мире уже не было: между отдельными представителями ханской династии и улусами Дешт-и Кипчак продолжалась ожесточенная борьба за верховенство в Орде. После убийства хана Ахмада, основными претендентами на центральный престол стали крымские Гирей и Шибаниды, контролировавшие среднеазиатские, сибирские и ногайские улусы. При этом Великое Московское княжество и Казанское ханство (после свержения Ильхама) оказались на стороне Крыма. Именно в контексте этого противостояния более правомерно рассматривать военные конфликты конца XV века.

В 1502 г. Иван III вновь направил к Казани своих воевод. Главная цель экспедиции – схватить хана Абдул-Латифа «за его неправду»⁴⁴. Летописец не объясняет, в чем заключалась эта «неправда». Однако словосочетание – «за его неправду» – достойный аргумент для наказания в глазах средневекового читателя. В Священном Писании говорится, что «всякая неправда есть грех; но есть грех не к смерти»⁴⁵. И действительно, Иван III не казнил Абдул-Латифа, а отправил его «в заточение на Белоозеро»⁴⁶. Здесь невольно вспоминается судьба Ильхама, также отправленного в заточение. На смену Абдул-Латифу, как и в свое время Ильхаму, пришел Мухаммад-Амин, который получил вместе с «царством» жену старшего брата. Скорее всего, рассказывая о событиях 1502 г., книжник пытался

⁴³ Файзрахманов Г.Л. История татар Западной Сибири... С. 124–125. См. также: Файзрахманов Г. Взаимоотношения Сибирского и Казанского ханств // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Материалы научного семинара «Казанское ханство: актуальные проблемы исследования». Казань, 2002. С. 137.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 28. С. 335; Т. 6. Стб. 367; Т. 8. С. 241; Т. 20. С. 372.

⁴⁵ 1 Ин. 5: 17.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 28. С. 335; Т. 6. Стб. 367; Т. 8. С. 241; Т. 20. С. 373.

провести аналогию с произошедшим в 1487 году. Поэтому не исключено, что под «неправдой» Абдул-Латифа летописец подразумевал «грехи» или «неверность» Ильхама. Причем рассмотренные выше дипломатические документы указывают на связь последнего с шибанским ханом Ибрагимом. Поэтому не исключено, что Абдул-Латиф, как и его сводный брат, пострадал за сотрудничество с Шибанидами и ногайцами.

Практически то же самое о событиях 1502 г. сообщил автор Вологодско-Пермской летописи. Летописец лишь уточнил, что поймать Абдул-Латифа было поручено совету казанских князей, и указал на то, что казанский хан должен быть наказан «за его измену»⁴⁷. В остальном повествование автора Вологодско-Пермской летописи, по сути, совпадает с рассказом официального летописания. В результате упомянутые летописцы вновь продемонстрировали, как вмешательство Ивана III спасло Казань от «изменников», ведущих город к опустошению.

Оригинальное известие можно почерпнуть из Устюжской летописи. По мнению ее автора, Иван III «велел князю казанскому поимати царя казанского». Князь Кель-Ахмад «царя поимал, да сковав в железа, и к Москве послал». Иван III «послал на Казань» Мухаммад-Амина, который, приехав в город, «князя Калимета убил, на великого князя гнев держа»⁴⁸. С одной стороны, странно то, что устюжский книжник не упоминает причин действий Ивана III, то есть, подобно другим летописцам, не говорит о какой-либо вине Абдул-Латифа. С другой стороны, вызывает интерес проникновение в летописный текст информации о том, что князь Кель-Ахмад отправил хана в Москву, заковав его в железо. Первое обстоятельство бросает тень на действия великого князя, а второе – вызывает одни вопросы. Например, откуда устюжский летописец почерпнул столь уникальную информацию, не сохранившуюся даже в более ранних и подробных источниках? Историки редко задавались этим вопросом и использовали неverified информацию для реконструкции московско-казанских отношений⁴⁹.

⁴⁷ Там же. Т. 26. С. 295.

⁴⁸ Там же. Т. 37. С. 52.

⁴⁹ См. напр.: Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 57–58; Алишев С.Х. Казань и Москва... С. 50–51; Бахтин А.Г. Русское государство и Казанское ханство... С. 196.

§ 2. Казанско-московская война 1505–1506 гг. и мирное урегулирование 1507–1518 гг.

Отдельного внимания заслуживают известия о московско-казанском конфликте 1505–1506 гг. Абсолютно идентичная информация содержится в Летописном своде 1518 г., в Софийской второй и Львовской летописях. Официальное сообщение начинается с того, что «прислал к великому князю Ивану Васильевичу всея Руси царь Магмед-Еминь Казанский со грамотою о неких делах князя городского Шаинь-Сусоуфа». В ответ на это Иван III послал в Казань «о тех делах... посла Михаила Кляпика, чтобы он тем речем всем не потакал». Через несколько месяцев, 24 июня, на Рождество святого Иоанна Предтечи, хан Мухаммад-Амин, «будучи оу великого князя... в дружке и в шерти, и забыв свое слово и преступив шертные грамоты..., поимал» посла Михаила Кляпика и русских купцов, «а иных секл, а иных, пограбив, разослал в Нагаи»⁵⁰.

На этом казанский хан не остановился и в сентябре 1505 г. совершил безрезультатное нападение на Нижний Новгород⁵¹. Спустя месяц скончался великий князь. Проблемы, возникшие в последний год правления Ивана III, пришлось решать молодому Василию III, который весной 1506 г. послал войска к Казани. Московские полки двигались двумя колоннами: судовая рать под предводительством князя Дмитрия Ивановича и Федора Ивановича Бельского, а также конная, возглавляемая князем Александром Владимировичем.

Судовая рать раньше подошла к Казани. 22 мая 1506 г. она начала наступление на город. «Татарове из града поидоша противу их, а иные Татарове потаинные заехаха от судов на конех и бысть бой». Летописец заканчивает предложение фразой: «грех ради наших побиша Татарове». Узнав о разгроме судовой рати, Василий III отправил к Казани подкрепление – полки под командованием Василия Даниловича Холмского. Однако «князь Дмитрий Иванович с воеводы великого князя, не дожидаяся князя Василия Даниловича иных воевод, не по великого князя приказу, месяца июня 25, начаша

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 28. С. 338. См. также: Т. 6. Стб. 372–373; Т. 12. С. 259; Т. 20. С. 375; Т. 8. С. 244–245.

⁵¹ Там же. Т. 28. С. 338. См. также: Т. 6. Стб. 372–373; Т. 8. С. 244–245; Т. 12. С. 259; Т. 20. С. 375.

ко граду приступати с небережением и граду не оуспеша ничто же, но сами побеждени быша от Татар».

На этот раз летописец не говорит о наказании за грехи. Он обвиняет командование в нарушении приказа, из-за чего, собственно, и случилось поражение. Известие заканчивается рассказом об отступлении русских войск, которое велось двумя путями: часть войск отступала к Нижнему Новгороду вверх по Волге, а остальные полки «поидоша полем к Мурому». В погоню за последними Мухаммад-Амин отправил войска, но «божиею милостию Тотар туто казанских побили»⁵².

Указанное сообщение является отражением великокняжеской позиции 1518 года. Немного иначе события 1506 г. представлены официальным летописанием середины XVI века. Больше внимания войне уделил автор Воскресенской летописи. Книжник обстоятельно описал состав русских войск, указал имена командующих. По его данным, в войне участвовали три судовые рати и одна конная. Первая судовая рать состояла из четырех полков. Еще две судовые рати были вспомогательными: одна присоединилась к главной на Волге, другая двигалась по Каме. Конная рать подошла к Казани позже, она также состояла из четырех полков. Всего в войне участвовало тридцать воевод и один служилый царевич⁵³.

Сравнительный анализ текста показывает, что в начале и середине рассказа летописец дословно заимствовал известие Летописного свода 1518 г. и Софийской второй летописи. Последнее предложение рассказа Воскресенской летописи является перифразом из тех же источников. Следовательно, можно говорить о том, что книжник при составлении своего рассказа пользовался сведениями статей, написанных в 1518 году. Однако он намеренно исказил основную часть летописного текста и добавил в него данные Разрядной книги⁵⁴, проливающие свет на масштабы войны. После перечисления воевод летописец, полностью копируя известия ранних сводов, описал поражение русских под Казанью. Он указал на такие причины разгрома, как неосмотрительность и спешка в действиях, но все же главная причина – «греха ради наших».

⁵² Там же. Т. 28. С. 339. См. также: Т. 6. Стб. 375; Т. 20. С. 376.

⁵³ Там же. Т. 8. С. 246.

⁵⁴ Разрядная книга 1475–1598 годов. С. 37.

Однако далее составитель Воскресенской летописи расходится с авторами Летописного свода 1518 г. и Софийской второй летописи. Он изменил первоначальный текст официального летописания и не обвинил князя Дмитрия Ивановича и других воевод в нарушении приказа. По его словам, «коннаа сила прииде под Казань... и съвокупився с судовою ратью приступаху к Казани и многих Татар побиваху». Летописец закончил сюжет следующими словами: «вськоре побегоша в свояси, никем же гоними, греха ради наших людей многих истеряша». Известие Воскресенской летописи завершается пересказом сообщения 1518 г. о том, как войска казанского хана преследовали московские полки, но последние «Божию помощию одолеша Татар»⁵⁵.

Таким образом, рассказ Воскресенской летописи имеет ряд отличий не только текстологического, но и семантического характера. Как уже отмечалось, здесь показана более масштабная военная кампания. Наряду с этим, приуменьшены масштабы поражения русских. Так, летописец не рассказал о разгроме москвичей во время второго наступления на Казань. Он лишь указал на то, что войска бежали, будучи «никемъ же гоними греха ради нашихъ людей многихъ истеряша». Данная цитата сложна для понимания. Исследователи обычно не ставили вопрос о ее интерпретации и ограничивались словами, что поход был неудачен⁵⁶. На самом деле, тяжело понять, как крупные силы русских войск, под предводительством трех десятков именитых воевод, могли бежать, «никем же гоними», и потерять людей. Современная рациональность этого не объяснит.

Однако средневековый книжник имел вполне четкое представление о тех, кто, врагом не гонимый, бежит с поля боя. В книге Левит так характеризуются люди, послушавшиеся Бога, не соблюдаю-

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 8. С. 246.

⁵⁶ См.: Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 3. Т. 5 и 6. История России с древнейших времен. М., 1989. С. 256; Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1997. С. 342; Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 31; Вернадский Г.В. Россия в средние века. М.; Тверь, 1997. С. 166; Зимин А.А. Россия на пороге нового времени: Очерки политической истории России первой трети XVI века. М., 1972. С. 77–78; Котляров Д.А. Русь и Поволжье: этнополитическое взаимодействие (XIV–XVI века) // Формирование российской государственности. Екатеринбург, 2003. С. 350.

шие его заповедей: они «побегнут яко бежащие от рати, и падут ни кимже гоними»⁵⁷. «Ни кем не гонимые» встречаются и в памятниках литературы Древней Руси. Например, «Повесть о нашествии хана Тохтамышша» содержит следующие наставления Всевышнего: «Аще хотите, послушаєте, благаа земнаа снете, и положю страх ваш на вразех ваших; аще ли не послушаєте мене, то побегнете никим же гоними, пошлю на вы страх и ужас, побегнет вас от пяти сто, а от ста – тма»⁵⁸.

Таким образом, перед нами очередное проявление клишированности древнерусских текстов. Скорее всего, данная литературная формула объясняла причины военного поражения. Из этого следует, что фраза «ником же гоними» синонимична дважды обозначенной в тексте – «грех ради наших». Словосочетание «ником же гоними» призвано акцентировать внимание читателя на мысли, что главной причиной поражения московских войск было грехопадение русских. С помощью данного библейского изречения летописец смог объяснить причины столь значительных потерь, так как Священное Писание предупреждает, что грешники «падут ни кимже гоними».

Итак, описав решающий штурм Казани, книжник указал на религиозные причины поражения. Данное обстоятельство отличает рассказ Воскресенской летописи от ранних известий. В Летописном своде 1518 г. и Софийской второй летописи вина за второе поражение под стенами Казани перекладывается на плечи военного командования, которое ослушалось приказа. Указанные летописи являются памятниками, созданными в годы правления Василия III. Это продукт великокняжеской канцелярии, поэтому не исключено, что подобная позиция служила оправданием первых неудач внешней политики Василия III. Возможно, природу такого объяснения хорошо понимал автор Воскресенской летописи, который, разбирая причины разгрома московских войск, намеренно отступил от текста Летописного свода 1518 г. и Софийской второй летописи. Единственное, что мог предложить книжник середины XVI столетия взамен политически конъюнктурному взгляду времен Василия III – это

⁵⁷ Лев. 26: 36.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 42. СПб., 2002. С. 148.

крайний провиденциализм, который актуализировался в эпоху второй волны эсхатологических ожиданий на Руси⁵⁹.

Вологодско-пермский летописец, рассказывая о военной кампании 1506 г., полностью следует за текстом Летописного свода 1518 г. и Софийской второй летописи, а мирные переговоры у него освещены в более сжатом варианте Воскресенской летописи⁶⁰.

Любопытное сообщение, демонстрирующее позицию русской церкви времен царствования Ивана IV, находим в Степенной книге. В статье «О перемене царства Магметь-Аминена» описывается «политическая карьера» Мухаммад-Амина. Создатель Степенной книги, последовательно повествуя об основных вехах правления хана в Казани, подводит читателя к событиям войны 1505–1506 годов. Здесь говорится о том, как великий князь возвел на казанский престол Мухаммад-Амина, затем – в годы изгнания – приютил его, дав в кормление русские города, после чего вновь «паки брата его... пожаловал... на царство». «Забыв многое милосердие к себе от великаго князя и свою правду», казанский хан «лукавое умысли и сотвори... яко возбесне»⁶¹. Далее сообщается о бесчисленно пролитой христианской крови в Казани и о неудачном походе Мухаммад-Амина на Нижний Новгород. Примечательно, что на этом рассказ о войне заканчивается, и начинается повествование о страданиях хана за свои грехи. По словам автора источника, «Магмед-Аминь» въ неисцельную въ болезнь впаде и весь гноень бысть..., мучим же бысть отъ Бога в таковой болезни 13 лет»⁶².

Другой рассказ о конфликте 1505–1506 гг. содержится в Типографской летописи. В июне 1505 г. «казанский царь Махмедилим отступи от великого князя и исече русь всю, что их было в Казани». В мае 1506 г. «приходи под Казань князь Дмитрии Иванович, князь Федор Борисовичь Волоцькой, а с ними многие воеводы... и тогда за грехи наша побии воевод»⁶³.

⁵⁹ Согласно А.Л. Юрганову, «с середины XVI века... ожидания Страшного суда обострились до предела». См.: Юрганов А.Л. Символ Русского государства и средневековое сознание // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 129.

⁶⁰ Там же. Т. 26. С. 297–299.

⁶¹ Там же. Т. 21. Ч. 2. СПб., 1913. С. 566.

⁶² Там же. С. 567.

⁶³ Там же. Т. 24. С. 215–216.

По существу, несмотря на явные текстуальные отличия, сообщение Типографской летописи не противоречит известиям великокняжеской канцелярии. Более того, автор Типографской летописи солидаризировался в оценках с официальными книжниками. Так, Мухаммад-Амин выступает в роли отступника, а поражение русских выставляется как наказание за грехи. Любопытно, что летописец ничего не поведал о мирных переговорах. Очередное упоминание Казани помещено здесь лишь в связи с событиями 1518 г., когда умер Мухаммад-Амин, и казанские князья пришли в Москву просить нового хана. Все это говорит о том, что «восточная политика» Москвы мало интересовала книжника.

Еще менее информативна Устюжская летопись. Здесь сообщается, что в 1506 г., «в Рождество Иванны Предтечи царь казанской Махмед Емин в Казани всех гостей русских высекл и в Орду живых продал». Только через два года, в 1508 г., Василий III «послал рать на казанского царя Махмед Емина... и ничтоже под Казанью учиниша, возвратишась»⁶⁴.

Устюжский летописец вновь сообщает ряд уникальных сведений, на этот раз, не просто не подтвержденных данными других сводов, но даже противоречащих им. К примеру, он рассказал, что казанский хан «всех гостей русских высекл и в Орду живых продал», тогда как в великокняжеских сводах говорится, что Мухаммад-Амин отпустил всех пленников, выполняя условия мирного договора 1507 года. Подозрение вызывает и заключительная фраза: русские войска «ничтоже под Казанью учиниша, возвратишась». Таким образом, Устюжская летопись – единственный источник, сообщающий о безрезультатности похода на Казань.

События 1505–1506 гг. попали в поле зрения и Владимирского летописца. По его данным, 24 июня 1505 г., в день Рождества Иоанна Предтечи, «бысть смятение в Казани». «Смятение» заключалось в том, что казанский хан «иссече гостей Рускихъ, и много живота пограби и мало избы от таковы беды, а которые люди, убежали на Волгу, а тех побили Черемиса на дорозе, а иных в избу насажав, да зажгли, и много зла сътвори Руси». Сообщается также о походе

⁶⁴ Там же. Т. 37. С. 52.

Мухаммад-Амина на Нижний Новгород и о походе москвичей в следующем, 1506, году на Казань⁶⁵.

Автор Владимирской летописи попытался показать обстоятельства произошедшего. Он изобразил яркую картину расправы над русскими. Вызывает вопросы генезис этого сюжета. Если хронологию и основные вехи случившегося книжник мог почерпнуть из более ранних сводов, то какое известие послужило источником описания обстоятельств «расправы»? Не является ли данный сюжет «общим местом» древнерусской литературы, проявлением иносказательности средневековых текстов?

Оригинален рассказ новгородского летописца, который сообщает, что в 1506 г. Мухаммад-Амин «силы князя великого побил по грехом нашим... а бои был таков: на первом ступе царь побежал, а пометав весь живот, и москвичи учили грабити, и царь их тут многих побил, а иные в реце истопли»⁶⁶.

Здесь книжник впервые объяснил сущность греха, за который покарал москвичей Бог. По его мнению, войска великого князя начали грабеж, за что и поплатились. На данном примере можно наблюдать, как общее понятие «грех», выступавшее причиной бедствия в перечисленных выше источниках, под пером новгородского летописца приобретает конкретное содержание, негативно окрашивающее действия москвичей.

Подобная характеристика греховности русских была воспринята и доработана автором «Казанской истории». Его рассказ – одно из самых поздних и, в то же время, самых пространных сообщений. Краткий пересказ известия «Казанской истории» можно свести к следующему.

Все началось из-за казанской царицы, которая, «научаема от вельмож царевых», каждодневно убеждала Мухаммад-Амина «отложится от великого князя». Хан послушал жену и «измени великому князю московскому, нареченному отцу своему, присече купцов русских богатых и всю Русь... на Рождество Иоанна Предтечи». Казанцы ограбили купцов, приехавших на ярмарку. То есть хан подобрал наиболее удачный момент для предательства. Погром русских сравнивается с избиением младенцев в Вифлееме. Однако «не

⁶⁵ Там же. Т. 30. М., 1965. С. 140.

⁶⁶ Там же. Т. 43. С. 213.

удоволился казанский царь богатством русских людей взятых в Казани» и отправился покорять Нижний Новгород. В походе участвовало и 20 тысяч ногайцев. Город спасли литовские стрельцы, взятые в плен в битве при Ведроши. Они убили ногайского князя – зятя Мухаммад-Амина, из-за чего «бысть брань» между татарами. Казанский хан с трудом подавил мятеж и дал приказ об отступлении⁶⁷.

Через два года Василий III, «хотя отомстит измену», снарядил в поход на Казань крупное войско. Но русские были разбиты, так как «разгневаясь на насъ господь». Далее раскрывается причина «гнева божьего». Еще до прихода московских войск казанский хан расставил на большом лугу шатры, где пил и веселился со своими вельможами, пока его не застали врасплох русские войска. Мухаммад-Амин успел бежать в город. А москвичи, «оставя дело божие, и уклонишася на дела диявольская», стали пить и веселиться в царских шатрах. Казанцы, подождав, пока все «вои» опьянеют, вышли из города и напали на русских. Так «царевъ лугъ кровию очервленишася», а хан вновь обогатился серебром и золотом⁶⁸.

В заключении сюжета автор «Казанской истории» рассказал о наказании Мухаммад-Амина за его деяния и о последовавшем примирении двух правителей: «За сие преступление поразил его Бог язвою неизцелною». Хан осознал свою вину и решил, что «убивает мя русский Бог». Он отправил послов в Москву с дарами и с просьбой о мире. Среди подарков Василий III получил «триста коней добрых... в седлах и в уздах златых, мечь и копие... щит, и лук, и тул со стрелами... и красный... шатер драгий», который «весь изшит златом и серебром и усажен по местом жемчюгом и камением драгим». При этом Мухаммад-Амин каялся в своей измене, «братом и господиномъ зовя» Василия III. Но покаяние не спасло казанского хана – он «житие свое скончав, жив червьми сиеден бысть, яко де-тоубийца Ирод»⁶⁹.

Таким образом, «Казанская история» добавила палитру новых красок в картину конфликта 1505–1506 годов. Книжник наполнил схематичные, краткие и во многом повторяющиеся рассказы летописания рядом художественных образов. Он составил обстоятель-

⁶⁷ Казанская история // БЛДР. Т. 10. СПб., 2001. С. 300–304.

⁶⁸ Там же. С. 306–308.

⁶⁹ Там же. С. 312–314.

ное известие о походе на Нижний Новгород, указал на некоторые подробности военной кампании 1506 г., привел любопытные факты из личной жизни Мухаммад-Амина. Но что послужило источником этих сведений? Как уже говорилось, часть информации автор «Казанской истории» мог почерпнуть из Новгородской летописи. Какие-то оригинальные сведения имеют явно не летописное происхождение, то есть не являются прямым заимствованием из более ранних летописных сводов. Все это – поле для герменевтического анализа. Причем, необходимо учесть, что сознание данного книжника могло формироваться не только в контексте русской, но и в пространстве болгаро-татарской культуры. Ведь автор «истории» в своем автобиографическом очерке упоминает, что до взятия Казани Иваном IV он прожил 20 лет в татарском плену, при дворе казанского хана⁷⁰. Поэтому, помимо памятников русской литературы, на его представления могли повлиять легенды и предания ханского двора и арабо-булгарские источники.

Бесспорно, важнейшую роль в миропонимании автора «Казанской истории» играла Библия. Так, Мухаммад-Амин дважды сравнивается с Иродом. Сначала избиение купцов ставится в один ряд с избиением младенцев в Вифлееме, что приравнивает поступок хана к деяниям Ирода. Затем автор напрямую сравнивает двух правителей, говоря, что хан умер той же смертью, что и Ирод. А Ирод – это человек, поднявший руку на церковь, не воздавший славы Богу⁷¹, это человек, восставший на Христа⁷². Поэтому понятно, что такое сравнение крайне негативно характеризовало личность казанского хана в глазах православных читателей. Вероятно, остальные сюжеты были подобраны под указанную характеристику, все же источники их происхождения на данном этапе исследования определить сложно, следовательно, и раскрыть полный смысл известия пока не представляется возможным.

Таким образом, источники либо вовсе умалчивают о причинах московско-казанского конфликта 1505–1506 гг., либо указывают на грехопадение хана Мухаммад-Амина. В.Н. Татищев, пытаясь прояснить обстоятельства событий, обратился к официальным известиям

⁷⁰ Там же. С. 252.

⁷¹ Деян. 12: 1–23.

⁷² Деян. 4: 26–27.

ям и «Казанской истории». По его мнению, хан изменил великому князю по «научению» своей жены, оклеветавшей «городного князя Шаинуфу» и других сторонников Москвы⁷³. Иначе говоря, исследователь объяснил сообщение официальных летописей о переписке Мухаммад-Амина с Иваном III известием «Казанской истории» о влиянии ханской жены.

И К.В. Базилевич доверился сведениям «Казанской истории» о «происках жены хана, вдовы его брата Али». Согласно ему, «бывшая супруга Али-хана, просидевшая вместе с ним в заточении в Вологде, не питала особенно дружелюбных чувств к Москве». Вместе с тем, историк писал о влиянии ногайцев, находившихся в доброжелательных отношениях с королем Александром Каземировичем и заинтересованных в нападении на Русь. «Участие нагаев в выступлении Мухаммад-Амина имело серьезные последствия, так как втягивало Москву в длительную и тяжелую борьбу на восточной окраине государства»⁷⁴. С.Х. Алишев воспроизвел обстоятельства, приведенные В.Н. Татищевым, и согласился с мнением К.В. Базилевича о роли ногайцев в изменении политики Казани по отношению к Москве в 1505 году⁷⁵.

По предположению Д.А. Котлярова, к конфликту подтолкнули вести о том, что внук Ивана III, великий князь Дмитрий Иванович, с которым казанский хан заключил договор о «братстве», «сослан с матерью в заточение на Белоозеро»⁷⁶.

Единственное подтверждение этому находим в Холмогорской летописи, где приведено следующее высказывание Мухаммад-Амина: «Аз есми целовал роту за великого князя Дмитрия Ивановича, за внука великого князя, братство и любовь имети до живота нашего... великий князь Василий изменил братаничю своему великому князю Дмитрию, поймал его через крестное целованье, а яз, Магмет Аминь казанский царь, не рек ся бытии за великим князем

⁷³ Татищев В.Н. История Российская Т. III. М., 2005. С. 474–475.

⁷⁴ Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства... 1950. С. 539.

⁷⁵ Алишев С.Х. Казань и Москва... С. 51–53.

⁷⁶ Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья... С. 171; Он же. «Служилый царь» – казанский хан Мухаммед-Амин и великие князья всея Руси // Вестник Удмуртского университета. Вып. 3. 2010. С. 27.

Василием Ивановичем, ни роты есми пил, ни быти с ним не хочю»⁷⁷. Перед нами противоположная картина случившегося: Мухаммад-Амин представляется верным своему слову, а Василий III – нарушителем крестоцелования и виновником конфликта.

Впрочем, Дмитрий Иванович попал в заточение еще при жизни Ивана III, в апреле 1502 г., тогда же наследником престола был объявлен Василий Иванович. Незадолго до кончины великий князь освободил внука, однако Василий III, вступив на престол, без промедления лишил племянника свободы⁷⁸.

Очевидно, в январе 1502 г., возвращаясь в Казань, Мухаммад-Амин подписал договор с Дмитрием Ивановичем, который с 1498 г. находился в статусе великого князя. Поэтому, вероятнее всего, переписка Ивана III с Мухаммад-Амином касалась вопроса признания нового наследника великокняжеского престола. Хан не подписал грамоты, составленные от имени Василия Ивановича, и начал войну, воспользовавшись ослаблением Ивана III, который с июля 1503 г. от тяжелой болезни «начат изнемогати»⁷⁹. Летом 1506 г. казанцы на своей земле разбили неприятеля, но не перешли в наступление, в то же время и великий князь не организовал новый поход на татар.

В то же время нельзя не учитывать существенные перемены на внешнеполитической арене. В начале XVI века произошли события, которые изменили баланс сил на позднесолотоордынском пространстве. В 1502 г. под натиском Крымского ханства и его союзников пала Большая Орда⁸⁰. В 1503 г. Московское государство, победив Литву, завершило присоединение Черниговских, Смоленских и Новгород-Северских земель. Так, недавние союзники усилились настолько, что превратились в сильнейшие государства региона и начали конкурировать между собой. К тому же Иван III продолжал укреплять свое влияние в Приуралье, что могло вызвать негодование не только в Казанском ханстве, но и в других восточных юртах Золотой Орды. Незадолго до конфликта с Мухаммад-Амином «князь велики Иван Васильевич свел с Великия Перми вотчичя князя Матфия Михаилови-

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 33. М., 1977. С. 134.

⁷⁸ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 60, 71.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. 12. С. 257.

⁸⁰ Миргалеев И.М. Позднесолотоордынские ханства: к определению верхней даты солотоордынского государства // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 1. Казань, 2009. С. 120.

чая, а на Великую Пермь послал наместника своего князя Василья Андреевича Ковра». Далее важное дополнение: «Сеи же бысть первыи от русских князеи». Таким образом, с этого момента данная территория потеряла вотчинную самостоятельность и попала под непосредственную великокняжескую юрисдикцию.

В продолжении статьи летописец сообщает, что наместник «приехал в неделю цветную, а в понедельник на страстной недели рать пришла без вести из Тюмени, Кулук салтан Ивака царев сын з братьею и з детми». В результате похода тюменцы «города не взяли, а землю Нижнюю извоивали, а Усолье на Каме русаков вывели и высекли. И князь Василей Ковер на поле выде в погоню послал русаков в судех. И они догнали их в Сылве на перевозе, заднюю заставу, да и побили»⁸¹.

Вероятнее всего, поход тюменского султана в Великую Пермь был реакцией на утверждение там наместника Ивана III, враждовавшего с Шибанидами. Симптоматично, что после летописной статьи о нападении татар на Великую Пермь сразу следует рассказ о погроме русских купцов в Казани и нападении Мухаммад-Амина на Нижний Новгород⁸². Возможно, действия сибирских Шибанидов и казанцев были согласованы. При этом важную роль в этом сыграли ногайцы, признававшие власть Шибанидов, и участвовавшие в походе казанского хана на Нижний Новгород.

Не стоит исключать и того, что татары рассчитывали на помощь Польско-Литовского государства, пытавшегося взять реванш за недавние поражения и большие территориальные потери. В седьмой книге записей Литовской метрики сохранились послания Мухаммад-Амина польскому королю и великому князю литовскому Александру Казимировичу (1492–1506) и посольская речь от Александра в Казань 1506 года⁸³. На основе этих свидетельств А.Л. Хо-

⁸¹ ПСРЛ. Т. 37. С. 99.

⁸² Там же.

⁸³ Трепавлов В.В. «Хочем с тобою быти у братстве и в приязни» (Послания короля Сигизмунда I хану Мухаммед-Амину) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2010. № 3/4. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2010_3_4/02/02. Грамота хана и посольская речь включены также в состав восьмой Книги записей, которая издана в Вильнюсе (Lietuvos Metrika. Knyga 8 (1499–1514) // Parengė A. Baliulis, R. Firkovičius, D. Antanavičius. Vilnius, 1994. P. 56–59). Кроме того, дипломатические документы Литовской метрики за 1506 г., в том числе и эти два текста, были опублико-

рошкевич даже сделала вывод, что «Казанское ханство развило бешеную дипломатическую активность, торопясь присоединиться к складывавшейся антирусской коалиции»⁸⁴.

Однако уже в марте 1507 года именно в то время, когда военные действия против Москвы начал приемник Александра Казимировича, Сигизмунд I (1506–1548 гг.)⁸⁵, начались мирные переговоры между Казанью и Москвой. То есть Мухаммад-Амин не выступил на стороне Польско-Литовского государства даже в самый удобный для этого момент.

Описание переговоров о мире не стало местом существенного расхождения в официальном летописании. Воскресенскую летопись в этом случае отличает лишь лапидарность в изложении, с помощью которой автор свода избежал некоторых лестных оценок деятельности Василия III, сохранившихся в своде 1518 года⁸⁶.

Статьи Летописного свода 1518 г. и Софийской второй летописи подробно описывают меры послевоенного урегулирования. Первый шаг к миру сделал Мухаммад-Амин. В марте 1507 г. он прислал в Москву своего посла «Абдулу с грамотами бити челом о том, чтобы князь велики пожаловал проступку его ему отдал, а взял бы с ним мир»⁸⁷. Ответную делегацию в Казань возглавил Алексей Лукин. Главное требование Василия III – освободить посла Михаила Кляпика – хан обещал выполнить при условии заключения мира «по старине и дружбе, как было с отцем его, с великим князем Иваном Васильевичем всея Руси». «И князь велики Василий Иванович всея Руси, приговоря с своею братию и з боляры, для христианских душ, которые в бесерменские руки попали, да и оустроения ради христианского, проступку ему отдал и бокшея Бозека (ханского посла. – А.А.) отпустил»⁸⁸.

Вместе с Бозеком в Казань отправилась вторая делегация московских дипломатов. На этот раз Василий III просил прислать «доб-

ваны: Оболенский М.А. Книга посольская Великого княжества Литовского. 1506 // Сборник князя Оболенского. № 1. М., 1838. С. 39, 40, 43, 44).

⁸⁴ Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М., 2001. С. 166.

⁸⁵ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 84.

⁸⁶ См.: ПСРЛ. Т. 8. С. 247–248.

⁸⁷ Там же. Т. 28. С. 340; Т. 6. Стб. 378–379; Т. 20. С. 378.

⁸⁸ Там же.

рово человека» от Мухаммад-Амина для подписания мирного договора в Москве. Представителем Казани стал Бораш-сеид, вместе с которым хан отпустил «посла великого князя Михаила Кляпика... да и людей великого князя, коих имал и грабил в Казани». В Москве договор был подписан в сентябре 1507 г., а Мухаммад-Амин подписал его в начале 1508 года⁸⁹.

Выше была показана «благородная политика» Василия III. Летописец подчеркнул, что только ради душ христианских, попавших в плен, великий князь пошел на мир и простил «проступку» хана. Однако Москва стала нуждаться в мирных отношениях с Казанью еще до того момента, как Мухаммад-Амин начал переговоры. Как говорилось, в январе 1507 г. к власти в Литве пришел Сигизмунд I, считавший Василия III своим личным врагом, и уже в феврале того же года сейм объявил войну Русскому государству, а в марте произошли первые приграничные столкновения⁹⁰.

Согласно официальному летописанию, послевоенная дипломатическая коллизия между Москвой и Казанью не закончилась подписанием мирного договора 1507–1508 гг., переговоры продолжались до 1512 года.

Посредником в переговорах выступил крымский хан, в конце 1508 г. поручившийся за освобождение Абдул-Латифа, гарантируя, что Абдул-Латиф будет жить в великокняжеских владениях и не будет ни с кем без ведома государя вести переговоры⁹¹. 29 декабря 1508 г. Абдул-Латиф подписал шертные грамоты, в которых обязался не вести переговоры с польско-литовскими, ордынскими и прочими правителями, обещал защищать интересы великого князя и «не чинить лиха» против христиан⁹². В январе 1509 г. Василий III освободил Абдул-Латифа «из нятства» и пожаловал ему «городок

⁸⁹ Там же. Т. 28. С. 340–341; Т.6. Стб. 379–382; Т. 20. С. 378–379.

⁹⁰ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 81–82, 84.

⁹¹ Историческое и дипломатическое собрание дел происходивших между Российскими великими князьями и бывшими в Крыме Татарскими царями, с 1462 по 1533 год // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. С. 394–396.

⁹² Там же. С. 396–401. См. также: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. II. М., 1819. С. 30–34.

Юрьев со всем»⁹³, а через некоторое время и Каширу с волостями⁹⁴. В 1510 г. Менгли-Гирей отправил свою жену, Нур-Султан, с посланими в Москву и Казань⁹⁵. В результате, согласно официальному летописанию, только к февралю 1512 г. правители разобрались, кто «лихое дело учинил», и решили «в вечном миру и в дружбе быти»⁹⁶.

Впрочем, судя по более поздним летописным известиям и дипломатическим документам, стороны не пришли к консенсусу и переговоры продолжились. Сложившейся ситуацией пытался воспользоваться Сигизмунд I, направивший в ноябре 1514 г. к Мухаммад-Амину послание, в котором просил хана не заключать мир с московским государем. В июне 1516 г. в Казнь была отправлена еще одна грамота с предложением совместных военных действий против Москвы. По мнению В.В. Трепавлова, глава Польско-Литовского государства пытался сколотить антирусскую коалицию в лице Ливонии, Крымского и Казанского ханств, но казанский хан на закате своей жизни отошел от активной внешней политики и не отреагировал на эти предложения⁹⁷.

В последние годы своего правления Мухаммад-Амин стал искать компромисс с Василием III. Вот что сообщает о предсмертных деяниях хана Софийская вторая летопись. Летом 1516 г. Мухаммад-Амин прислал посольство в Москву с вестью о своей болезни. Он просил у Василия III освободить Абдул-Латифа, второй раз попавшего под арест в 1512 г.⁹⁸, и «учинить» его «Казани царем». Взамен хан обещал дать «великому князю правду, какову князь велики похочет, что им без великого князя ведома на Казань царя, ни царевича никакова не взятти, да записи на то Шаусеин написал своима руками, на чем царю да и всеи земли Казаньскои дати шерть». Спустя некоторое время «Магмед Яминь царь и вся земля Казаньская великому князю на тех записех правду учинили перед его по-

⁹³ ПСРЛ. Т. 6. Стб. 386. См. также: Т. 26. С. 300; Т. 30. С. 250.

⁹⁴ Акты русского государства 1505–1526 гг. М., 1975. С. 104–105.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 6. Стб. 386, 391; Т. 8. С. 250, 251.

⁹⁶ Там же. Т. 6. Стб. 394. См. также: Т. 8. С. 252.

⁹⁷ Трепавлов В.В. «Хочем с тобою быти у братстве и в приязни» (Послания короля Сигизмунда I хану Мухаммед-Амину) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2010. № 3/4. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2010_3_4/02/02/

⁹⁸ ПСРЛ. Т. 6. Стб. 394.

слы». В ответ на это Василий III «Абдыл Летифа царя, из нятства выпустиль и с сердца ему сложил и дал ему город Коширу в своей земли»⁹⁹.

Софийский летописец знал о смертельной болезни хана и, подводя итоги жизни, благосклонно охарактеризовал его «последний поступок». Книжник уже не говорил о «нечестии», или «зловерности» Мухаммад-Амина, а, наоборот, обратил внимание читателя на то, что «царь» «правду учинил». По словам А.Л. Юрганова и И.Н. Данилевского, «правдой (или неправдой) в древней Руси определяли едва ли не все деяния человека... „правда“ в своих значениях стояла ближе к тому, что мы называем верой сегодня»¹⁰⁰. Последнюю волю казанского хана летописец назвал «правдой», а «правда» всегда исходит из уст Бога¹⁰¹: «Господь... любит правду»¹⁰². В итоге автор Софийской летописи предсмертное деяние Мухаммад-Амина – юридическое закрепление за московскими государями права назначения ханов на казанский престол – представил как богоугодное дело. Напомним, что, согласно доктрине официального летописания, Казань могло спасти только покровительство православного государя, то есть, исходя из древнерусской семантики слова «правда», московско-казанские отношения должны были строиться на основе христианских законов, поэтому подобный поступок хана рассматривался как богоугодное и спасительное дело.

По мысли книжника, «правда» Мухаммад-Амина принесла спасение и его брату, однако через три месяца после освобождения Абдул-Латифа «в животе не стало»¹⁰³. Еще через год умер Мухаммад-Амин¹⁰⁴. Так пресеклась династия Улу-Мухаммада в Казанском юрте, и закончился непродолжительный период политической стабильности.

⁹⁹ Там же. Стб. 406–407. См. также: Т. 8. С. 260; Т. 28. С. 351.

¹⁰⁰ Юрганов А.Л., Данилевский И.Н. «Правда» и «вера» русского средневековья // Одиссей: Человек в истории. М., 1998. С. 152.

¹⁰¹ Ис. 45: 23.

¹⁰² Пс. 10: 7.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. 6. Стб. 412; Т. 28. С. 354; Т. 30. С. 143; Т. 8. С. 263.

¹⁰⁴ Там же. Т. 24. С. 218; Т. 30. С. 144; Т. 8. С. 266.

§ 3. Первое правление Шах-Али в Казанском ханстве

Весьма значимым событием в истории московско-казанских отношений явилось восхождение на казанский престол в 1519 г. касимовского хана Шах-Али. Сравнительно много внимания данному сюжету уделяют официальные летописи. Практически идентичный рассказ содержится в Никоновской, Воскресенской и Львовской летописях.

По словам составителей этих сводов, 29 декабря 1518 г. к великому князю из Казани приехал посол Кулдербыш с вестью о кончине Мухаммад-Амина и с просьбой «от всех казанских людей» определить нового «государя» для Казани. 6 января 1519 г. Василий III отправил в Казань дворецкого Михаила Юрьевича и дьяка Ивана Телешова огласить свое решение о возведении на ханский престол Шах-Али. В ответ «сеит, и уланы, и князи и вся земля Казанская били челом государю на его великомъ жаловании... да съ Михаиломъ съ Юриевичем вместе прислали на Москву бити челом великому государю Василию от сеитя в головах, и от улановъ, и от князей и от всей Казанские земли людей пословъ, Абибазея, да карача Булата князя Ширина, да Шаисупа князя земского, да Бозюку бакшея, и бити челом великому князю, чтобы великий государь пожаловалъ ихъ всехъ предреченныхъ, даль имъ государь царя на Казань Шигалея царевича».

1 марта 1519 г. Василий III подписал договор о «дружбе и братстве» с царевичем Шах-Али, «по тому же как был с Магамед Амином царем». Кроме того, Шах-Али поставил руку под еще одной грамотой, в которой обещал «будучи въ Казани, дела его (великого князя. – А.А.) беречи и неотступну ему бытии и со всею землею Казанскою». С казанскими князьями Василий III заключил отдельный договор, предусматривавший «дела великого князя беречи, и неотступнымъ имъ быти отъ великого князя и со всею Казанскою землею и до своего живота и ихъ детемъ, ни царя имъ ни царевича без великого государя ведома никакова не взяти». При этом летописцы подчеркивают, что послы «шертъ на томъ великому князю опричную дали» не только за себя, но «и за всехъ людей Казанские земли».

8 марта 1519 г. Василий III отправил в Казань Шах-Али с князем Дмитрием Федоровичем Бельским, дворецким Михаилом Юрьевичем и дьяком Иваном Телешовым, которые «посадиша Шигалея царя

на царство» и «сеитя, и улановъ, и князей, и карачей, и мырзъ, и молнь, и шихзодъ и всехъ земскихъ людей къ шерти приведоша»¹⁰⁵.

Протографом вышеуказанной летописной статьи, скорее всего, является известие Ермолинской летописи по Кирилло-Белозерскому списку. Эти тексты очень схожи, бросается в глаза лишь то, что в рассказе ермолинского летописца, в отличие от более поздних официальных сообщений, не упоминается о дополнительных договорах, обязывавших Шах-Али и казанских послов «дела великого князя беречи»¹⁰⁶.

Воцарению Шах-Али в Казани посвящена и пятнадцатая глава Степенной книги. По смыслу она близка к статье официальных сводов, хотя текстуально сильно от нее отличается. Подобно Ермолинской летописи, Степенная книга не сообщает о дополнительных грамотах¹⁰⁷.

Одно из самых ранних известий о событиях 1518–1519 гг. находится в составе Владимирского летописца. Автор указанного свода записал, что после смерти Мухаммад-Амина «князи Казанский и вси земли их прислали к великому князю Василью Ивановичю, прошиша у него царя». Согласно ему, Василий III отправил в Казань князя Дмитрия Федоровича Бельского, боярина Михаила Юрьевича и дьяка Ивана Телешова «ставить на царство» Шах-Али и через некоторое время «сяде царь Шаислам (Шах-Али. – А.А.) на царство в Казань, уверяясь съ всею землею Казанскою»¹⁰⁸.

То же самое, но в более краткой форме, сообщил создатель Вологодско-Пермской летописи: в 1519 г. умер Мухаммад-Амин, «и князь великий посадил в Казани царя Шиалея»¹⁰⁹.

Не в пример вышесказанному, оригинальным выглядит известие казанского летописца, по словам которого, Мухаммад-Амин только перед смертью решил помириться с Василием III и отправил послов с многочисленными дарами, «веля ему прислати на место свое царя или воеводу». «И умилися великий князь о прощении царя того, и

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. 8. С. 266–267. См. также: Т. 13. Ч. 1. СПб., 1904. С. 32; Т. 20. С. 398–399.

¹⁰⁶ Там же. Т. 23. С. 202.

¹⁰⁷ Там же. Т. 21. Ч. 2. С. 596–597.

¹⁰⁸ Там же. Т. 30. С. 144.

¹⁰⁹ Там же. Т. 26. С. 310.

забы зло его все, и прости его во всем, и безценныя дары его в великую честь и любовь прият, и против послы казанския одари, и смири-ся с ними в место всех казанцов». Далее автор «Казанской истории», несколько забегаая вперед, написал, что государь «повери паки ложной их клятве и обещаию их лестному, вдаде им на царство по прошению их служимаго своего царя Шигалея Шахьяровича Касимовскаго... Царь же Шигалей вшед в Казань с московским воинством и с воевоедою, съ Федором Карповымъ, и со князи, и с мурзы своими и держа царство, три лета мирно владея Казанью»¹¹⁰.

Таким образом, летописи совершенно определенно указывают на то, что казанцы сами обратились к великому князю с просьбой решить вопрос престолонаследия. Василий III незамедлительно отреагировал на это, предложив кандидатуру царевича Шах-Али. Казанцы согласились с решением великого князя и прислали в Москву свое посольство для заключения соглашений. Далее следуют некоторые расхождения в повествовании: большинство источников говорят о том, что Василию III удалось подписать лишь один договор с Шах-Али (соглашение «о дружбе и братстве» на тех же условиях, что и с Мухаммад-Амином), а, согласно Никоновской, Воскресенской и Львовской летописям, великий князь сумел взять с царевича еще одно документальное обязательство соблюдать его интересы в Казани и склонил к тому же казанских послов. Сам факт подписания новых соглашений свидетельствует об изменении характера московско-казанских отношений, поэтому в данном случае мы наблюдаем два принципиально разных подхода к освещению событий 1518–1519 годов. В первом случае источники утверждают, что характер отношений не изменился, а во втором они дают понять обратное – зависимость Казанского ханства от Москвы усилилась и была закреплена юридически.

Памятники дипломатических сношений Русского государства с Крымским ханством и Османской империей немного проясняют картину. В наказе послу Третьяку-Губину было записано, что «сеить и уланы и князи и вся земля казанская... тогды записи пописали и къ записемъ руки свои приклали и на техъ записехъ государю нашему крепко правду дали»¹¹¹. Таким образом, посольский документ

¹¹⁰ Казанская история. С. 318.

¹¹¹ Сборник Русского исторического общества. Т. 95. СПб., 1895. С. 696.

указывает на существование отдельных договоров Василия III с казанцами и отчасти подтверждает позицию авторов Никоновской, Воскресенской и Львовской летописей. Следовательно, в результате восхождения Шах-Али на казанский престол, великокняжеское влияние в ханстве упрочилось.

В то же время, дипломатические памятники содержат ряд сведений, неизвестных летописанию. Судьбой казанского престола интересовался и крымский хан, который еще летом 1518 г., узнав о болезни Мухаммад-Амина, предложил Василию III выбрать на ханское место кого-нибудь из крымских царевичей¹¹². В декабре 1518 г. Мухаммад-Гирей снова поднял этот вопрос, но посол Юрий Дмитриевич Пронский ответил, что Василий III ничего о данном деле «не наказаль»¹¹³.

Осмыслить контекст представленной переписки помогают рассуждения Б.Р. Рахимзянова, который полагал, что высшая знать государств Джучиева улуса «даже в XVI веке продолжала осознавать себя как нечто единое», вследствие чего считала все юрты общей собственностью, завещанной «всем им Чингисханом». Учитывая это, по мысли историка, «претензии, например, крымских властителей на Казань и на Мещеру выглядят вполне обоснованно и в реалиях XVI века вполне легитимными»¹¹⁴.

Весной 1519 г., после воцарения Шах-Али в Казани, крымский посол Аппак пытался выяснить в Москве, почему великий князь пригласил на казанский престол царевича из ордынской династии, которая исстари была «недругом» Гиреев, а не ближайших родственников крымского хана. Тогда Василий III сказал, что предлагал казанцам брата или сына Мухаммад-Гирея, но они отказались, так как хотели возвести на трон именно Шах-Али¹¹⁵.

В целом, все вышеперечисленное дополняет летописную картину событий, сомнительным представляется лишь последнее известие. Информация о том, что послы из Казани самостоятельно

¹¹² Там же. С. 520.

¹¹³ Там же. С. 598.

¹¹⁴ Рахимзянов Б. Русские летописи о правлении касимовских ханов в Казани (первая половина XVI в.) // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Сборник статей. Казань, 2004. С. 156.

¹¹⁵ Сборник Русского исторического общества. Т. 95. С. 661.

определились с выбором царя, противоречит всем летописным сообщениям, по которым Василий III собственноручно решил судьбу престола, с чем казанцы охотно согласились. Остается неясным, было ли это, как говорят дипломатические документы, инициативой представителей Казани, или, как утверждают летописи, решением великого князя. Однако можно попытаться показать причины и обстоятельство появления различных взглядов на проблему.

Посольские записи, составленные в годы дружественных отношений между Москвой и Бахчисараем, перекидывают груз ответственности за столь неприятный для крымцев выбор на казанцев и, тем самым, оправдывают действия Василия III. Летописи же создавались в другое время и с другими целями: отношения с Крымом были уже испорчены, а летописцы, особенно в середине XVI в., стали активно эксплуатировать такие термины, как «пожаловал», «дал» и т.п., чтобы показать исконность власти русских князей над Казанью.

Довольно сложно обозначить и причину, по которой казанцы согласились на кандидатуру Шах-Али. Официальные своды середины XVI столетия¹¹⁶, перечисляя казанских послов, упоминают карачу Булата из рода Шириных, поддержкой которых, по словам И.И. Смирнова, пользовался Василий III в деле возведения на престол Шах-Али¹¹⁷. В посольских донесениях говорится, что крымский хан, узнав о смерти Мухаммад-Амина, хотел послать в Казань царевича Сахиб-Гирея или Азибека, но не сделал этого, так как в тот момент ему не хватало людей, и поскольку у него была «рознь велика» с Ширинами. Бахтияр-мурза из рода Шириных под влиянием великого князя обручил свою дочь с сыном хана Ахмада, отказав при этом крымскому царевичу Казы-Гирею¹¹⁸, то есть намеренно пошел на конфликт с крымцами.

По мнению Д.А. Котлярова, «правительство хана полагало наиболее целесообразным следовать в фарватере московской политики, не доводя дело до вооруженных столкновений со столь сильным

¹¹⁶ В данном случае имеются в виду Никоновская, Воскресенская и Львовская летописи.

¹¹⁷ Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. Т. 27. М., 1948. С. 34.

¹¹⁸ Сборник Русского исторического общества. Т. 95. С. 668.

соседом»¹¹⁹. Допустимо, что казанская аристократия находилась под определенным влиянием русского правительства. Однако было ли это обусловлено лишь опасением конфликта – вопрос спорный, ведь через некоторое время казанцы все же пошли на вооруженное столкновение.

Казанская аристократия так и не приняла очередного ставленника Москвы – хана Шах-Али, и в Среднем Поволжье установилась власть Гиреев. Начался последний, самый продолжительный этап конфронтации.

* * *

Подводя итог вышесказанному, необходимо заметить, что события 1491–1519 гг. не вызвали серьезных расхождений в летописании. Выделяются только сообщения Новгородской и Устюжской летописей. В большинстве летописей XVI в. Казань рассматривается как зависимый от Москвы с 1487 г. город. Устюжский и новгородский летописцы, рассказывая о событиях 1491, 1496 и 1502 гг., не признают подчиненного положения Казани. Не говорят они, что казанский хан «отступил» от великого князя, и повествуя о событиях 1505 года. Наряду с этим, все остальные летописцы сообщают об «отступничестве» и «измене» Мухаммад-Амина, показывая зависимое положение хана. В Устюжской и Новгородской летописях казанцы продолжают выступать враждебным и самостоятельным народом, тогда как в официальном летописании созрела концепция мирного сосуществования двух обществ при условии полного подчинения казанского хана великому князю.

Официальные летописцы, характеризуя московско-казанские отношения, наряду с категорией «правды», использовали слово «жалование». Посольские записи русско-польских переговоров 1517 г. донесли сообщение, в котором кратко описана история великокняжеского «жалования» казанским ханам. Король Сигизмунд I упрекнул Василия III в том, что его отец «отдал неверным землю Казанскую». На данное обвинение русским дипломатам велено было ответить, что после смерти хана Ибрагима Иван III пожаловал за службу казанский престол царевичу Ильхаму, но когда он начал «неправду чинити», великий князь его «свел», отдав Казань Му-

¹¹⁹ Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья... С. 183–184.

хаммад-Амину. Последний, также по молодости оказавшись под влиянием «лихих людей», совершил «неправые дела», за что поплатился престолом, уступив его Абдул-Латифу, который недолго просидел на ханском месте, так как «почал лихие дела чинити». Иван III посадил Абдул-Латифа в крепость, «лихих» казанцев казнил, после чего вновь пожаловал на царство Мухаммад-Амина. Речь послов завершается мыслью, что Мухаммад-Амин до сего дня верно служит великому князю, как и недавно прощенный и жалованный Каширой Абдул-Латиф¹²⁰.

Автор Софийской второй летописи впервые употребил глагол «пожаловал», описывая события 1478 г., когда казанский хан под военным давлением послал к Ивану III челобитье, «князь же велики пожалова его»¹²¹. Летописец не уточнил имя пожалованного хана: как уже говорилось, большинство книжников имело смутное представление о том, когда умер хан Ибрагим, и кто в это время был правителем Казанского ханства. Поэтому в данном случае известие софийского летописца не противоречит посольским документами по вопросу датировки первых великокняжеских жалований. Все началось с хана Ильхама.

Согласно А.Л. Юрганову, порядок «жалования» сложился еще во времена ордынского владычества: «“жалованье” государя предусматривало целую систему взаимоотношений, и главное в них заключалось в том, что “земля” давалась верховным распорядителем, ханом, за верную службу»¹²². Таким образом, со времен правления Василия III официальная позиция Кремля исходит из того, что Казанская земля после смерти Ибрагима перешла в собственность к великому князю, который «жалует» ее «по своей воле».

Помимо официальных московских документов, о зависимом положении Казанского ханства говорится и в иностранных сочинениях, созданных в эпоху правления Василия III. Так, М. Меховский в 1517 г. в «Трактате о двух Сарматиях» отметил, что о деяниях и генеалогии казанских государей «не пишут, так как они – данники

¹²⁰ Сборник русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882. С. 530–531.

¹²¹ ПСРЛ. Т. 6. Стб. 286.

¹²² Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 169.

князя Московии и зависят от воли его и в мирной жизни, и на войне, и в деле избрания себе вождей»¹²³. На подчиненное положение Казани указал и А. Кампензе¹²⁴. По мнению П. Иовия, «казанские татары свято чтут дружбу с москвитами и признают свою зависимость от них»¹²⁵. Находившийся в Москве с июля 1518 г. по январь 1519 г. Ф. де Колло писал, что казанцы ежегодно выплачивают дань великому князю и «служат ему на войне 30-ю тысячами коней, со всей верностью»¹²⁶. Согласно С. Герберштейну, Василий III, пользуясь зависимостью казанцев от волжской торговли, добился права назначения ханов на престол¹²⁷. Отчасти подобные представления возникли под влиянием московской дипломатии, однако было бы опрометчиво на основании этого полностью отрицать верность представленных суждений.

В годы правления Ивана IV московские дипломаты заявляли, что еще Иван III взял Казань, как «цари, которые лишась своих юртов ординских пришед на Казанской юрт войнами, неправдами что имали»¹²⁸. Возможно, представление о подчиненном положении хана Мухаммад-Амина появилось в силу того, что оно объясняло правомерность политических притязаний Москвы и оправдывало походы русских государей на Казань.

Однако современные для эпохи дипломатические документы и провинциальные летописи указывают на независимое положение хана Мухаммад-Амина. Таким образом, исходя из проведенного анализа, необходимо с осторожностью относиться к сообщениям источников и воздержаться от категоричных суждений. В этом случае важно учитывать, что рассмотренные летописные известия, ориентировавшиеся на «внутреннего читателя», составлялись в русле официальной идеологии и были призваны сформировать определенное общественное представление. Тогда как дипломатические

¹²³ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 93.

¹²⁴ Письма Альберта Кампензе к папе Клементу VII о делах Московии // Библиотека иностранных писателей о России. Т. I. СПб., 1836. С. 15–16.

¹²⁵ Иовий Павел Новокомский. Книга о посольстве Василия, великого князя Московского к папе Клименту VII. СПб., 1908. С. 274.

¹²⁶ Доношения о Московии. М., 1996. С. 62.

¹²⁷ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 170.

¹²⁸ РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Кн. 8. Л. 480.

документы, готовившиеся для «внешнего читателя», формировались исходя из конкретной политической ситуации.

Независимыми источниками в данном «споре» выступают провинциальные летописи, которые стоят на стороне дипломатических памятников. Что касается рассмотренных иностранных свидетельств, то они изображают ситуацию, сложившуюся после смерти Мухаммад-Амина, когда казанским ханом стал Шах-Али, и влияние великого князя резко усилилось.

Сообщения иностранцев указывают на еще один мотив московско-казанского противостояния. Согласно венецианскому купцу И. Барборо, именно через Казань в Москву, Польшу, Пруссию и Фландрию поступали меха из Сибири и северных районов ханства¹²⁹. Следовательно, Иван III, подчинив Новгород и Вятку и выступив против Казани, стремился установить контроль над важнейшими рынками пушнины, что вызвало недовольство у венецианских купцов¹³⁰.

Согласно С. Герберштейну, московское правительство организовывало ярмарки для татар и турок в Холопьем городе на р. Мологе. Татары приобретали соль, льняные ткани, железо и ремесленные товары¹³¹. В свою очередь, русские купцы принимали участие в ежегодных казанских ярмарках, на которых продавались товары из Нижнего Поволжья, Средней Азии, Закавказья и Персии¹³². Они скупали, главным образом, восточные товары: хлопчатобумажные ткани, шелк, жемчуг, ювелирные изделия, пряности и лекарства. Непосредственно у татар русские покупали лошадей, изделия из кожи и ценные породы рыбы¹³³.

Об укреплении позиций русских купцов в Среднем Поволжье в 1487–1521 гг. свидетельствуют и археологические данные. Соглас-

¹²⁹ Барборо и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 159.

¹³⁰ Гёкеньян Х. Западные сообщения по истории Золотой Орды и Поволжья 1223–1556 // Источниковедение истории Улуса Джучи... С. 100–101.

¹³¹ Герберштейн С. Записки о Московии. С. 126, 153.

¹³² Герберштейн С. Записки о Московии. С. 179; Ситдииков А. Археологическое изучение ханской Казани (материалы исследований Казанского кремля 1994–2003 гг.) // Татар археологиясе. 2005. № 1–2 (14–15). С. 45.

¹³³ Хеллер К. Золотая Орда и торговля с Западом // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2001. С. 122–126.

но Н. Кокориной, с конца XV в. в таких торгово-ремесленных центрах ханства, как Камаевское городище и Русский Урмат, наблюдается резкий спад в производстве местной гончарной посуды, которая «заменяется лепной и примитивно-круговой, повторяющей формы болгарских ранних и поздних горшков, а также русских типов»¹³⁴. Увеличение доли русской и татарско-русской керамики отмечал и А. Ситдиков, суммировавший результаты археологических исследований Казани. По его мнению, на рост числа русских поселений в этот период указывает и увеличение свиных костей¹³⁵. В сочинении Абдулгаффара Кырыми это объясняется тем, что при Мухаммад-Амине часть татар переселили в русские земли, а москвичей – в Казань¹³⁶. Таким образом, на рубеже XV–XVI вв. проявился рост экономического и политического влияния Московского государства в Среднем Поволжье.

Важнейшие внешнеполитические задачи правительства Ивана III – присоединение русских земель, находящихся в составе Литвы, и расширение великокняжеской власти на востоке – требовали создания коалиции. Удобным союзником оказались крымские ханы, боровшиеся с большеордынскими джучидами за сарайский престол. В то же время после смерти хана Ахмада на роль верховного правителя Золотой Орды стал претендовать и шибанский хан Ибрагим. Казанское ханство оказалось меж двух огней. Судя по всему, Ильхам склонялся к военно-политическому сотрудничеству с Шибанидами и ногайцами, а Москва и Крым добивались вступления Казани в свою коалицию. В 1487 г. Иван III силой оружия водворил Мухаммад-Амина на престол и ввел ханство в фарватер московско-крымской политики.

В дальнейшем Москве приходилось прикладывать значительные военно-дипломатические усилия для сохранения таких отношений с Казанью: Иван III, поддерживая «своего человека» на казанском престоле, отправлял войска для борьбы с Шибанидами и

¹³⁴ Кокорина Н. Керамика Камаевского городища конца XIV – первой половины XVI вв. (По материалам раскопок 1972–1988 гг.) // Татар археологиясе. 2002–2003. № 1–2 (10–11). С. 71.

¹³⁵ Ситдиков А. Археологическое изучение ханской Казани... С. 44.

¹³⁶ Миргалеев И.М. Сведения Абдулгаффара Кырыми о Казанском ханстве. С. 97.

ногайцами в 1496, 1499, 1500 и 1502 годах. При этом казанские войска совместно с русскими участвовали в походах против Большой Орды и Вятской земли.

После разгрома Большой Орды в 1502 г. и победы над Литвой в 1503 г. стали охлаждаться московско-крымские отношения. На ухудшение московско-казанских отношений повлиял и вопрос о престолонаследии, обострившийся в последние годы правления Ивана III. Правительство Мухаммад-Амина успело заключить соглашения с внуком Ивана III, Дмитрием Ивановичем, коронованным шапкой Мономаха в 1498 г., а в 1502 г. Иван III «положил опалу на внука своего» и «пожаловал своего сына Василья»¹³⁷. Негодование казанцев было вызвано и усилением позиций великокняжеской власти в Приуралье. В 1505 г. Иван III установил наместническое правление над Великой Пермью, после чего разразился очередной московско-казанский военный конфликт.

Практически все источники говорят о неудачных действиях русских войск в решающем походе 1506 года. По мирному договору 1512 г. Василий III так и не добился права назначения ханов в Казани. По не подтвержденным официальным сведениям, данная прерогатива была передана Москве только в 1516 г. в обмен на освобождение Абдул-Латифа. После смерти Абдул-Латифа и Мухаммад-Амина в 1518 г. казанцы, соблюдая условия договора 1516 г., возвели на ханское место великокняжеского ставленника, но этот режим оказался непрочным – в 1521 г. Шах-Али покинул престол.

Известно, что Иван III неоднократно вмешивался в дела ханства, поддерживая «своих» претендентов в борьбе за казанский престол. Это позволяло влиять на внешнеполитический курс Казани и устанавливать торговые льготы для русских купцов. Но, вероятно всего, де-юре ханство оставалось независимым. Хотя уже правительство Василия III попыталось документально закрепить и расширить власть над восточным соседом, что явилось одной из важнейших причин непопулярности режима Шах-Али и разрыва мирных отношений в 1521 году.

¹³⁷ Цит. по: Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI вв. С. 193.

Глава IV

Межгосударственные отношения в годы правления крымских и касимовских ханов в Казани (1521–1549 гг.)

§ 1. Смена внешнеполитического курса: свержение Шах-Али и начало правления Гиреев

Многие исследователи считали 1521 год важным рубежом в периодизации истории Казанского ханства¹. В это время произошли события, радикально изменившие характер московско-казанских отношений: Шах-Али был свергнут с ханского престола, и начался очередной этап военного противостояния.

Одно из самых ранних известий об этих событиях содержится во Владимирской летописи, автор которой сообщает, что казанские князья стали «крамольниками» и пригласили к себе царя из Крыма, а Шах-Али спасся бегством².

Иная оценка событий дана в Ермолинской летописи, где уточняется, что «казанстии сеити и уланы и князи великому князю изменили», выслали из Казани Шах-Али с царицею, «а великого князя гостей, переграбя, у себя дръжали»³. Автор Ермолинской летописи подчеркнул личную зависимость казанцев перед великим князем,

¹ См.: Вельяминов-Зернов. В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб., 1863. С. 260–263; Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. С. 81; Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени: Очерки социально-политической истории России первой трети XVI века. М., 1972. С. 241; Алишев С.Х. Казань и Москва: Межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995. С. 60; Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа и Татарстана. Казань, 1995. С. 92; Похлебкин В.В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI веках. 1238–1598 годы: от битвы на р. Сити до покорения Сибири. М., 2000. С. 101.

² ПСРЛ. Т. 30. М., 1965. С. 145.

³ Там же. Т. 23. М., 2004. С. 203.

тогда как владимирский летописец указал лишь на заговор (крамолу) против Шах-Али. Сообщение ермолинского летописца было переписано составителями более поздних официальных сводов с небольшой корректировкой, что казанцы «своеа клятвы правду изменили»⁴. Тем самым книжники указали на нарушение договоров, подписанных казанцами в 1519 году.

Пространное известие об изгнании Шах-Али оставил автор «Казанской истории». По его мнению, казанцы не любили долго жить в мире с великим князем и принуждали Шах-Али отступить от Василия III, так как не могли одновременно служить двум государям. Хан не склонился «к лестным словесем их», большинство знатных князей и мурз посадил в заточение и некоторых казнил. Казанские вельможи и простые люди возненавидели его и тайно пригласили на трон Сахиб-Гирея. В третий раз, по подсчетам летописца, в городе прошел погром, в ходе которого «всю русь присекоша» и «разграбиша», убили также «отроков» Шах-Али, а его самого, в силу знатности происхождения, Сахиб-Гирей пощадил⁵.

Далее следует содержательный рассказ казанского летописца о возвращении Шах-Али к великому князю. Хан привел в Москву более десяти тысяч рыбаков, промышлявших на Волге. По дороге спутники пережили голод и холод. По красноречивому замечанию летописца, Шах-Али возвращался на Русь «по чистому полю нагой, как новорожденный»⁶.

Здесь вырисовывается образ мученика, пострадавшего за верность. В конце главы летописец подчеркнул, что Шах-Али, несмотря на свое «варварское» происхождение, поступил лучше «правовверных». При этом казанцы называются «лукавыми», а их слова о том, что они не могут служить двум государям – «лестными». Для русского книжника это серьезное оправдание, потому как в Евангелии сказано: «Никакой слуга не может служить двум господам, ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть»⁷. Летописец приписал казанцам единственно логичное для христианина оправдание измены, но

⁴ Там же. Т. 8. М., 2001. С. 269; Т. 26. М.; Л., 1959. С. 310.

⁵ Казанская история // БЛДР. Т. 10. СПб., 2001. С. 316.

⁶ Там же. С. 318.

⁷ Мф. 6: 24; Лк. 16: 13.

тут же назвал эти слова «лестью», так как татарская знать по природе своей «много жити не любяжу в смирении без мятежа»⁸. В итоге создатель «Казанской истории» противопоставил верного и честно-го Шах-Али лукавым и неверным казанцам.

Впрочем, и С. Герберштейн писал о верности Шах-Али великому князю, однако показал его с другой стороны. По словам дипломата, «глубокая ненависть, которую испытывали к нему (к Шах-Али. – А.А.) подданные, усугублялась его безобразным хилым телосложением: у него было огромное брюхо, редкая бородка и женоподобное лицо – свидетельство того, что он совершенно не способен воевать». К тому же хан не заботился «о расположении к себе подданных» и «доверял иноземцам больше, чем своим». Все это вынудило казанцев пригласить на трон Сахиб-Гирея, а Шах-Али «с женами, наложницами и всем добром» пришлось вернуться в Москву. Согласно С. Герберштейну, крымский хан Мухаммад-Гирей сопровождал до Казани своего брата Сахиб-Гирея, а на обратном пути напал на Русь. В то время, когда крымский хан разорял окрестности Москвы, Сахиб-Гирей опустошал Владимир и Нижний Новгород. Их войска соединились под Коломной и практически беспрепятственно прошли по Руси, после чего каждый вернулся с добычей восвояси⁹.

Сведения, представленные С. Герберштейном, уникальны и во многом противоречат данным других источников. Например, по дипломатическим донесениям, крымский хан не ходил вместе с братом в Казань, а отправил его туда в сопровождении трехсот человек. Здесь же сообщается, что Мухаммад-Гирей собирается напасть на Русь из Крыма и пытается заручиться поддержкой астраханского хана¹⁰.

Сам Мухаммад-Гирей в марте-апреле 1521 г. отправил османскому султану Сулейману I письмо, в котором описал события, произошедшие в Казани. Согласно ему, после смерти Мухаммад-Амина казанские беки и мурзы направили в Крым 15 человек с просьбой прислать нового хана. Мухаммад-Гирей отправил своего младшего брата Сахиб-Гирея, но еще до его прибытия «московский князь изгнал кади города Казани и для управления делами мусуль-

⁸ Казанская история... С. 320.

⁹ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 172–175.

¹⁰ Сборник Русского исторического общества. Т. 95. СПб., 1895. С. 678–679.

ман назначил [христианских] священников и построил церкви», ставляя «мусульман соблюдать церемонии неверных и, действуя противно шариату, навлек на мусульман печаль...»¹¹.

Узнав о приезде Сахиб-Гирея в Казань, «московский князь послал большое войско, приказав [ему] сторожить переправы, чтобы полностью прервать сообщение [между Крымом и Казанью]». Далее крымский хан сообщил о своем намерении оказать военную помощь брату «для прекращения смут, чинимых этими идолопоклонниками, ожесточенными против ислама». Причем Мухаммад-Гирей уточнил, что половина его войска уже выдвинулась, так как «прошло три месяца с тех пор, как... был дан приказ отправляться в [поход]»¹².

Итак, перед нами репрезентация событий, разительно отличающаяся от предшествующих. Обращает на себя внимание то, что только в этом источнике четко обозначены причины недовольства казанцев: изгнание кадия (шариатского судьи), установление власти христианских священников над мусульманским населением, строительство церквей и насильственное приобщение мусульман к христианским обрядам. В данном письме обозначена и цель похода крымских войск на Русь – снятие блокады Казани.

Но многие русские летописи, возможно, утаивая действительные причины татарского вторжения 1521 г., и вовсе напрямую не связывают смену власти в Казани и набег крымского хана на Русь. Они лишь указывают на то, что нападение крымцев произошло вслед за изгнанием Шах-Али из Казани.

Вологодско-Пермская летопись повествует, что в июле 1521 г. «безбожный и гордый» крымский хан в союзе с ногайцами и татарами Большой Орды разбил у р. Оки войско великого князя и разорил русские земли. Летописец подробно описал нашествие, упомянув пострадавшие монастыри и населенные пункты и подчеркнув, что произошло все это «грех ради наших»¹³.

В том же идейном русле осмыслил события составитель Степенной книги. Он описал знамение, предшествовавшее вторжению татар, и упомянул видения, ниспосланные людям во время нашествия

¹¹ Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции: Сборник документов. Казань, 2008. С. 55.

¹² Там же. С. 55–56.

¹³ ПСРЛ. Т. 26. С. 311.

вия. Суть указанных известий сводится к следующему: набег крымского хана – наказание от Бога за то, что «людеи страх Божий презреша и о заповедях Божиих нерадиша»¹⁴.

Впрочем, авторы других официальных сводов середины XVI в., опустив подробности нашествия, заострили внимание на рассказе о том, как «акаанный царь Магмед Кирей», узнав о сборе русских сил под Москвой, вскоре возвратился в «свои места»¹⁵. Иначе говоря, в летописании того времени наряду с восприятием крымского вторжения, как наказания за грехи, распространилась идея необходимости борьбы с «окаянным» ханом.

Очень важно учесть, что в большинстве летописных рассказов о крымском набеге 1521 г. ни слова не говорится о казанцах. Выходит, в памяти большинства средневековых русских книжников казанцы остались не причастными к этой войне. Однако историки, опираясь на дипломатические документы и данные С. Герберштейна, связали два события.

По предположению М.Г. Худякова, «немедленно по вступлении на престол хана Сагиб-Гирея... войска казанцев и крымцев одновременно вторглись в Россию с востока и юга»¹⁶. С.Х. Алишев заметил, что русские летописи не говорят о причастности казанцев к войне 1521 г., но, положившись на мнение М.Г. Худякова, утверждал, что «участие Сахиб-Гирея, в начавшейся войне против Москвы в союзе с его братом Мухамет-Гиреем, не вызывает сомнения»¹⁷. Вероятнее всего, предположение исследователей об участии Казанского ханства в войне 1521 г. имеет под собой основание, так как некоторые летописи вскользь упоминают о походе казанцев на восточные окраины Руси¹⁸.

Так или иначе, в 1521 г. казанцы свергли московского ставленника и, по сообщениям некоторых источников, арестовали великокняжеского посла, то есть Казанское ханство вступило в конфликт с западным соседом. Что же могло вызвать такой поворот событий?

¹⁴ Там же. Т. 21. Ч. 2. СПб., 1913. С. 601.

¹⁵ Там же. Т. 8. С. 269. См. также: Т. 13. СПб., 1904. С. 43; Т. 20. М., 2005. С. 402.

¹⁶ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 85.

¹⁷ Алишев С.Х. Казань и Москва... С. 62.

¹⁸ См. напр.: ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. СПб., 1911. С. 518; Казанская история. С. 298; Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 1886. С. 31.

Д.А. Котляров не определил причину переворота – он лишь подчеркнул, что верхушка казанской светской и духовной аристократии сочла «для себя более выгодным пригласить хана из Крыма, разорвав тем самым отношения зависимости с Россией»¹⁹. С точки зрения В.В. Похлебкина, к антимосковскому восстанию в Казани привело русское засилье при дворе хана-марионетки – мелочное и бесцеремонное вмешательство русских советников во внутренние дела ханства²⁰. При этом необходимо обратить внимание, что данное мнение основано на рассуждениях М.Г. Худякова, по словам которого русское засилье вызвало «рост национального самосознания» и волну «протеста против иноземного гнета», «казанский народ делает усилия освободиться от русского протектората и входит в тесный союз с мусульманскими странами – Крымом и Турцией»²¹.

Вполне понятно, что русские летописцы не могли говорить об излишнем вмешательстве великого князя во внутренние дела ханства, напротив, как уже было сказано, большинство из них пытались оправдать военно-политическую экспансию Москвы. Однако М.Г. Худяков утверждал, что посол Ф. Карпов вмешивался в дела малолетнего хана, пользуясь поддержкой русского военного отряда, находившегося в столице ханства²². Источниками не подтверждается информация об активной роли Ф. Карпова, хотя сообщается о размещении в Казани русского отряда, пришедшего вместе с Шах-Али, что само по себе могло вызвать недовольство татарской знати.

Свидетельство «русского засилья» подтверждается и вышеупомянутым письмом Мухаммад-Гирея Сулейману I²³. Поэтому перед нами весьма логичное объяснение случившегося, полностью приняты которое мешает единственное «но» – тезис М.Г. Худякова вновь модернизует историческое явление. Даже если «русское засилье» в Казани имело место быть, оно не могло вызвать «рост национального самосознания», который был характерен для народов современной историку эпохи. Неосмотрительное вмешательство москвичей в дела

¹⁹ Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: У истоков национальной политики России. Ижевск, 2005. С. 91.

²⁰ Похлебкин В.В. Татары и Русь... С. 100.

²¹ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 82.

²² Там же.

²³ Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции: Сборник документов. С. 55.

ханства скорее вызвало недовольство казанских сейидов, уланов и князей, которых, кстати, летописцы единодушно обвинили в измене и нарушении договоров. При этом источники указывают на то, что задеты были не национальные, а религиозные чувства казанцев.

В 1521 г. значительная часть русских войск была отвлечена русско-литовской войной²⁴, чем сумел воспользоваться Мухаммад-Гирей. В следующем году крымский хан снова собрал силы для похода на Русь, но, узнав о том, что Василий III с войском дожидается его у р. Оки, свернул кампанию против Москвы и организовал поход на Астрахань²⁵. Крымцы в союзе с ногайцами захватили Астрахань, но в результате не совсем ясных обстоятельств Мамай-бек и Агиш-мурза напали на ханский стан, убили Мухаммад-Гирея и осуществили набег на Крымское ханство²⁶.

Как справедливо заметил Д.А. Котляров, эти события значительно повлияли «на расстановку сил на южных и восточных рубежах России»²⁷. Воспользовавшись ослаблением Крыма и затишьем на западе, Василий III двинул войска на Казань. Хотя великий князь осознавал риски крупного конфликта на востоке, о чем косвенно свидетельствует его духовная грамота, составленная накануне войны²⁸.

Типографский летописец утверждал, что в 1523 г. Василий III во главе русского войска дошел до Нижнего Новгорода, откуда отправил воевод вниз по Волге на р. Суру строить город. Воеводы возвели крепость, названную Василь-городом, и вернулись, оставив там часть войска²⁹.

Согласно автору Ермолинской летописи, в 1523 г. хан Сахиб-Гирей избил русских людей в Казани и убил московского посла В.Ю. Поджегина. Тем временем, воеводы великого князя «поставиша» город на р. Суру и «плениша» казанские земли³⁰.

²⁴ ПСРЛ. Т. 30. С. 145; Т. 35. М., 1980. С. 169; Казанская история. С. 305.

²⁵ ПСРЛ. Т. 8. С. 269; Т. 13. Ч. 1. С. 43; Т. 22. Ч. 1. С. 519; Т. 20. С. 402; Т. 30. С. 146.

²⁶ Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2006. С. 90–95.

²⁷ Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья... С. 92.

²⁸ См.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 415; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. I. М., 1813. С. 416.

²⁹ ПСРЛ. Т. 24. М., 2000. С. 222.

³⁰ Там же. Т. 23. С. 203.

Составители официальных сводов отредактировали сообщение ермолинского летописца, дополнив его эпитетами и парафразами. Они обратили внимание читателей на то, что Сахиб-Гирей «зла христианству навел» и «кровь пролиа яко воду». За свои злодеяния казанский хан был назван «вторым», после Мухаммад-Гирея, «мучителем»³¹.

Данная корректировка первоначального текста явилась следствием соотнесения событий с ветхозаветными сюжетами, в которых мучителями, проливающими кровь как воду, чаще всего, выступают вавилонские цари, пленившие иудеев³². Возможно, летописцы уподобляли «казанского царя» вавилонским царям – язычникам, не знающим закона божьего, а русских, беспрестанно терпящих бедствия, сравнивали с богоизбранными иудеями, не раз страдавшими от безбожников.

По словам книжников, Василий III «сжалися» о случившемся в Казани и «пошед с своею братьею на второго мучителя, на царя Казаньского»³³. При этом не совсем ясно, почему московские войска не отправились напрямик к обидчику, в Казань, а сконцентрировали все силы на разорении земель, подчиненных Казани, и строительстве русской крепости у границ ханства. Скорее всего, поход 1523 г. был лишь подготовительным этапом большой войны, а крепость стала плацдармом для наступления московских войск, развернувшегося в 1524 году.

Автор Ермолинской летописи оставил подробное известие о походе 1524 г. на Казань. Согласно этому сообщению, русские войска двигались двумя колоннами, которые возглавляли 20 воевод и служилый царевич Шах-Али. Казанский хан Сахиб-Гирей, увидев «великое» войско, бежал из города, а казанцы пригласили править другого крымского царевича – Сафа-Гирея. В решающем сражении русским удалось одержать победу, затем они «начаша приступати к граду», в результате чего казанцы «добиша челом великого князя воеводам и шерть дали на всеи воли великого князя»³⁴.

³¹ Там же. Т. 6. СПб., 1853. С. 264; Т. 8. С. 270; Т. 13. Ч. 1. С. 43; Т. 20. С. 402; Т. 26. С. 312.

³² Пс. 78: 3; Ис. 14: 4.

³³ ПСРЛ. Т. 6. С. 264. См. также: Т. 8. С. 270; Т. 13. Ч. 1. С. 43; Т. 20. С. 402; Т. 26. С. 312.

³⁴ Там же. Т. 23. С. 203.

С некоторыми изменениями приведенное известие вошло в Воскресенскую, Никоновскую и Львовскую летописи. Создатели сводов обозначили причину войны: великий князь послал войска на казанцев «за их неисправление». С одной стороны, они подчеркнули, что бежавший со «срамом» из Казани Сахиб-Гирей был «злочестивым», а с другой, обратили внимание читателей на то, что одержать победу русским воеводам «поможе Бог»³⁵. Все эти уточнения придали конфликту религиозный характер, идейно связывая войну 1524 г. с событиями 1523 года.

На этом фоне лаконичным выглядит лишенное религиозных сентенций сообщение Типографской летописи. Согласно ему, Василий III отправил к Казани судовую и конную рати, конница разбила татар на р. Свияге, и воевода Иван Федорович Бельский, по наказу великого князя, «со всеми Казанци мир вечный взял»³⁶. Примечательно, что типографский летописец не упомянул договор и не написал об исполнении казанцами «всей воли великого князя». Его не интересовал политический аспект проблемы, для него – человека, далекого от тонкостей кремлевской дипломатии, главным результатом войны был мир.

Другую картину событий представил автор «Казанской истории», по словам которого большая часть судовой рати была потоплена, войска лишились стенобитных орудий и припасов. Хотя конная рать одержала победу над казанцами, воеводы, узнав о разгроме судовой рати и утрате стенобитных орудий, не решились на штурм города. На обратной дороге русские страдали от голода и болезней, в результате вернулось меньше половины войска³⁷.

Сообщение казанского летописца имеет больше отличий, чем сходств с известием Типографской летописи, а единственное, что объединяет его с рассказом официальных сводов – это информация об организации военного похода, почерпнутая, судя по текстуальным совпадениям, из Разрядной книги³⁸.

³⁵ Там же. Т. 8. С. 270–271. См. также: Т. 13. Ч. 1. С. 44; Т. 20. С. 402–403. Аналогичный по смыслу текст читается в Степенной книге и Вологодско-Пермской летописи. См.: Т. 21. С. 604; Т. 26. С. 312.

³⁶ Там же. Т. 24. С. 222.

³⁷ Казанская история. С. 324.

³⁸ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 69–70.

Не менее оригинальная версия сохранилась в трудах С. Герберштейна, подробно описавшего московско-казанскую войну. В «Записках о Московии» говорится, что хан Сахиб-Гирей, узнав о приближении огромного московского войска, из Крыма призвал править в Казань племянника Сафа-Гирея, а сам отправился к турецкому султану за поддержкой. Русская судовая рать пришла раньше конной, и ее воеводы, в ожидании второй колонны войск, не решились напасть на Казань даже после того, как стены города подожгли московские шпионы. 20 дней судовая рать стояла под стенами Казани, не принимая действий из-за малодушия главного воеводы.

Тем временем иссякли запасы продовольствия, и начался голод. Василий III не мог ничего узнать о нужде своего войска, так как черемисы внимательно отслеживали действия врага. В лагере русских стали ходить слухи о разгроме конной рати, что заставляло многих думать о бегстве. Но все же конница подошла к Казани и после двух кровопролитных столкновений с татарами соединилась с судовой ратью. Во время осады казанцы не переставали тревожить русские войска частыми вылазками, шла перестрелка из пушек. Когда был убит единственный пушкарь в стане осажденных, у москвичей появилась возможность захватить город, но главный воевода из-за недостатка провианта, или, приняв взятку от татар, решил снять осаду и заключить перемирие на условиях продолжения переговоров в Москве³⁹.

Согласно С. Герберштейну, из казанских походов тех лет возвращалась «едва не половина» русских воинов, однако, несмотря на неудачи Василия III в войне, подданные хвалили «его, как будто он вел дело со всяческой удачей». Такое отношение народа дипломат объяснил тем, что власть московского великого князя над подданными далеко превосходила власть «всех монархов целого мира»⁴⁰. В свете представленного заявления более понятны мотивы русских книжников, писавших об успешных действиях великокняжеских сил на востоке.

Достаточно много внимания московско-казанским отношениям той поры уделяют памятники «сношений» Руси с Польско-Литовским государством. В начале 1524 г. на вопросы короля русскому послу было велено отвечать: изначально государь сажает на казан-

³⁹ Герберштейн С. Записки о Московии. С. 177–179.

⁴⁰ Там же. С. 72.

ский престол царей, но хан Мухаммад-Гирей прислал в Казань своего ставленника Сахиб-Гирея, поэтому великий князь прибыл к Нижнему Новгороду, а своего «брата» Шах-Али отправил войной на Казанскую землю. Здесь же говорится о городе, который основали по приказу Василия III на р. Суре, чтобы государевым людям было ближе ходить к Казани⁴¹.

Представленные посольские документы сообщают и о военной кампании 1524 года. На случай, если великокняжеского посла спросят о «нынешней рати», ему «наказали» говорить, что «лихие казанские люди государю изменили», но те сеиды и князья, которые служат государю, просили «пожаловать» их и прислать воевод против «ликих людей»⁴². В следующей бумаге дипломатического архива, датированной апрелем-июлем 1525 г., подводятся итоги московско-казанской войны 1523–1524 годов. Польскому королю сообщалось, что Василий III «ликих казанских людей» казнил и хана «на Казани посадил из своих рук», продолжив традицию, заложенную Иваном III⁴³.

Если сообщения о походе 1523 г. в целом согласуются с данными других источников, то информация о кампании 1524 г. во многом уникальна. Нигде не говорится, что московские воеводы были отправлены в Казань по просьбе самих казанцев, не сообщается и о казни «ликих людей» по приказу из Москвы и об установлении в Казани власти великокняжеского ставленника. Все это похоже на дипломатический блеф, в котором, тем не менее, проявляется политическая стратегия Москвы в отношении с Казанью. Другими словами, можно предположить, что правительство Василия III в войне 1523–1524 гг. преследовало цель восстановить контроль над Казанским ханством.

Таким образом, представлено несколько разных взглядов на войну, ни одним из которых нельзя пренебречь, обличив в недостоверности одно известие пред другим, так как все они уникальны и не находят подтверждения в группе независимых источников. Хотя историки пытались создать синтетичную картину событий, зачастую подбирая под свою гипотезу факты и необоснованно отбрасывая те или иные сведения. Например, К.Ф. Фукс, воспользовавшись

⁴¹ Сборник Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882. С. 682.

⁴² Там же. С. 690.

⁴³ Там же. С. 695.

данными официальных сводов и сообщением С. Герберштейна, указал на некоторые промахи русского военного командования, но уточнил, что воеводам удалось осадить Казань, взяв с жителей города обещание покорности⁴⁴. В фундаментальной работе М.Г. Худякова рассказ о войне 1523–1524 гг. составлен преимущественно на основе данных «Казанской истории» и сочинений С. Герберштейна, несмотря на то, что историк неоднократно уличал С. Герберштейна в неточности, а некоторые сообщения казанского летописца называл баснословием⁴⁵. Д.А. Котляров указал на расхождения в источниках, но, вслед за И.И. Смирновым, положился на мнение С. Герберштейна, посчитав, что оно составлено на основе достоверных сведений участников событий⁴⁶.

В результате масштабной московско-казанской войны 1523–1524 гг. начались продолжительные мирные переговоры. По сообщению официальных сводов, в 1525 г. к великому князю прибыло посольство из Казани во главе с «Апай уланом» и «Бахтыкилдей князем», «и биша челом великому князю от всей земли Казанской за свою вину и о цари Сафакиреи». Василий III «их челобитью пожаловал, а в Казань послал своего посла князя Василья Пенкова»⁴⁷.

На следующий год Москву вновь посетили казанские послы, только на этот раз другие: «Казый князь, да Чюра князь да Тевель бокшей». Ответное посольство великий князь отправил лишь в 1527 году. В 1529 г. из Казани прибыли послы с целью исправить те дела, в которых хан был «неправ» перед великим князем, «и правду дати». Для заключения мирного договора Василий III отправил к Сафа-Гирею своего посла Андрея Пильемова, в присутствии которого хан подписал договор. Вдгонку в Казань было направлено еще одно посольство, «чтобы царь великому князю в всех делех по шертной записи исправил». Но когда оно было еще в пути, Сафа-Гирей «свою правду и клятву преступил, и послу великого князя Ондрею Пильемову нечесть и срамоту учинилъ велику»⁴⁸.

⁴⁴ Фукс К.Ф. Краткая история города Казани. Казань, 1817. С. 19–20.

⁴⁵ См.: Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 88–93.

⁴⁶ Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья... С. 95–96.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 6. С. 264. См. также: Т. 8. С. 271; Т. 13. Ч. 1. С. 43–44; Т. 20. С. 403; Т. 26. С. 313.

⁴⁸ Там же. Т. 8. С. 271–272. См. также: Т. 13. Ч. 1. С. 45; Т. 20. С. 403, 406.

Постоянное изменение состава посольств свидетельствует о том, что сторонам было крайне сложно придти к консенсусу. О бесперспективности текущих переговоров писал и С. Герберштейн, в 1526 г. побывавший с дипломатическим визитом в Москве. Он упомянул об одной из проблем, обсуждавшейся послами. Камнем преткновения было решение Василия III о переносе казанской ярмарки в Нижний Новгород. Великий князь преследовал цель нанести урон казанцам, но, по замечанию автора «Записок», от этого пострадали и московские купцы⁴⁹.

Вероятнее всего, на повестке дня стоял ряд важнейших вопросов, о сути которых мы можем только догадываться. Источники указывают на первостепенную проблему, волновавшую дипломатов. Прежде всего, необходимо было решить вопрос о легитимности власти Сафа-Гирея в Казани. В посольских грамотах, составленных до событий 1521 г., московский государь пытался обосновать законность своей власти над Казанью, а крымский хан, оспаривая это право, заявлял, что «Казанский юрт» должен принадлежать ему⁵⁰. После большой войны Сафа-Гирей, скорее всего, нуждался в официальном признании своих владетельных прав на ханский престол.

Большинство исследователей полагало, что Сафа-Гирей добился московского признания, то есть отстоял независимость Казанского ханства⁵¹, хотя источники говорят о другом: казанцы «били челом» и обещали «правду дати», а Василий III их «пожаловал». Все эти лексические обороты, как мы уже говорили, служили для маркировки патронатных отношений. С точки зрения официальных книжников XVI в., в ходе переговоров Сафа-Гирей признал власть великого князя и принял его условия, но вскоре нарушил слово. Поэтому можно лишь предположить, что казанцы пытались ослабить политическую зависимость от Василия III или вовсе избавиться от

⁴⁹ Герберштейн С. Записки о Московии. С. 179.

⁵⁰ Сборник Русского исторического общества. Т. 95. С. 696.

⁵¹ См. напр.: Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 3. Т. 5–6. История России с древнейших времен. М., 1989. С. 270; Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 93; Алишев С.Х. Казань и Москва... С. 65; Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа...; Бахтин А.Г. Русское государство и Казанское ханство: межгосударственные отношения в XV–XVI веках: Дис. ... д.и.н. М., 2001. С. 197; Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья... С. 96.

нее, а московские дипломаты стремились навязать Сафа-Гирею договор, аналогичный договору с Мухаммад-Амином или с Шах-Али. Но все было тщетно – в силу не совсем ясных причин договориться не удалось, и боевые действия возобновились.

Кирилло-Белоозерский список Ермолинской летописи содержит рассказ о московско-казанской войне 1530 года. Для начала автор свода на основе Разрядной книги⁵² подробно описал состав русских войск. По его словам, Василий III послал на Казань две рати: судовую под командованием князей И.Ф. Бельского, М.В. Горбатого и М.И. Кубенского и конную, под предводительством князей М.Л. Глинского и В.А. Шереметьева. На помощь казанцам прибыл ногайский мурза Мамай и астраханцы. В результате сражения, которое состоялось под стенами Казани, воеводы захватили острог у р. Булак и убили много татар, а хан Сафа-Гирей вынужден был отступить в город. После чего московские войска обстреливали крепость из пушек до тех пор, пока казанцы не запросили перемирия «на всей воли великого князя»⁵³.

Приведенное сообщение легло в основу известий официального летописания середины XVI столетия. Составители Воскресенского, Никоновского и Львовского сводов переняли статью ермолинского летописца, несколько дополнив ее. Во-первых, они обозначили причину войны: «И князь велики не мога терпети царевы клятвы и преступления». Во-вторых, уточнили, что только «Божиею милостию», призвав «Бога на помощь», воеводам удалось переправиться через Волгу и подойти к Казани. В-третьих, подчеркнули, что казанцы признали свою вину, и описали условия перемирия. Воеводы привели татар «по их вере к правде», которая заключалась в том, чтобы «от государя им неотступным бытии и царя им на Казань ни отколе не имати оприче государя, кого им пожалует князь велики даст»⁵⁴.

Иначе говоря, официальные книжники обосновали необходимость войны и представили свое понимание «правды», на базе которой должны были строиться московско-казанские отношения. Суть «правды», то есть истинного, справедливого порядка, заключалась в том, что казанцы обязаны подчиняться воле великого князя в вопро-

⁵² См.: Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 74–75.

⁵³ ПСРЛ. Т. 23. С. 204–205.

⁵⁴ Там же. Т. 8. С. 273. См. также: Т. 13. Ч. 1. С. 45–47. Т. 20. С. 406–407.

сах ханского престолонаследия. Сложно сказать, удалось ли москвичам добиться этого по договору о перемирии 1530 года. С.Х. Алишев и Д.А. Котляров полагали, что казанцы приняли указанные условия⁵⁵, однако некоторые источники противоречат данному мнению.

Вологодско-Пермская летопись оправдала войну 1530 г., назвав Сафа-Гирея «безбожным» и приписав ему «неисправление и измену», но, в то же время, канву событий представила по-другому. Здесь в ходе сражения под Казанью погиб «большой князь Аталык», возглавлявший татарское войско, а находившийся в Казани хан вынужден был бежать к Арскому городку. Воеводы И.Ф. Бельский, М.В. Горбатый и М.Л. Глинский отправились в погоню за Сафа-Гиреем. Прочие воеводы, оставшись под Казанью, допустили оплошность: не сомкнули «гуляй-город»⁵⁶, где находился обоз. «Промеж воеводами пришла брань, а люди в розстрое», чем воспользовались казанские черемисы, напав на русский стан, перебив часть войска (в том числе погибло пять воевод) и захватив обоз. Но главные воеводы провели обстрел крепости из пушек, вынудив казанцев заключить договор, по которому последние обязались служить «прямо государю и неотступным быти и до своего живота»⁵⁷.

Таким образом, автор Вологодско-Пермской летописи рассказал о военных неудачах москвичей и подчеркнул заслуги главных воевод. Уникально и его мнение по вопросу о мирном соглашении 1530 года. Ни один источник не говорит о том, что казанцы согласились служить непосредственно государю.

Более того, создатель Софийской летописи показал неудачный исход войны. По его мнению, после того, как московские войска разбили неприятеля и взяли острог, появилась возможность захватить Казань, так как город обезлюдел, и все ворота были отворены в течение трех часов. Но главные воеводы И.Ф. Бельский и М.Л. Глинский устроили местнический спор по вопросу о том, кому принадлежит право въехать первым. Пока они спорили, начался сильный дождь, под покровом которого казанцы совершили вылаз-

⁵⁵ Алишев С.Х. Казань и Москва... С. 67; Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья... С. 97.

⁵⁶ «Гуляй-город» – подвижное сборное боевое сооружение из деревянных щитов. См.: Словарь русского языка XII–XVII вв. Вып. 4. М., 1977. С. 156.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 26. С. 314.

ку, захватив русский обоз со снаряжением для штурма города. В конце концов, воеводы, долго простояв под Казанью и пограбив окрестности, вернулись в Москву⁵⁸.

Весьма оригинальный рассказ о войне 1530 г. сохранился в «Казанской истории». По словам летописца, Василий III отправил на Казань огромное войско под предводительством 30 знатных воевод. Узнав об этом, казанский хан приказал построить вокруг посада острог, где разместил свои войска и прибывших на помощь ногайцев, а сам заперся в городе. Целое лето велись ожесточенные бои, но ни острог, ни город так и не удалось захватить, пока десять храбрых русских воинов, тайно сговорившись, не подожгли укрепление. Во время пожара воевода, князь Иван Овчина, со своим полком напал на острог и захватил его. В результате сражения погибли двое московских воевод и предводитель казанского войска, князь Аталык. Опасаясь захвата города, хан вместе со своим отрядом вышел из крепости и, с боем пробившись через русские ряды, бежал в Крым. С оставшимися горожанами воеводы заключили перемирие, взяли с казанцев дань для великого князя за три года вперед и отступили, не заняв города и перессорившись друг с другом. Несмотря на то, что Казань три дня стояла отворенной, главный воевода, прельстившись золотом, не остался править в городе и других воевод не принудил к этому⁵⁹.

Автор «Казанской истории» подтвердил сообщение о масштабах военной кампании 1530 г., уточнил некоторые детали операции и дополнил картину событий сведениями, противоречивыми по отношению к остальным известиям.

Таким образом, перед нами несколько версий случившегося, которые имеют как сходства, так и различия. Однако на этот раз историки и вовсе не указали на серьезные расхождения в источниках⁶⁰. Так, например, Д.А. Котляров, положив в основу своей реконструкции данные Воскресенской, Никоновской и Львовской летописей, показал преимущественно успешные действия русских сил и

⁵⁸ Там же. Т. 6. С. 265.

⁵⁹ Казанская история. С. 328–332.

⁶⁰ См. напр.: Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 3. С. 263; Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 94–95; Алишев С.Х. Казань и Москва... С. 66–67.

удачный для Москвы исход войны⁶¹. Но, если строить рассуждение, основываясь на сходствах летописного восприятия, становится понятным, что воеводы, не взяв города и понеся большие потери, заключили перемирие и вернулись в Москву.

Вероятнее всего, причиной войны было желание москвичей привести казанцев к «правде», то есть вернуть былое право великого князя назначать казанских ханов. Однако остается неясным, удалось ли воеводам выполнить эту миссию, и на каких условиях они согласились снять осаду.

Официальные летописи, ответившие положительно на поставленный вопрос, содержат пространную статью, посвященную мирным переговорам. Согласно данному сообщению, казанские послы – князья Табай, Тевекел и бакшей Ибрагим – просили, чтобы Василий III «пожаловал... Сафа Киреа царя братом и сыном его себе учинил», а также чтобы «пожаловал... всей земли Казанской людей», которые, как и хан, хотят «бытии в государьской воле» и «служити вперед... прямо». Василий III, оберегая казанские земли, дабы не допустить кровопролития, «гнев свой отложил» и приказал составить договоры, в которых выдвинул свои условия мира. По этим соглашениям, помимо того, что казанцы обязывались служить великому князю и подчиняться его воле при выборе хана, они должны были отпустить пленных и вернуть пищаи, захваченные во время войны.

Для подписания документов в январе 1531 г. в Казань были отправлены боярский сын, Иван Васильевич Полев, и представитель казанского хана, Бауш. Мирный договор необходимо было подписать в присутствии московского посла не только Сафа-Гирею и его князьям, но и «людям всей Казанской земли». Однако хан не подписал договор, потребовав выдачи своих людей, в том числе военнопленных и членов мирного посольства, а также пушек и пищаей, захваченных москвичами⁶².

Как позже оправдывался ханский посол Табай, Сафа-Гирей не стал подписывать договор, так как к нему пришла весть, что Василий III вновь собирает войска для похода на Казань. По словам князя Табая, записанным в официальных сводах, казанцы хотят верно служить великому князю, но Сафа-Гирей, под влиянием крымцев и

⁶¹ Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья... С. 96–97.

⁶² ПСРЛ. Т. 8. С. 274. См. также: Т. 13. Ч. 1. С. 54; Т. 20. С. 407.

ногайцев, «то все презрел». Далее посол признался, что не все казанцы поддерживают Сафа-Гирея, ожидая «жалования» великого князя. Василий III ответил, что ему нужен послушный хан, который действовал бы согласно «правде», а Сафа-Гирей «зла много учинил без нашего ведома и без отсылки»⁶³.

На это задержанные в Москве дипломаты заявили, что, так как Сафа-Гирей «правду свою преступил», они готовы признать ханом любого, кого «пожалует» государь. При этом послы просили, чтобы великий князь «пожаловал» им на царство Шах-Али на тех же условиях, на которых его отец «жаловал» Мухаммад-Амина. Причем, по тексту летописи, это была их личная инициатива, не согласованная с остальными казанцами. Посольство князя Табая, взяв на себя такое обязательство, предложило конкретный план действий. Оно намеривалось вместе с Шах-Али добраться до Васильгорода и разослать оттуда народам Казанского ханства грамоты с великокняжеским жалованием. Послы утверждали, что их казанские родственники и друзья поддержат подобную инициативу. Посоветовавшись с боярами, Василий III в декабре 1531 г. отправил Шах-Али и казанских дипломатов в Нижний Новгород, откуда боярин В.В. Шуйский разослал княжеские грамоты «ко всей земли Казанской»⁶⁴.

В мае 1532 г. из Казани пришла весть, что Сафа-Гирей хотел убить русских послов, но царевна Гоухаршад – сестра Мухаммад-Амина, мурза Кичи-Али, князь Булат «и всей земли Казанские люди», получив великокняжеские жалованные грамоты, «по великого князя наказу», выслали Сафа-Гирея вместе с его крымскими и ногайскими советниками. Некоторое время спустя в Москву прибыли послы Кулчура и Форузат с просьбой к Василию III назначить правителем в Казань не Шах-Али, а его младшего брата – царевича Джан-Али. В этом вопросе великий князь пошел навстречу казанцам, и уже в июне 1532 г. Джан-Али стал ханом⁶⁵.

Еще одно известие о мирных переговорах находим в «Казанской истории», автор которой считал, что казанские послы подку-

⁶³ Там же. Т. 8. С. 275. См. также: Т. 13. Ч. 1. С. 55; Т. 20. С. 408.

⁶⁴ Там же. Т. 8. С. 275–276. См. также: Т. 13. Ч. 1. С. 55–56; Т. 20. С. 408–409.

⁶⁵ Там же. Т. 8. С. 276–277. См. также: Т. 13. Ч. 1. С. 56–57; Т. 20. С. 410–411.

пили великокняжеских бояр и даже слуг, чтобы, заключив договор, оттянуть время для восстановления сил. Василий III прислушался к мнению своего окружения и в надежде на вечный мир, пойдя на встречу татарским послам, отправил на казанский престол юного царевича Джан-Али⁶⁶.

В рассказе казанского летописца о московско-казанской войне 1530 г. и о мирных переговорах отчетливо проявляется замысел всего произведения, исходящий из необходимости обосновать примат великокняжеской власти. По мысли книжника, только государь способен принимать верные и справедливые решения, а предшественники Ивана IV часто полагались на слабохарактерных и продажных вельмож, вследствие чего терпели военно-политические неудачи в отношениях с Казанью.

Официальные летописцы не столько фокусировали внимание на указанной проблематике, сколько пытались навязать свое представление о «правде» московско-казанских отношений, то есть об «истинно справедливом порядке», который связывался с необходимостью покровительства православного государя над ханством. Учитывая уникальность и ярко выраженную идейную направленность представленных известий, не совсем корректно говорить об их достоверности и делать далеко идущие выводы. Однако вполне разумно предположить, что сообщения официальных сводов, как минимум, отражают политическую стратегию Кремля.

«Истинно справедливый порядок» московско-казанских отношений, установленный еще при Иване III, а в дальнейшем прописанный в договорах между Василием III и Шах-Али, был разрушен приходом крымской династии на казанский престол в 1521 году. С тех пор Василий III неоднократно пытался восстановить его, однако долгое время все было тщетно: после войны 1523–1524 гг. несколько лет шли мирные переговоры, так и не принешие желаемого результата. Нельзя не обратить внимания на то, что правительство Сафа-Гирея выдержало и военный натиск 1530 г., но, как это ни странно, не устояло в ходе мирных переговоров. Скорее всего, Москва приложила максимум усилий для того, чтобы вызвать раскол в кругах казанской

⁶⁶ Казанская история. С. 334.

аристократии. Тем более, если верить задержанному в Москве послу Табаю, не все казанцы поддерживали политику Сафа-Гирея.

Здесь необходимо учесть, что казанские послы оказались заложниками неудачных переговоров: Сафа-Гирей не желал принимать условия Василия III, который, в свою очередь, не отпускал ханских дипломатов. Данное обстоятельство объясняет, почему им пришлось отречься от Сафа-Гирея и предложить план его свержения. В деле переворота татарские послы рассчитывали на помощь своих родственников и друзей, а также на родственников и друзей казанцев, пребывавших в русском плену. Все эти детали указывают на то, что русское правительство пыталось изменить расклад политических сил в Казани за счет влияния пленных татар.

По замечанию официальных книжников, Сафа-Гирей «правду не учинил», поэтому появилась необходимость свергнуть его. Причем не исключено, что целенаправленная политика Москвы легла на подготовленную почву. Василий III последовал совету казанских послов, к народам Казанского ханства были отправлены грамоты с великокняжеским «жалованием». Симптоматично, что в некоторых наиболее пространных изысканиях об этих фактах умалчивается⁶⁷. Однако, по наблюдениям С.Х. Алишева, великокняжеское воззвание к народам ханства вызвало движение против Сафа-Гирея⁶⁸. Вероятно, обращение к соотечественникам влиятельных казанских послов, в ходе переговоров оказавшихся фактически заложниками великого князя, и «государево жалование» к народам ханства спровоцировали политический конфликт в Казани, в результате чего на ханском престоле утвердился московский ставленник Джан-Али, а московско-казанские отношения стали строиться на основе «правды». Таким образом, не добившись решения восточного вопроса военным путем, Василий III заставил казанское правительство принять московского ставленника, спровоцировав внутривосточный конфликт.

⁶⁷ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 96; Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья... С. 98.

⁶⁸ Алишев С.Х. Казань и Москва... С. 68–69.

§ 2. В фарватере московской политики: правление Джан-Али

По договору 1532 г. Джан-Али обязался неотступным «быти от великого государя и дела его беречи», а казанские «люди правду учинили», пообещав не выбирать себе хана «без великого государя ведома»⁶⁹. На первый взгляд, не совсем ясно, что означало «дела его беречи» – то ли хан брался защищать великокняжеские интересы в Казани, то ли соглашался править Казанским ханством по указанию Москвы. Следующее известие официальных книжников помогает осмыслить значение указанной формулировки. Весной 1533 г. к Василию III из Казани прибыло посольство, целью которого было добиться великокняжеского согласия на женитьбу Джан-Али на дочери ногайского мурзы Юсуфа и «о иных великих делех земских»⁷⁰. Другими словами, договор 1532 г. принуждал хана все важные решения в деле государственного управления согласовывать с великим князем.

Разумеется, действия Москвы вызвали агрессию со стороны Крымского ханства, войска которого совершили набег на рязанские земли⁷¹. В то же время и в самой Казани обстановка оставалась неспокойной. Великому князю пришлось даже отправить в ссылку некогда верного Шах-Али за то, что он «правду свою порушил» – вел тайные переговоры с казанцами⁷². Однако, в целом достигнутый Василием III мир удалось некоторое время поддерживать и после его смерти. В 1534 г. хан Джан-Али подписал те же грамоты, но составленные уже от имени малолетнего великого князя Ивана IV⁷³.

В сентябре 1535 г. в Москву пришла тревожная весть о том, что Сафа-Гирей по приглашению казанских князей уехал из Крыма⁷⁴. Впрочем, возможно, из-за обострения отношений с Литвой и Крымом, а также в условиях усугубления внутривосточных противоречий, русское правительство было не в состоянии быстро отреагиро-

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 8. С. 281. См. также: Т. 13. Ч. 1. С. 63; Т. 20. С. 415.

⁷⁰ Там же. Т. 8. С. 282. См. также: Т. 13. Ч. 1. С. 64; Т. 20. С. 416.

⁷¹ Там же. Т. 8. С. 283–284; Т. 13. Ч. 1. С. 66; Т. 20. С. 417–418; Т. 21. Ч. 2. С. 610; Т. 26. С. 315; Т. 29. М., 1965. С. 12.

⁷² Там же. Т. 8. С. 281; Т. 13. Ч. 1. С. 64; Т. 20. С. 415.

⁷³ Там же. Т. 8. С. 286–287; Т. 13. Ч. 1. С. 69; Т. 20. С. 422–423; Т. 29. С. 12.

⁷⁴ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 100; Т. 20. С. 432; Т. 29. С. 20.

ровать на эти донесения. Как результат, в конце сентября того же года в Казани произошел переворот, вследствие которого казанским ханом вновь стал Сафа-Гирей, а Джан-Али был убит.

По донесениям Д. Губина, полученным 26 сентября 1535 г., ногайцы кочевали близко к Казани, когда дочь мурзы Юсуфа в своем письме пожаловалась отцу, что хан Джан-Али ее не любит, поэтому Юсуф просил казанских князей сослать Джан-Али и вернуть его дочь⁷⁵. Московский дипломат подчеркнул причастность ногайского мурзы к свержению Джан-Али с ханского престола. Позже, в 1549 г., в посланиях к Ивану IV Юсуф обвинил в убийстве Джан-Али казанского князя Булата, который втайне от «земли» пригласил править Сафа-Гирея⁷⁶.

Официальные летописцы обвинили в содеянном, прежде всего, царевну Гоухаршад и князя Булата⁷⁷. Симптоматично, что ранее на страницах тех же сводов им приписывалось спасение русских послов, свержение Сафа-Гирея и установление «правды». Все перечисленное ставит под сомнение тезис историков о борьбе восточной и промосковской партий в Казани, объяснявший причины переворотов 1532 и 1535 годов⁷⁸. Ближе к истине, наверное, был Б.Р. Рахимзянов, считавший, что хан Джан-Али «пал, скорее, как символ зависимости от Москвы»⁷⁹. Подтверждением тому служит грамота

⁷⁵ Грамоты великаго Князя Иоанна Васильевича к Ногайским Мурзам и их к великому Князю Иоанну Васильевичу // Продолжение древней российской вивлиофики. СПб., 1791. Ч. VII. С. 245.

⁷⁶ Продолжение грамот великаго Князя Иоанна Васильевича к Ногайским Мурзам и их к великому Князю Иоанну Васильевичу // Продолжение древней российской вивлиофики. СПб., 1793. Ч. VIII. С. 141–142.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 8. С. 291; Т. 13. Ч. 1. С. 100–101; Т. 20. С. 432–433; Т. 29. С. 20.

⁷⁸ См.: Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 95; Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. Т. 27. М., 1948. С. 65; Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья... С. 109; Бахтин А.Г. Русское государство и Казанское ханство... С. 188; Кузнецов А.Б. Казанский вопрос во внешней политике Елены Глинской (1533–1538 гг.) // Волжские земли в истории и культуре России. Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 10-летию создания Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (г. Саранск, 8–11 июня 2004 г.). Ч. I. Саранск, 2004. С. 73–74.

⁷⁹ Рахимзянов Б. Русские летописи о правлении касимовских ханов в Казани (первая половина XVI в.) // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Сборник статей. Казань, 2004. С. 155.

Сафа-Гирея, адресованная польскому королю, согласно которой низвержение Джан-Али и возведение на престол Сафа-Гирея произошло не в результате заговора группы аристократов, а по решению мурз и уланов «всей Казанской земли»⁸⁰.

Однако по сообщениям русских летописей, кандидатура Сафа-Гирея была принята далеко не всеми казанцами: несколько десятков татарских князей и мурз, противясь перевороту в пользу крымской династии, выехали из Казани. Их устраивала только персона Шах-Али, которого они просили вернуть из ссылки и направить в Казань для очередной смены власти. Причем оппозиционно настроенная аристократия гарантировала широкую поддержку Шах-Али в Казани. Правительство Елены Глинской приняло это предложение, и Шах-Али был освобожден. В Казань были направлены войска, но московские воеводы, не дойдя до казанских улусов, повернули назад⁸¹.

Необходимо подчеркнуть, что все эти сведения содержатся лишь в одном известии официального летописания, сохранившемся в составе Летописца начала царства, Никоновского и Львовского сводов. Поэтому нет надобности говорить об объективности представленного сообщения, но стоит обратить внимание на то, что в данном случае четко прослеживается политика московского правительства, которое поддержало недовольных сменой власти казанцев, определив их промосковскую ориентацию. Об этом свидетельствует и «опасная грамота» Ивана IV, выданная казанцам для безопасного проезда на Русь. В октябре 1536 г. в Ногайскую Орду было направлено послание к выехавшим из Казани князьям и мурзам с предложением приехать на великокняжескую службу. Эта грамота была адресована и к тем князьям, мурзам и казакам, которые в дальнейшем «приедут из Казани в Нагай»⁸².

Таким образом, мир, навязанный военно-дипломатическим давлением Москвы в 1532 г., не устраивал большую часть приближенных к власти казанцев, которые при первой же возможности, в самый неподходящий для противника момент перестали соблюдать его условия. Вполне вероятно, что недовольство вызвали и разбой-

⁸⁰ Мустафина Д. Послание царя казанского // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1997. № 1/2. С. 33.

⁸¹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 101–105; Т. 20. С. 433–435; Т. 29. С. 20–23.

⁸² РГАДА. Ф. 127. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 1.

ные нападения казаков Джан-Али на ногайские караваны, шедшие торговать в Казань⁸³. По выражению В.В. Трепавлова, союзные отношения ногайцев с Русским государством были испорчены «из-за жадности и агрессивности касимовцев»⁸⁴. В результате хан Джан-Али лишился и ногайской поддержки. Свергнув Джан-Али и пригласив на престол Сафа-Гирея, казанцы вновь вступили в союзнические отношения с Крымом, сохранили торговые связи с ногайцами и возобновили войну с Москвой.

§ 3. Второе правление Сафа-Гирея в Казани

Сафа-Гирей незамедлительно перешел в наступление: в январе 1536 г. его войска напали на Нижний Новгород и окрестности, а уже летом того же года казанцы совершили набег на Костромскую и Галичскую земли⁸⁵. По признанию некоторых летописцев, под Нижним Новгородом татар удалось разбить, тогда как под Костромой и Галичем русские потерпели поражение: погибли воеводы и многие дети боярские⁸⁶. В свою очередь, московское правительство попыталось изолировать Казанское ханство, отправив к Волге 500 городецких татар с казаками, которые выслеживали и перехватывали казанских послов, ехавших в Крым или к ногайцам⁸⁷.

Серьезное столкновение произошло в январе 1537 года. Согласно официальной версии, в Москву пришла весть, что Сафа-

⁸³ Сохранились сообщения ногайских мурз, доносивших великому князю о разбойных действиях мещерских казаков по отношению к их торговцам, ездившим в Казань в период правления Джан-Али. См.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 2. Л. 9, 103–124, 141–144 об.; Служилое казачество в русско-ногайских отношениях. По материалам Посольского приказа. 1534–1548 гг. // Исторический архив. 2006. № 3. С. 189–203; Грамоты великаго Князя Иоанна Васильевича к Ногайским Мурзам и их к великому Князю Иоанну Васильевичу. С. 249–253.

⁸⁴ Трепавлов В. Падение Казанского ханства и Ногайская Орда // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Сборник статей. Казань, 2004. С. 182.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. 8. С. 291–292; Т. 13. Ч. 1. С. 106–107; Т. 20. С. 436, 440. Т. 29. С. 24, 27.

⁸⁶ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 106–107; Т. 20. С. 436, 440. Т. 29. С. 24, 27.

⁸⁷ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 113; Т. 20. С. 439–440. Т. 29. С. 27.

Гирей вместе с крымцами и ногайцами собирается напасть на Костромскую и Галичскую земли. В Кремле отреагировали на это донесение, отправив воевод во Владимир и Мещеру. Однако казанский хан, узнав, что русские силы стоят в Костроме и Галиче, нанес внезапный удар по Мурому. По словам московских книжников, он успел разорить городской посад, но вскоре отступил, опасаясь наступления воевод из Владимира и Мещеры⁸⁸. Впрочем, автор Вологодско-Пермской летописи подчеркнул, что Сафа-Гирей три дня стоял под Муромом, опустошая его окрестности, «и прочь пошел, повоевав и полону поймав безчислено»⁸⁹.

Создатель «Казанской истории», назвавший себя очевидцем этих войн, в главе «О пленении казанцами Русской земли» не стал описывать отдельные набеги, а представил общую картину бедствий. По его словам, набеги казанцев были страшнее Батыева нашествия. Казанцы разоряли окраины Руси, «захватывая пленных, и пожиная, как пшеницу, и посекая, как сады, русских людей, и кровь их, как воду, проливая по долинам, не давая христианам ни на час покоя и тишины». Люди были вынуждены строить дома в недоступных местах или переселяться вглубь Руси, куда не доходили «варварские полчища». «От частых их набегов и завоеваний до основания были разрушены многие русские города и поросли они быльем и травой, так что стали неузнаваемы». Казанцы оскверняли монастыри и храмы, «и чинили они насилие над пленными женщинами и девицами». Они «расстригали молодых инокинь, и насилывали их, как простых девушек, и брали их себе в жены»⁹⁰.

После детального рассказа об этих зверствах казанский летописец восклицал: «О солнце, како не померче и сияти не преста! Как луна не преложися в кровь, и звезды, яко листвие от древес, на землю како не низпадоша!». В заключительной части он пришел к характерному для христианской литературы выводу, что «бе скорбь велика в Руской земли и велико стенание, и рыдание, и везде произхождаше плач велегласен и горек, и неутешим от языка погана и неправедна, студа и злобы исполнен, от человек, сердцы милости не имущих»⁹¹.

⁸⁸ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 115; Т. 20. С. 441–442; Т. 29. С. 28, 131.

⁸⁹ Там же. Т. 26. С. 317.

⁹⁰ Казанская история. С. 338.

⁹¹ Там же. С. 340.

Весь приведенный рассказ имеет сходство с текстом книги пророка Исаии⁹². Г.З. Кунцевич выявил также текстуальные совпадения известия казанского летописца с «Повестью о разорении Рязани Батыем» и «Повестью о взятии Царьграда»⁹³. В основе этих произведений лежит все та же ветхозаветная книга пророка Исаии, рассказывающая о нашествии, которое обрушится от Бога в наказание за грехи. В конце этого пророчества говорится, что богоизбранный народ будет помилован, избавится от рабства «и будет господствовать над угнетателями своими»⁹⁴.

Таким образом, рассказ «О пленении казанцами Русской земли» был призван не просто описать картину бедствий, но и объяснить причины несчастий, заключавшихся в греховности людей. Очевидно, что автор «Истории» указал и на дальнейшую судьбу православного народа, обозначив predeterminedность завоевания Казани русскими.

В своих суждениях казанский летописец был не одинок: о тяжелых последствиях татарских набегов того периода писали и составитель Степенной книги, и князь Андрей Курбский, и ряд других книжников⁹⁵. Скорее всего, все эти размышления современников, помимо того, что служили оправданием для покорения Казани, имели под собой серьезные основания: военные походы Сафа-Гирея и в самом деле нанесли ощутимый урон приграничным землям. Это подтверждается и грамотами самого казанского хана, направленными польско-литовскому господарю в 1538–1545 годах⁹⁶. Сафа-Гирей сообщал Сигизмунду I об успешных действиях против общего врага: «Землю московского звоевал и спустошил сам своею головою: зо всим своим войском был и замки есми иншии побрал, а иншии попалил, и со всим войском своим был есми за Окою рекою далеко в земли неприятельской». В результате этих активных действий казанцам даже удалось подчинить Вятскую землю, обложив

⁹² См.: Ис. 13: 6–10, 15–16, 18.

⁹³ Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве или Казанский летописец. СПб., 1905. С. 315–317.

⁹⁴ Ис. 14: 2.

⁹⁵ См.: ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 129; Т. 20. С. 451; Т. 21. С. 638–639; Т. 29. С. 35; Сказания князя Курбского. СПб., 1868. С. 7–8, 173; Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве... С. 308–313.

⁹⁶ Мустафина Д. Послание царя казанского // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1997. № 1/2. С. 31.

ее данью. Далее хан сообщает королю об успешных набегах сорокатысячной казанской рати под предводительством «Козучак-улана» в Муромскую землю, семидесятитысячного войска «Ямурч аталыка» в Мещеру и Балахну, десяти тысяч казанцев на «замок касимовского царевича» «на имя Намрлын» и «Ахмагма улана з сорокма тысячами людей». «И оный слуги наши, вшедши в землю неприятельскую, воевали и пустошили и сожгли (те места. – А.А.) и зася до нас в целости пришли со всим своим пожиточным». Еще один поход на Муром был организован под предводительством самого Сафа-Гирей, который взял с собой представителя польско-литовского правителя «толмача Афендея, абы он тую послугу нашу (казанского хана. – А.А.) видел и перед вашои милостью отцем моим (Сигизмунду I) поведал». На этот раз казанские отряды дошли до Владимира и Костромы «и, пустошивши землю его (великого князя. – А.А.), зася пришли в целости до нас»⁹⁷.

Вероятно, хан Сафа-Гирей активизировал боевые действия, выполняя союзнические обязательства перед Сигизмундом I, который в 1534–1537 гг. воевал против Москвы. В этом ракурсе послание казанского хана польско-литовскому правителю было своеобразным отчетом о борьбе с общим врагом. Вместе с тем, Сафа-Гирей подчеркивал свою готовность сохранить союзнические отношения с Сигизмундом I и просил у него тысячу золотых для раздачи ногайским и астраханским татарам, участвовавшим в набегах на великокняжеские земли⁹⁸.

Русское правительство предприняло ряд мер оборонительного и наступательного характера. По данным Разрядной книги, в 1537 г. во Владимир, Муром, Нижний Новгород, Кострому и Галич были направлены дополнительные силы, которые возглавляли как русские воеводы, так и татарские служилые царевичи⁹⁹. Здесь же сохранилась запись, что в сентябре 1537 г. великий князь Иван IV и его мать, великая княгиня Елена, приказали к весне 1538 г. отправить в поход на Казань большое войско, состоявшее из двух ратей и десяти полков. Но поход не состоялся, так как казанский хан прислал в Москву с мирным предложением «своего человека Усеина»¹⁰⁰.

⁹⁷ Там же. С. 34.

⁹⁸ Там же. С. 35.

⁹⁹ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 91–92.

¹⁰⁰ Там же. С. 93.

Официальные летописи, в отличие от Разрядной книги, говорят о значительной роли крымского хана Сахиб-Гирея в вопросе мирного урегулирования московско-казанских отношений и содержат сравнительно много известий, касающихся мирных переговоров. Согласно им, в ноябре 1537 г. в Москву прибыла мирная делегация от крымского хана Сахиб-Гирея, предложившего в своей грамоте Ивану IV быть «в дружбе и братстве», как хан Менгли-Гирей был с Василием III, «а князь бы велики помирися нас для с Сафа Киреем царевичем, что он на Казани»¹⁰¹.

Известие указывает на одну из причин московско-казанской войны: официальные летописцы назвали Сафа-Гирея «царевичем», а не «царем» – обладателем ханского престола. Следовательно, русское правительство отказывалось признавать Сафа-Гирея казанским ханом, что могло вызвать агрессивные действия последнего.

В декабре 1537 г. из Крыма прибыл ханский посланник, мурза Будалый, сообщивший, что Сахиб-Гирей хочет быть с Иваном IV «в крепкой дружбе и в братстве», также как Менгли-Гирей был с Иваном III и Василием III, чтобы быть для друга великого князя другом, а для недруга – недругом и на всех недругов «быти заедин». Московское правительство приняло это предложение и отправило в Крым сына боярского Григория Савина с грамотой, в которой Иван IV соглашался быть «в дружбе и в братстве любовном»¹⁰².

Исходя из контекста официальных сообщений, можно предположить, что великий князь и крымский хан решили не только заключить мир, но и установить союзнические отношения, подобные тем, которые существовали между Иваном III и Менгли-Гиреем. Дабы сохранить дружбу, Сахиб-Гирей просил государя не посылать войска к Казани и заключить мир с Сафа-Гиреем. Боярская дума ради установления союзнических отношений с Крымом отменила поход на Казань, отпустив туда в феврале 1538 г. вместе с посланником крымского хана «своего человека» Гордея Береицына. В ответ Сафа-Гирей прислал «своего человека Усеина князя с грамотою». По поводу содержания грамоты книжники скупно заметили, что в ней хан просил великого князя о мире¹⁰³.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 121. См. также: Т. 20. С. 445; Т. 29. С. 31.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 122; Т. 20. С. 446; Т. 29. С. 31–32.

В апреле 1538 г., после смерти великой княгини Елены, московское правительство отправило в Казань другого «своего человека» Юшку Григорьева с грамотой, что великий князь «хочет со царем помириться». Иными словами, Иван IV, признавая Сафа-Гирея «царем», желал установить мирные отношения. В мае Сафа-Гирей прислал в Москву для переговоров другого «своего человека» – ключника Кул-Ахмета. В июне в Казань был послан «свой человек» Никита Борисов с грамотой, в которой говорилось, что великий князь «посылает ко царю своего посла Игнатия Иванова сына Яхонтова». Однако московским послам было велено идти только до Нижнего Новгорода и ждать там дальнейших указаний. Так, продолжился обмен «своими людьми», не имевшими посольских полномочий. Москвичи и казанцы требовали друг от друга послов до тех пор, пока в конце октября русское правительство не решилось отправить из Нижнего Новгорода в Казань посольство Игнатия Яхонтова¹⁰⁴.

По сообщению официальных книжников, этот шаг не вызвал реакции Сафа-Гирея, поэтому в апреле 1539 г. в Казань от имени Ивана IV была направлена грамота со следующим содержанием: «По многomu прошению брата нашего Саип Гирея царя Крымского послал наперед своего посла, а ты к нам не пошлешь своих послов добрых людей». Спустя некоторое время в Москву явилось крымское посольство, сообщившее, что Сахиб-Гирей «правду учинил» – подписал соглашение о союзнических отношениях. Но с Сафа-Гиреем было сложнее договориться: в июле 1539 г. состоялся очередной обмен «своими людьми» и грамотами с некоей информацией о больших послах, и только в августе казанский хан известил Кремль о том, что отправляет в Москву «больших послов» во главе с Аппай-уланом. Однако после того как казанцы получили от великого князя грамоты, гарантировавшие безопасность их послов, они не стали отправлять посольство, заявив, что прошел слух о приготовлении москвичей к войне с Казанью¹⁰⁵.

В конечном счете, мирные переговоры зашли в тупик. Основываясь на вышеприведенных известиях, сложно сделать вывод о причинах провала переговоров, поскольку эти сообщения несут поверхностную информацию, не раскрывая полное содержание ди-

¹⁰⁴ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 122–126; Т. 20. С. 447–449; Т. 29. С. 32–34.

¹⁰⁵ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 127; Т. 20. С. 450–451; Т. 29. С. 35–36.

пломатических документов и утаивая суть происходившего. К сожалению, не уцелели и сами посольские акты, и другие независимые источники, подтверждающие или дополняющие официальную версию. Однако можно сказать, что это были весьма сложные переговоры. С одной стороны, Московское правительство согласилось признать Сафа-Гирея казанским ханом, с другой – остается неясным, на каких условиях был сделан этот шаг.

Возможно, речь шла об известной нам «правде», хотя в данном случае нет даже намек на указанное обстоятельство. Москвичи вели переговоры о мире с крымцами и казанцами, одновременно поддерживали ногайцев, воевавших с Крымом, разрешая им торговать на Руси и жалуя их за службу¹⁰⁶. Согласно Д.А. Котлярову, Сафа-Гирей избегал заключения неравноправного мирного договора с Москвой, «всеми средствами затягивая переговорный процесс и не давая в то же время повода для военного вторжения Русского государства на земли булгаро-татар»¹⁰⁷. Но невозможно однозначно утверждать, кто был более всего заинтересован в переговорах: вероятно, казанцы и крымцы оттягивали время для нанесения очередного удара, при этом вполне очевидно, что и правительству Ивана IV требовалось время для урегулирования отношений с Литвой и приобретения союзников в лице ногайцев.

Любопытные документы, касающиеся данной проблематики, сохранились в посольском архиве. В конце 1537 г. Сахиб-Гирей предостерегал Ивана IV от походов на Казань и требовал не брать дани с ее народа, в противном случае обещая заступиться за Сафа-Гирея и свой «юрт», устроив набег на Русь. Боярская дума отреагировала отменой похода на Казань. При этом крымскому хану был дан ответ, что к Сафа-Гирею посланы грамоты с предложением мира на условиях зависимости Казани от Москвы. По словам бояр, Казанское ханство принадлежит московским государям, так как еще Иван III «милостью божию Казань взял и царя свел» – подобно тому, как до него ордынские правители захватывали эти земли, становясь их хозяевами. В конце своего обращения к Сахиб-Гирею бояре призвали хана, помня свою «старину», не забывать их «старину»¹⁰⁸.

¹⁰⁶ См.: Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 122–127; Т. 20. С. 445–453; Т. 29. С. 31–37.

¹⁰⁷ Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья... С. 114–115.

¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп.1. Кн. 8. Л. 416–425.

В ноябре 1538 г. пришла еще одна грамота из Крыма. По словам Сахиб-Гирея, великий князь помог Мухаммад-Амину отнять престол у Ильхама, «ино тем ли он его на царство посадил, что помочь свою ему дал». Далее хан напомнил о том, как Улу-Мухаммад пленил Василия II и получил возможность захватить княжеские земли, но «он его простил, и горсти крови пощадел, и все то презрел и Москву ему опять отдал». Крымская сторона призывала вспомнить «прошлое добро», прислать «больших послов» в Казань и мир «учинить», в противном случае хан угрожал войной¹⁰⁹.

Дипломатические документы подтверждают точку зрения официальных летописцев относительно роли крымского хана в московско-казанских переговорах. Однако посольский архив демонстрирует совершенно иной тон отношений между Москвой, Крымом и Казанью. Если летописцы говорили о «просьбе» Сахиб-Гирея «быть в дружбе и братстве любовном», то дипломатические акты указывают на требования и обоюдно ультимативный характер переговоров: крымский хан грозился идти войной против Руси, а москвичи напоминали об уязвимости Казани перед лицом русского оружия. Причем, здесь же дается отличное от летописного обоснование законности великокняжеской власти над Казанским ханством. Подчеркивается, что еще Иван III взял этот юрт, подобно тому, как до него Казань брали ордынские ханы. Другими словами, власть Москвы над Казанью столь же законна, как и власть правивших там потомков Чингисхана. Несомненно, такой ответ был более понятен крымскому хану, чем, например, библейско-летописная концепция, оправдывающая подчинение «городов-грешников».

А.Б. Кузнецов, выставив на передний план письма с угрозами крымского хана, сделал вывод о том, что в 1530-е годы «явственно обозначаются черты мощного антирусского союза» мусульманских государств Восточной Европы, а «Казанское ханство становится одним из центров борьбы против Русского государства». По мнению ученого, «в этих условиях русское правительство стремится сделать максимум возможного для обеспечения безопасности страны, используя для этой цели весь доступный ему арсенал средств и методов»¹¹⁰. А.Б. Кузнецов подтвердил тезис о мощном антирусском сою-

¹⁰⁹ Там же. Л. 487 об.–493 об.

¹¹⁰ Кузнецов А.Б. Казанский вопрос во внешней политике Елены Глинской... С. 77.

зе лишь заявлениями Сахиб-Гирея, угрожавшего турецким вмешательством в московско-казанские отношения. Однако, как показала дальнейшая история, это был дипломатический блеф: ни Крым, ни, тем более, Османская империя не смогли оказать серьезной помощи Казани. При этом историк проигнорировал сведения, напрямую выражающие цели правительств, участвовавших в конфликте.

Из представленных дипломатических документов можно почерпнуть и информацию об условиях мира, на которых настаивали стороны. Интересы Боярской думы отражены в следующем предложении: «Мы держать его (Сафа-Гирея. – А.А.) будем царем в Казани, как дед и отец наш»¹¹¹. Возможно, данная формулировка по смыслу соответствует летописной «правде», которая и была установлена в отношениях с Казанью Иваном III, а затем подтверждена и «расширена» договорами Василия III с Шах-Али и Джан-Али. Значит, русское правительство требовало от Сафа-Гирея править в соответствии с волей великого князя – как во внутренних, так и во внешних делах. К тому же Иван IV, по словам крымского хана, хотел получить от казанцев дань. Такому положению противились Сафа-Гирей и Сахиб-Гирей, призывавшие великого князя к «братству». Вероятнее всего, данное противоречие было основной причиной провала мирных переговоров.

По сведениям Разрядной книги, весной 1540 г. казанцы возобновили военные действия, совершив набег на костромские земли¹¹². Официальные летописцы середины XVI в. писали, что в декабре 1540 г. Сафа-Гирей совершил вместе с крымцами и ногайцами поход на Муром. Казанский хан два дня пытался захватить город, пока к нему не пришла весть, что на помощь к горожанам идут хан Шах-Али с касимовскими татарами и воеводы из Владимира. Книжники заключили, что в результате этого набега татары пленили множество христиан и сожгли села и церкви близ Мурома¹¹³. Со-

¹¹¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 420.

¹¹² Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. С. 284; О боях с казанцами «на Солдоге» сохранилось уникальное известие в кратком летописце конца XV – начала XVII века. См.: Корецкий В.И., Морозов Б.Н. Летописец с новыми известиями конца XV – начала XVII в. // Летописи и хроники: 1984 г. М., 1984. С. 212.

¹¹³ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 135; Т. 20. С. 455–456; Т. 29. С. 38–39.

гласно данным Хронографа, Сафа-Гирей с тридцатитысячным войском опустошил окрестности Мурома, Стародуба и Владимира¹¹⁴.

Летописи напрямую не указывают, что Сафа-Гирей действовал по договоренности с Сахиб-Гиреем, так как последний до лета 1541 г. вел переговоры с Москвой, в который раз подтверждая свое намерение быть с великим князем «в сердечней дружбе до своей смерти»¹¹⁵. Однако в июле 1541 г. Сахиб-Гирей организовал большой поход на Русь, рассчитывая, что основная часть русских войск находится на казанском направлении. Практически все официальные летописцы писали, что крымский хан, увидев на противоположном берегу р. Оки многочисленное русское войско, благодаря Божьей милости, испугался и бежал восвояси¹¹⁶. Большое значение этому событию придал автор Воскресенской летописи, который сравнивал набег крымского хана с походом на Русь Тамерлана. В данном случае говорится, что многие московские воеводы стояли на казанском направлении, но даже в таких условиях русские воины, проявив храбрость, не дали крымцам перейти через Оку. По мысли летописца, Господь вступился за православных и вселил страх в душу Сахиб-Гирея, также как когда-то, спасая Русскую землю, сотворил с Тамерланом¹¹⁷.

В Разрядной книге находим запись, что летом 1541 г. крупное войско под предводительством князя И.В. Шуйского действительно было направлено во Владимир для «казанского дела»¹¹⁸. В Воскресенской и Никоновской летописях сохранилось известие, проясняющее суть этого «дела»: в мае 1541 г. в Москву явилось пять знатных казанцев во главе с Чабыкеем от князя Булата. Они просили помощи великокняжеских воевод для осуществления переворота против Сафа-Гирея, так как хан принес казанцам много вреда, передав их ясаки крымцам, разорив «земских людей» и постоянно отправляя казну в Крым¹¹⁹. Хотя в марте 1542 г. царевна Гоухаршад и тот же князь Булат прислали великому князю и Боярской думе грамоту, в которой

¹¹⁴ Там же. Т. 22. Ч. 1. С. 525.

¹¹⁵ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 136; Т. 20. С. 456; Т. 29. С. 39.

¹¹⁶ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 138–139; Т. 20. С. 457–458; Т. 29. С. 40–41.

¹¹⁷ Там же. Т. 8. С. 295–301.

¹¹⁸ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. С. 294.

¹¹⁹ ПСРЛ. Т. 8. С. 295; Т. 13. Ч. 1. С. 99–100; Аналогичный текст читается в Пискаревской летописи. См.: Т. 34. М., 1978. С. 173.

просили Ивана IV примириться с Сафа-Греем¹²⁰. В июне Сафа-Гирей прислал в Москву «своего человека» с грамотой о мире¹²¹.

Логичное объяснение случившемуся дал Д.А. Котляров, считавший, что казанцы, уставшие от крымского засилья, при поддержке русских решили свергнуть Сафа-Гирея. Однако, по словам ученого, опиравшегося на наблюдения И.И. Смирнова, в январе 1542 г. князь И.В. Шуйский при свержении Бельских воспользовался поддержкой войск, стоявших под его командованием во Владимире для «казанского дела»¹²². Из-за этого поход на Казань не состоялся, а казанские заговорщики, чутко реагируя на политические события в русской столице, решили отказаться от планов по свержению Сафа-Гирея¹²³.

Внутриполитическая борьба в Русском государстве, бесспорно, сказалась и на московско-казанских отношениях. К тому же вполне вероятно, что казанцы обратились к мирным переговорам, осознавая опасность сложившейся ситуации: после того, как москвичи отразили крупный набег крымцев и заключили семилетнее перемирие с Литвой¹²⁴, появилась возможность сконцентрировать силы в восточном направлении.

Симптоматично, что и правительство Ивана IV выразило желание примириться с Сафа-Гиреем, отправив к нему в июле 1542 г. «своего человека» Никиту Чютова с грамотой, в которой великий князь просил хана прислать в Москву «больших послов добрых людей»¹²⁵. Возможно, москвичи не собирались продолжать крупномасштабные боевые действия в условиях внутриполитической нестабильности. Однако переговоры не привели к миру. В 1545 г. начался очередной виток московско-казанских войн. Скорее всего, и на этот раз русское правительство было настойчиво в своем требовании установить «правду», что означало политическую зависимость. В свою очередь, и сторонники власти Сафа-Гирея в Казани не поступились принципами «братских» отношений.

¹²⁰ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 142; Т. 20. С. 460; Т. 29. С. 42.

¹²¹ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 143; Т. 20. С. 461; Т. 29. С. 43.

¹²² Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х гг. XVI в. М.; Л., 1958. С. 95.

¹²³ Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья... С. 116–117.

¹²⁴ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 142; Т. 20. С. 460; Т. 29. С. 42.

¹²⁵ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 143. См. также: Т. 20. С. 462; Т. 29. С. 43.

§ 4. «О Казанской войне, как началась от великого князя Ивана»: военно-дипломатическое противостояние 1545–1546 гг.

В историографии прочно утвердилось мнение, согласно которому война, принесящая окончательную победу над Казанью, началась в 1545 году¹²⁶. Подобный взгляд сложился, преимущественно, под влиянием известий московского летописания, представляющих основную группу источников по указанной проблеме.

В официальных летописях, составленных в 50–60-е гг. XVI столетия, статья, посвященная событиям 1545 г., имеет следующий заголовок: «О Казанской войне, как началась от великого князя Ивана»¹²⁷. Следовательно, по представлениям некоторых современников, победоносная война началась под предводительством великого князя в 1545 году. Стоит учесть, что перед нами взгляд книжников, знавших об исходе противостояния, писавших свои труды уже после покорения Казани. Хотя, возможно, в 1545 г. русское правительство еще не намеревалось полностью ликвидировать Казанское ханство и преследовало другие цели.

По сообщению официальных сводов, в апреле 1545 г. Иван IV послал налегке в стругах полки С.И. Пункова, И.В. Шереметьева, Давида Палецкого и В.С. Серебряного. Одна часть войск спустилась к Казани по Волге, а другая – прибыла из Вятки. Воеводы «побили» много казанцев и «кабаки царева пожгли», а дети боярские ходили на р. Свягу, где убили сына князя Тевекеля, Муртазу, с семьей. Все воины вернулись к великому князю «здравы» и были пожалованы тем, что пожелали¹²⁸.

Летописцы продолжили свой рассказ известием о том, как после похода 1545 г. в Казани началась «рознь»: хан Сафа-Гирей обвинил князей в измене, решив, что они приводили воевод великого князя на

¹²⁶ Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549) // Труды МГИАИ. М., 1954. Т. 6. С. 236; Алишев С.Х. Казань и Москва... С. 96; Рахимзянов Б. Русские летописи о правлении касимовских ханов в Казани... С. 159; Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья... С. 118.

¹²⁷ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 146. См. также: Т. 20. М., 2005. С. 464; Т. 29. М., 1965. С. 46.

¹²⁸ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 146; Т. 20. С. 464; Т. 29. С. 46.

казанские земли, и принялся казнить их. В результате этого часть князей бежала к Ивану IV, а остальные отправились в иные земли¹²⁹.

По сообщению тех же источников, в июле 1545 г. казанские князья Кадыш и Чура Нарыков прислали в Москву галичского сына боярского В.Д. Бортенева с предложением выдать хана и тридцать крымцев великому князю, если последний направит в Казань воевод. В ответ Иван IV отправил казанцам грамоту со своим жалованием, «чтобы они царя изымали и держали, а князь великы к ним рать пошлет»¹³⁰.

В январе 1546 г. во Владимир к Ивану IV от посла в Казани Игнатия Яхонтова приехал Р.Б. Мордвинов с грамотой, с ним же прибыл «свой человек» Гамет-Шейх с грамотой от сеида Биюрмана, князя Кадыша и Чуры Нарыкова. В грамоте Игнатия Яхонтова речь шла о том, что казанцы «согнали» Сафа-Гирея и «побили» многих крымцев. Казанскому посланнику было приказано ехать в Москву, туда же для вынесения решения вернулся великий князь. В грамоте Гамет-Шейха говорилось следующее: «Сеит, и уланы, и князи, и мырзы, и шихи, и шихзады, и долышманы, и вся земля Казанскаа биють челом государю, чтобы их государь пожаловал, гнев свой Казанской земле отложил, и пожаловал бы их, дал им на Казань царя Шигалеа, и послал бы своего сына боярского привести сеита, и уланов, и князе, и всю землю Казанскую к правде». С великокняжеским жалованием и для того, чтобы привести казанцев к «правде», в Казань был послан Астафий Андреев¹³¹.

15 марта 1546 г. Астафий Андреев вернулся в Москву с вестью о том, что все казанцы «великому князю правду учинили, что им от великого князя и от Шигалеа неотступным бытии до своих животов». Вместе с ним пришли казанские послы, просившие Ивана IV немедля пожаловать Шах-Али ханским престолом. 7 апреля Шах-Али отправился в Казань вместе с боярами Д.Ф. Бельским, Д.Ф. Палицким и дьяком Постником Губиным, однако только 13 июля «князь Дмитрий Феодорович Бельской с товарищи царя на царство посадили». Затем Шах-Али отпустил в Москву посла Игнатия Яхонтова и больших казанских послов, среди которых летописцы

¹²⁹ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 147; Т. 20. С. 464; Т. 29. С. 46.

¹³⁰ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 147. См. также: Т. 20. С. 465; Т. 29. С. 47.

¹³¹ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 147–148; Т. 20. С. 465; Т. 29. С. 47–48.

упомянули мурзу Чапкына, улана Алабердея, князя Тевекеля и бакшея Агиша¹³².

Вскоре после того, как бояре оставили Казань, пришла весть, что казанцы, изменив великому князю и новоявленному хану, привели на р. Каму Сафа-Гирея, а Шах-Али сбежал из города. Узнав о случившемся, Иван IV послал воевод «на поле» и на р. Вятку встречать Шах-Али, который, спустившись вниз по Волге, двигался по суше в направлении Руси. По возвращении Шах-Али отправил грамоту великому князю, где сообщил об измене казанцев и их намерении выдать его Сафа-Гирею. Согласно заключению летописцев, Шах-Али просидел на казанском престоле всего один месяц¹³³.

Официальные книжники показали, что за короткое время казанцы дважды совершили переворот. Причем, по их формулировке, Сафа-Гирея «согнали», а Шах-Али «изменили», то есть власть последнего была законной. В первом случае смена власти стала следствием неоправданных гонений со стороны хана после похода воевод на казанские земли, и виновником случившегося выставлялся Сафа-Гирей. Другое дело – Шах-Али, который был законным правителем (сел на трон по нормам «правды») и лишился ханского престола в результате «измены». А «измена» для христианина, как уже говорилось, не столько является следствием обстоятельств, сколько вырастает из негативных сущностных черт личности или целого народа. Таким образом, по мысли официальных летописцев, Иван IV, начиная войну, как и его предки, преследовал цель установить «правду» в московско-казанских отношениях, однако вновь подтвердилось, что казанцы не могут долго жить в «правде», так как они – «неправедный» народ, и потому склонны к измене. В итоге приведенные сообщения еще раз склоняют читателя к мысли о необходимости окончательного покорения Казани.

Известие Русского хронографа о начале московско-казанской войны 1545–1552 гг. существенно отличается от официальной версии. В Хронографе, помимо рассказа об успешном походе воевод в 1545 г., находим сообщение об ответном набеге казанцев. Зимой того же года казанцы под предводительством князя Аманака и Чуры Нарыкова напали на Владимирские земли, из города вышли полки

¹³² Там же.

¹³³ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 148–149; Т. 20. С. 467; Т. 29. С. 48.

И.В. Воронцова и других воевод, в ходе сражения погиб А.П. Головин. В то же время из Мурома выдвинулся А.Б. Горбатый с войском, но, по выражению летописца, воеводы «не успе им ничего». На обратном пути, у Гороховского острога, казанцы столкнулись с местными жителями, гороховцы захватили князя Аманака и хотели побить камнями воеводу Фоку Воронцова за то, что он не вывел отряд против татар¹³⁴.

Согласно Хронографу, в 1546 г. казанцы согнали с престола Сафа-Гирея и просили великого князя «пожаловать» на ханское место Шах-Али. Иван IV отправил в Казань Шах-Али с боярами Д.Ф. Бельским, Д.Ф. Палецким и с дьяком Постником Шубиным, а казанцы обещали быть «во всей воли великого князя». «Тое ж осени Казанския князи и мурзы великому князю изменили: привели на Казань опять царя Сафа-Кирея, а царь Шигалей из Казани збежал к великому князю здорова»¹³⁵.

Автор Русского хронографа, в отличие от составителей официальных сводов, не выделил поход 1545 г. отдельным заголовком, а потому не обозначил 1545 г. как начало заключительного этапа московско-казанского противостояния и не подчеркнул особую роль Ивана IV в войне. Он не указал на внутренние распри, возникшие в Казани после успешного похода великокняжеских воевод 1545 года. Более того, его сообщение об ответном походе князя Аманака и Чуры Нарыкова не согласуется с известием московских книжников о внутривосточном конфликте в ханстве. Впрочем, Хронограф, как и официальные своды, демонстрируя попытку великого князя мирно решить вопрос и акцентируя внимание читателя на том, что за этим последовала измена со стороны казанцев, обосновывает идею о неизбежности военного столкновения.

Другие по характеру источники – памятники русско-ногайских отношений – дают иное представление о событиях, заостряя внимание читателя на внутривосточных обстоятельствах. В июле 1549 г. в своем обращении к Ивану IV мурза Юсуф писал, что Сафа-Гирей пришел править в Казань с тридцатью крымцами, но через несколько лет привел много нагих, голодных крымцев и «пачал над Казанскими людьми насильство чинити». Не стерпев этого, казанцы

¹³⁴ Там же. Т. 22. Ч. 1. С. 525–526.

¹³⁵ Там же. С. 526.

вновь изгнали Сафа-Гирея, который обратился за помощью к мурзе Юсуфу. Свое решение помочь Сафа-Гирею войсками ногайский мурза объяснял тем, что отец Сафа-Гирея некогда «добро учинил» мурзе Шигиму – его старшему брату¹³⁶.

В письме ногайских мурз, адресованном Ивану IV и датированном июлем 1551 г., сообщается, что хан Сафа-Гирей принял над казанцами «насильство делати»: начал забирать доходы, которые должны были передаваться по наследству от отца к сыну и от старшего брата – к младшему. Вдобавок ко всему, хан вел долгую войну с Москвой, против чего выступали казанцы, в результате они «отступили» от хана и, «выехав вон», стали биться с крымцами. В ходе боины часть крымцев убили, «а иных многих прогнали». Сафа-Гирея оставили «с немногими людьми» в живых, хан вместе с астраханским сеидом Мансуром бежал в Астрахань. Некоторое время спустя Сафа-Гирей, взяв войско у астраханского хана, вернулся налегке под Казань в надежде, что «князи и лучие люди его похотят». Поняв, что казанцы его не примут, он напал на город, «да ничего не учинил, да и побегал, да и приехал к отцу нашему к Юсуфу Князю»¹³⁷.

Далее ногайские мурзы подчеркивали, что Сафа-Гирей был им недругом, из-за чего они задумали убить его. Но Сафа-Гирей «слезно молил» князя Юсуфа предоставить ему людей для похода на Казань, он заверял ногайцев, что многие казанцы станут на их сторону, пообещал взять ногайских жен и детей и передать Юсуфу Горную и Арскую земли. Юсуф дал войско Сафа-Гирею. Согласно словам мурз, по дороге, вспомнив о былой розни между Хаджи-Гиреем и их предками и о том, как Сафа-Гирей расправился с Джан-Али и взял за себя их сестру Сююмбике, они решили убить Сафа-Гирея и вступить в братские отношения с Шах-Али, выдав за него Сююмбике. Однако, когда войска подошли к Казани, Шах-Али сбежал из города, «а земля стояла без Царя и без Государя», поэтому ногайцы не покончили с Сафа-Гиреем. Восемь дней они осаждали город, но «добрые Казанские люди» к ним не выехали, приехали только «худые», после чего ногайцы, взяв Казань, передали ее Сафа-Гирею¹³⁸.

¹³⁶ Продолжение грамот великаго Князя Иоанна Васильевича к Ногайским Мурзам и их к великому Князю Иоанну Васильевичу. С. 141–143.

¹³⁷ Там же. С. 270–272; См. также: Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань, 2006. С. 58–59.

¹³⁸ Там же. С. 272–274.

Письма во многом схожи, однако второе послание, уточняя причины недовольства казанцев и описывая расправу с крымцами, детализирует некоторые обстоятельства произошедшего и приводит сообщение об астраханском вмешательстве. Рассказ о том, что ногайцы хотели выдать Сююмбике за Шах-Али и установить союзнические отношения, скорее отражает намерения, созревшие к 1551 г., нежели их политику, проводившуюся при жизни Сафа-Гирея. Иными словами, рассмотренные дипломатические документы были призваны объяснить некоторые «антимосковские» действия ногайцев и, указав на существование традиции доброжелательных отношений, заключить союз с Москвой через установление родственных связей с Шах-Али. С другой стороны, данные письма были составлены в то время, когда правительство Ивана IV усилило военное давление с целью окончательного покорения Казанского ханства. Возможно, этим вызван тон писем, в которых ногайские мурзы, описав несправедливую и разорительную политику к тому моменту покойного Сафа-Гирея, пытались оправдать казанцев перед лицом царя для того, чтобы ослабить натиск русских на Казань. Согласно В.В. Трепавлову, отношения Сафа-Гирея с ногайцами были испорчены после того, как казанский хан не выполнил обязательства, данные Юсуфу в обмен на военную помощь¹³⁹.

Подробный рассказ о свержении Сафа-Гирея и кратком правлении Шах-Али составил автор «Казанской истории». По его словам, Сафа-Гирей обижал казанцев, больше обогащая и почитая выходцев из Крыма, за что был изгнан из Казани. Сафа-Гирей бежал к ногайскому князю Юсуфу и через некоторое время, вернувшись с ногайским войском, пытался захватить Казань, но без стенобитных орудий взять крепость не удалось, поэтому пришлось ограничиться грабежом и уйти в степи¹⁴⁰.

Создатель «Истории» подчеркивал, что казанцы со злым умыслом пригласили Шах-Али на престол – таким способом они намеревались положить конец его частым набегам на казанские земли. К тому же, казанцы не могли долго жить без «царя», но не все сразу высказались за кандидатуру Шах-Али: часть людей отдавала предпочтение крымским царевичам, другие хотели получить хана от ту-

¹³⁹ Трепавлов В. Падение Казанского ханства и Ногайская Орда. С. 183.

¹⁴⁰ Казанская история. С. 342.

рецкого султана, третьи высказывались за возвращения Сафа-Гирея. В конце концов, казанцы решили, что настало подходящее время для обмана московского самодержца и пригласили Шах-Али. Иван IV, по юности своей, отбросив предостережения верных людей, прислушался к уговорам «льстивых советников» и отправил в Казань Шах-Али. Шах-Али заключил договор с казанцами, по которому татары обязались не убивать хана, а тот, в свою очередь, обещал не брать с собой большого войска и не преследовать казанцев за прежние дела. Вскоре он подошел к Казани с 3 тысячами «своих варваров» и с двумя воеводами – Дмитрием Бельским и Дмитрием Палецким, которых сопровождали 1000 «слуг и домочадцев». Казанцы встретили людей великого князя с оружием в руках, Шах-Али с сотней мурз и князей заключили в темницу, а остальных касимовских татар перебили, но воевод не тронули: одного из них отпустили в Москву, другого оставили жить у себя на посаде¹⁴¹.

По замечанию летописца, казанские князья со дня на день собирались убить Шах-Али, однако у него был доброжелатель Чура Нарыков, который, имея большую власть, откладывая день казни хана и предлагал ему побег. Во время одного из праздников Шах-Али созвал к себе в царские палаты всех казанских вельмож, правителей, купцов, воинов, зажиточных людей и простых горожан и напоил их вином. Казанцы захмелели до такой степени, что их можно было всех перебить, но хан до этого не додумался, он убил своими руками только знатнейших князей и мурз и арестовал богатых вельмож¹⁴².

Далее автор «Истории», противореча собственному сообщению, представил иной исход побега: ночью, когда все горожане были уже пьяны, князь Чура освободил Шах-Али, вывел его из Казани и проводил до берега Волги. Шах-Али, воевода князь Дмитрий и их «отроки» бежали в быстроходных стругах, оставив всю казну, ничего не имея за душой. Притом они обещали в назначенном месте дожидаться князя Чуру, пожелавшего перейти на службу к Ивану IV, но не выполнили обещания, оставив своего спасителя на растерзание казанцам. После бегства Шах-Али казанцы отправились за Сафа-Гиреем к ногайцам, Сафа-Гирей охотно вернулся на ханский престол и был встречен с почестями¹⁴³.

¹⁴¹ Там же. С. 344–346.

¹⁴² Там же. С. 346–348.

¹⁴³ Там же. С. 350–352.

В приведенном рассказе, в отличие от сообщений официальных летописей, негативной характеристики удостоились не только казанцы и Сафа-Гирей, но и Шах-Али. Во-первых, Шах-Али убил знатных князей на пиру, что, как говорилось в предыдущей главе, средневековые книжники относили к вероломному злодеянию. Во-вторых, здесь же летописец представил другой сценарий побега, в котором указал на предательство и неблагодарность Шах-Али по отношению к Чуру Нарыкову. По наблюдениям Г.З. Кунцевича, поздние редакции «Казанской истории» уже не содержат данные, негативно характеризующие Шах-Али¹⁴⁴, значит, подобная оценка вышла из-под пера создателя «Истории», а редакторы следующих поколений, привнося в текст новые сюжеты, пытались скорректировать искомую трактовку.

В целом, сообщение казанского летописца, уточняя некоторые обстоятельства, дополняет известия официальных сводов, хотя можно выделить и расхождения. Официальные книжники не говорили об аресте Шах-Али в Казани: по их словам, хан сбежал с престола, только когда пришла весть, что казанцы привели Сафа-Гирея, в то время как автор «Истории» писал о приглашении Сафа-Гирея уже после бегства Шах-Али. Если же принимать во внимание письмо ногайских мурз, то Шах-Али сбежал до прихода ногайцев, а казанцы приняли Сафа-Гирея в условиях военного давления: сначала Сафа-Гирей осуществил набег на Казань при поддержке войск астраханского хана Аккубека¹⁴⁵, а немного позже явился с ногайцами. Однако последнее утверждение противоречит сведениям официальных летописей и «Казанской истории», которые, обличая казанцев в грехопадении, акцентировали внимание на их «измене».

Согласно официальным летописям, 20 сентября 1546 г. на службу к Ивану IV прибыло 76 казанцев, среди них упоминаются князья Кулушь, Тереул, Бурнашь и братья Чуры Нарыкова. Их бегство из Казани было вызвано репрессиями Сафа-Гирея, который, убив князей Чуру Нарыкова, Баубека, Кадыша и других, «стал владеть Казанью с Крымскими князми». В декабре того же года черемисы Горной стороны прислали своих людей в Москву с просьбой направить великокняжеские войска в Казань и принять их на служ-

¹⁴⁴ Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве... С. 326.

¹⁴⁵ Зайцев И.В. Астраханское ханство... С. 138.

бу к государю. «По Горных людей челобитью» русские войска под предводительством князя А.Б. Горбатого совершили поход на казанские земли: «Въеводы ходили до Свияжского устья и Казаньские места многие повоевали и привели к Москве сто человек Черемись»¹⁴⁶. Разрядные книги уточнили, что челобитье было получено от сотника Горной черемисы Атачика, который обещал встретить воевод Ивана IV за Васильсурском и идти с ними к Казани¹⁴⁷.

Составитель Русского хронографа не знал о преследованиях Сафа-Гирея и массовом переходе казанцев на русскую службу, но рассказал о «челобитье Горных черемис» и походе А.Б. Горбатого на западные окраины Казанского ханства. Черемисы Горной стороны, помимо военной поддержки, для похода на Казань просили у Ивана IV прислать во главе войска Шах-Али, которому намеривались передать ханскую власть. Однако бояре отправили воевод на Луговую сторону, а Шах-Али непустили. Черемисы Горной стороны, придя к воеводам, узнали о том, что Шах-Али не явился и в основной массе вернулись восвояси, причем оставшихся «горных людей» воеводы привели в Москву¹⁴⁸.

Таким образом, Горные черемисы отправили челобитье с целью свергнуть с престола Сафа-Гирея и установить власть Шах-Али. Это утверждение противоречит точке зрения официальных книжников, считавших, что «горные люди» направили челобитье, намереваясь выйти из подчинения Казани и перейти на службу к Ивану IV. Однако именно сообщения московских летописцев легли в основу концепции добровольного вхождения чувашей и мариЙцев в состав России¹⁴⁹.

¹⁴⁶ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 149–150. См. также: Т. 20. С. 467–468; Т. 29. С. 49.

¹⁴⁷ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 110; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. С. 330.

¹⁴⁸ ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 526.

¹⁴⁹ См. напр.: Тихомиров М.Н. Присоединение Чувашии к Русскому государству // Советская этнография. 1950. № 3. С.93–106; Гусев Т.Г. Присоединение Чувашии к Русскому государству // Записки ЧНИИ. Вып. 4. Чебоксары, 1950. С. 50–82; Кузнецов И.Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Чебоксары, 1957. С. 34–37; Каховский В.Ф. Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории. Чебоксары, 1965. С. 447–450; Воробьев Н.И., Львова А.И., Романов И.Р., Симонова А.Р. Чуваши. Этнографическое исследование. Ч. 1. Чебоксары, 1956. С. 39–40; Паньков И.П. Чуваши в составе Казанского ханства // Материалы по истории Чувашской АССР. Вып. 1. Чебоксары, 1958. С. 102; Димитриев В.Д. Добровольное вхождение Чувашии в состав Рус-

§ 5. Венчание на царство и начало войны за «обретение царства»

Далее в официальных сводах следует статья о венчании Ивана IV на царство, согласно которой митрополит во всеуслышание благословил царя на покорение «варварских языков»¹⁵⁰. Так летописцы, вложив в уста Макария приведенные слова, указали на то, что в это время важнейшей внешнеполитической задачей Ивана IV было завоевание народов Казанского ханства. Венчание уравнивало статус Ивана IV с казанскими и астраханскими ханами¹⁵¹ и служило обоснованием для присоединения «Казанского царства», так как после 1453 г. только правителей Золотой Орды на Руси именовали «царями», и только «цари», в представлении русских книжников, могли быть законными властителями этих земель. Таким образом, принятие царского титула означало включение Ивана IV в борьбу за «ордынское наследство», то есть за объединение Улуса Джучи под своей властью.

В 1547 г. жителей Москвы постигли стихийные бедствия: произошло три пожара, последний из которых начался 21 июня и был назван великим. 26 июня вспыхнуло восстание «черных людей», и, в конце концов, 30 июля на город обрушился небывалый град размером с лесное яблоко¹⁵². По известиям Хронографа, весной началась «великая засуха», из-за которой уровень воды в реках упал так сильно, что царь не смог идти «х Казани в судех»¹⁵³. Здесь же говорится о том, как в условиях нехватки хлеба в городах Московской и Новгородской земель, царь «велел дань имати с сохи 12 рублей, и оттого крестьяном тегота была великая»¹⁵⁴. Следовательно, несмот-

ского государства // Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XX вв.). Чебоксары, 1986. С. 33; Рыбаков С.В. Предпосылки и условия вхождения народов Волго-Уральского региона в состав России // Россия и Удмуртия: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства. Ижевск, 2008. С. 269.

¹⁵⁰ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 150; Т. 20. С. 469; Т. 29. С. 50.

¹⁵¹ Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 9.

¹⁵² ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 152–154; Т. 20. С. 470–472; Т. 29. С. 51–54.

¹⁵³ Там же. Т. 22. Ч. 1. С. 526.

¹⁵⁴ Там же. С. 527.

ря на сложное положение, правительство Ивана IV нашло средства для реализации приоритетного направления внешней политики – продолжения «казанской войны».

По летописным известиям, уже осенью 1547 г. царь с митрополитом и боярами задумали поход на своего «недруга» Сафа-Гирея и «клятвопреступников» казанцев. Вместе с царем в военную экспедицию отправились хан Шах-Али, князь Д.Ф. Бельский, князь В.И. Воротынский и другие. Долгое время шли дожди, поэтому русские войска вышли из Владимира только 8 января 1548 года. 3 февраля царь с частью войск и артиллерией добрался до острова Роботки, где неожиданно началась оттепель, из-за чего многие пушки, пищали и люди попали в воду. Тогда Иван IV, отправив воевод и Шах-Али к Казани, вернулся в Нижний Новгород. Сафа-Гирей вышел навстречу русским, у города разгорелось сражение, в ходе которого воеводы, побив многих казанцев, загнали хана в крепость. Еще семь дней москвичи воевали под Казанью, после чего почти все «здравы» вернулись на Русь, погиб только Г.В. Шереметьев¹⁵⁵.

Хронограф лишь уточняет, что великокняжеские полки, захватив множество пленных, «повоевали» Луговую, Горную стороны и Арские земли вплоть до р. Камы. А в остальном его данные согласуются с представленными известиями¹⁵⁶.

Разрядные книги повествуют, что вместе с Иваном IV в походе участвовали московские бояре, окольные, дьяки и рынды¹⁵⁷. Царское войско состояло из 10 русских полков и татар хана Шах-Али и астраханского царевича Едигера. Иван IV со свитой дошел только до р. Роботки и вернулся во Владимир, так как дальше по Волге нельзя было идти, однако войска в том же составе продолжили поход на Казань¹⁵⁸.

Иных сообщений о зимнем походе 1547–1548 гг. не сохранилось, но даже на основании имеющихся сведений можно говорить о масштабности военной экспедиции. Впервые за многие годы в войне при-

¹⁵⁵ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 155–156; Т. 20. С. 473–474; Т. 29. С. 55.

¹⁵⁶ Там же. Т. 22. Ч. 1. С. 528.

¹⁵⁷ «Рында» – оруженосец. См.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб., 1912. Стб. 211.

¹⁵⁸ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 112–115; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. С. 341–347.

нял участие государь, помимо двух ратей с артиллерией, были мобилизованы все служилые татары, поэтому, вероятнее всего, целью похода являлось взятие Казани и свержение Сафа-Гирея. В итоге, по замечанию летописцев, царь со слезами вернулся во Владимир, потому как «не сподобил Бог его к путному шествию»¹⁵⁹. Природная стихия сделала невозможным продвижение артиллерии к Казани, город стал неприступным, следовательно, участие царя в войне потеряло смысл. По всей видимости, продолжение похода к стенам Казани без царя и артиллерии было актом грабежа и запугивания.

Официальные летописи рассказывают, что в октябре 1548 г. большое казанское войско под предводительством богатыря Арака напало на окрестности Галича. В погоню за ним выехал костромской наместник, который, наголову разбив неприятеля, убил Арака и полонил многих казанцев¹⁶⁰.

Перед нами ответный поход казанцев, в котором хан, обычно возглавлявший войска, не принял участие, сил одного наместника хватило на разгром вражеских полков, к тому же, по утверждению создателя Хронографа, отряд Арака насчитывал 3000 человек¹⁶¹, поэтому, очевидно, официальные книжники преувеличили масштабы набега.

21 марта 1549 г. в Москву пришла весть, что хан Сафа-Гирей «убился» в своих хоробах, а крымцы и казанцы «соодиначяся»¹⁶² посадить на ханский престол двухлетнего сына Сафа-Гирея, Утямыш-Гирея, и отправили послов в Крым просить помощи и «сверстного царя». Но казаки перехватили казанских послов, изъяли у них грамоты и никого в Крым не пустили. 6 июня от Утямыш-Гирея к Ивану IV прибыл «свой человек» Бакшанду с грамотой, прося мира. На это в Москве ответили, что если хан хочет мира – пусть пришлет «добрых людей»¹⁶³.

Автор «Казанской истории» не датировал события, однако показал обстоятельства смерти Сафа-Гирея. По его словам, хан, не

¹⁵⁹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 156. См. также: Т. 20. С. 473; Т. 29. С. 55.

¹⁶⁰ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 156; Т. 20. С. 474; Т. 29. С. 55.

¹⁶¹ Там же. Т. 22. Ч. 1. С. 528.

¹⁶² То есть пришли к согласию, так как «одиначитися» – соглашаться, соединяться. См.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. Стб. 614.

¹⁶³ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 157; Т. 20. С. 475; Т. 29. С. 56.

получивший смертельных ранений в боях, будучи пьяным, умер, поскользнувшись и разбив голову об умывальник. Перед смертью Сафа-Гирей успел признать, что христианская кровь его погубила. Царство он оставил младшей жене, надеясь, что она родит сына, а остальных жен, наделив имуществом, отпустил по отчим домам. После смерти хана среди казанских вельмож началась «брань», дело дошло до того, что около десяти тысяч казанцев вынуждено было перейти на службу к Ивану IV¹⁶⁴.

Сообщение о столь массовой миграции татарской аристократии на Русь не находит подтверждения в других источниках, хотя, в целом, даже принимая во внимание расхождение в повествовании, связанное с вопросом престолонаследия, два известия формируют непротиворечивое представление о событиях.

Немаловажные подробности сохранились и в Русском хронографе, по данным которого казанцы послали Енбарса с двадцатью людьми в Крым за старшим сыном Сафа-Гирея, но мешчерские казаки «побили» послов «на Поле» в устье р. Медведицы, переправив ярлыки, адресованные крымскому хану, в Москву¹⁶⁵.

В списках XVI–XVII вв. сохранился перевод одного из четырех ярлыков, отправленных из Казани в Крым в 1549 году. По утверждению И.В. Зайцева, осуществившего анализ и реконструкцию текста, послание является подлинным¹⁶⁶.

Послание составлено от имени всех казанцев и князя Мамая «в головах». Казанцы обратились к Сахиб-Гирею: «а челобитье то. От государя своего от упокойника от Сафа Гирея царя и до своей смерти отступити есмя не хотели и при ево счастливом времени тех русских людей воевати и сечи, и осилити уклонились были есмя, или паки те врази наши но войне нас победят. И мы тем раю достойны были. С такою надежею жили есмя. Истина то, Бога содьбами как достали есмя его». Далее в послании следует: «И ныне, государь толко похочешь, чтоб тот Юрт от тебя не отшел и иному бы не досталс, и как с сиею нашею челобитного грамотою холопи твои, Янбарс да Сялкиш доедут, и ты б, государь наш, его, Довлет Кирея царевича, отпустишь

¹⁶⁴ Казанская история. С. 354–356.

¹⁶⁵ ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 529.

¹⁶⁶ Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI века). М., 2004. С. 164.

ис сей земли. Люди масулмане о тебе станут Бога молить, и спасение себе примешь. И как те люди до тебя доедут, ты толко не при-
шлешь, и Юрт достанется иному. И ты б масулманских грехов на се-
бя не взял». Здесь же казанцы привели подобный случай из своей
истории, когда их юрт достался другому правителю: «Коли упокой-
ник Махмет царь на Божию волю отшел, а от роду от него не остало-
ся и потому тот юрт достался иному». В конце обращения челобит-
чики просили решить этот вопрос как можно скорее¹⁶⁷.

Основная цель послания – получить «царя» из Крыма. При этом указывается, что во времена царствования Сафа-Гирея казанцы, воюя с врагами, попадали в рай, то есть совершали богоугодное де-
ло, а после смерти хана стало некому возглавлять «газават». В этом
смысловом ключе вполне логичным выглядит предостережение от
греха, который ложится на Сахиб-Гирея в случае, если он не отпра-
вит «царя» в Казань. В послании довольно ясно прописано, что если
крымский хан выполнит просьбу мусульман, он спасет свою душу и
сохранит власть над «Казанским юртом».

Таким образом, перед нами – значимый документ, подтвержда-
ющий сообщение русских летописей о казанском посольстве в
Крым, раскрывающий цели дипломатической миссии и, что самое
главное, показывающий некоторые мировоззренческие устои пра-
вящей элиты Казанского ханства.

О проблеме престолонаследия, возникшей после смерти хана в
1549 г., писал и крымский историк Мухаммад Риза, по словам кото-
рого, казанцы просили крымского хана Сахиб-Гирея прислать на
ханское место не Девлет-Гирея, а старшего сына Сафа-Гирея – Бу-
ляк-Гирея, но Сахиб-Гирей заключил его в темницу и вызвал из Тур-
ции для правления Казанью Девлет-Гирея. По мнению автора сочи-
нения, на самом деле Сахиб-Гирей, выманив Девлет-Гирея из Стам-
була, намеревался расправиться с ним, однако сам оказался жертвой
заговора, а на ханский престол в Крыму взошел Девлет-Гирей¹⁶⁸.

¹⁶⁷ Трeпaвлов В. Приключения «Чудес творений»: из ханской библиотеки в Казани в «либерию» Ивана Грозного // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1999. № 3/4. С. 37.

¹⁶⁸ Ассeб о-ссейяр, или Семь планет, содержащие историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана 1-го до Менгли-Гирей хана 2-го, то есть с 871/1466 по 1150/1737 г. Сочинения Сейида Мухаммада Ризы. Казань, 1832. С. 94.

Данное известие согласуется с сообщениями об отправке казанских послов в Крым. Опираясь на него, можно предположить, что не все казанские послы были перехвачены царскими казаками на пути в Крым. Из последнего сообщения следует, что казанцы в сложное время войны были вынуждены держать на престоле малолетнего хана, поскольку крымцы не прислали «сверстного царя».

Летом 1549 г. казанское правительство инициировало мирные переговоры¹⁶⁹, в это же время к Ивану IV пришло письмо от ногайского князя Юсуфа, предлагавшего установить мир между Москвой и Казанью. Для возобновления союзнических отношений Юсуф просил Ивана IV принять следующие решения: женить Шах-Али на вдове Сафа-Гирея Сююмбеке и вновь возвести его на ханский трон, отпустить казанских послов «Алиберди Улана, и Тевкеля Князя, да Агиша Молло», присланных в Москву в 1546 г., и казанцев, бежавших от Сафа-Гирея, прекратить походы русских войск «с Волги» на Казань и прислать «своего доброго человека»¹⁷⁰.

Однако еще в январе 1549 г. русское правительство продлило перемирие с Польско-Литовским государством на пять лет¹⁷¹, намереваясь продолжить войну на востоке.

* * *

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что описанный выше период московско-казанских отношений хорошо представлен только официальным летописанием и, в меньшей степени, «Казанской историей». Ермолинская, Типографская, Владимирская, Вологодско-Пермская и некоторые другие летописи, содержащие независимые известия, в основном, доводят свое повествование до 20–30-х гг. XVI в. и описывают преимущественно военные действия. Причем официальные книжники, отредактировав ряд сообщений Ермолинской летописи, изменили общее смысловое поле известий.

Вследствие того, что о второй половине 1530–1540-х гг. повествуют, в основном, официальные летописи и, в данном случае,

¹⁶⁹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 157; Т. 20. С. 475; Т. 29. С. 56.

¹⁷⁰ Продолжение грамот великаго Князя Иоанна Васильевича к Ногайским Мурзам и их к великому Князю Иоанну Васильевичу. С. 144–146.

¹⁷¹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 157; Т. 20. С. 474–475; Т. 22. Ч. 1. С. 528; Т. 29. С. 56.

близкая к ним «Казанская история», описание событий московско-казанских отношений в научных сочинениях не имеет значительных расхождений. Историки практически весь этот период описывают, используя прямые и косвенные цитаты из московских летописей и, в некоторых эпизодах, «Казанской истории»¹⁷².

Как уже говорилось, московские летописцы со времен Ивана III начали использовать по отношению к Казани глагол «пожаловал», что означало распространение владетельных прав великого князя на Казанское ханство. Однако привлечение данных провинциальных летописей и посольских документов позволяет прояснить, что подобная репрезентация официальных книжников отражает не реальную политическую практику, а цели московского правительства в отношениях с восточным соседом. Причем в годы правления Василия III и особенно Ивана IV употребление слова «пожаловал» при характеристике московско-казанских отношений получило широкое распространение. По мысли официальных книжников, в обмен на великокняжеское «жалование» ханы и остальные казанцы должны были дать «правду», то есть соблюдать справедливый порядок межгосударственных отношений, и только на таких условиях возможен был мир.

На основе проведенного анализа источников можно предположить, что в понятие «правда» летописцы включали, главным образом, следующие условия: хан должен был назначаться по воле великого князя, а его политика, как внешняя, так и внутренняя, должна была проводиться по согласованию с Москвой. Возможно, русское правительство претендовало на часть доходов с земель Казанского ханства, по крайней мере, на это указывают «Казанская история» и дипломатические памятники. В период первого правления Шах-Али Василий III добился укрепления своего влияния в ханстве.

В то же время, при Василии III стали портиться русско-крымские отношения. Крымские ханы, продолжавшие претендовать на верховенство в Улусе Джучи, развернули борьбу за «восстанов-

¹⁷² См.: Фукс К.Ф. Краткая история города Казани. С. 22–23; Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 3. С. 428–435; Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 99–119; Алишев С.Х. Казань и Москва... С. 73–88; Похлебкин В.В. Татары и Русь... С. 109–115; Бахтин А.Г. Русское государство и Казанское ханство... С. 279–315; Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья... С. 112–123.

ление» своей власти в Казанском юрте. В совокупности эти обстоятельства обусловили изменение политического курса Казани в 1521 году и новую волну конфликтов. Лишь однажды, после крупномасштабной войны, правительству Василия III удалось навязать казанцам своего ставленника Джан-Али, которого поддержали в 1532 г. и свергли в 1535 г. одни и те же представители казанской аристократии. В ходе мирных переговоров, происходивших между военными столкновениями 1520–1540-х гг., московская сторона добивалась установления патронатных отношений, а Гирей настаивали на необходимости соблюдения «братских» отношений. В этом ключевом вопросе стороны не могли прийти к компромиссу.

Таким образом, все перемирия, возникавшие в эти годы, только оттягивали время для очередной войны. Обычно русские летописи приписывали инициативу мирных переговоров казанцам, но это скорее продиктовано особенностями средневековой репрезентации. С точки зрения древнерусских книжников, первыми на мир идут виновники конфликта, не соблюдающие «правду». Однако, вполне вероятно, что и москвичи, особенно после неудачных походов, нуждались во времени для восстановления сил, к тому же нам известно о внутривнутриполитических проблемах и военных конфликтах на западных и южных границах Руси, отвлекавших внимание от Казани.

Необходимо учитывать, что в Казани нашлось немало знатных татар, не поддержавших политику крымских ханов. Этим пользовалось русское правительство, всячески привлекавшее недовольных казанцев на свою сторону. Переход на великокняжескую службу предлагался даже тем казанцам, которые ушли от Сафа-Гирея в Ногайскую Орду.

Характер московско-казанских отношений этого периода существенно повлиял и на хозяйственную жизнь государств. Большинство военных столкновений 1523–1530 гг. произошло на землях, подчиненных Казани, однако не стоит делать вывод, что пострадали лишь жители ханства: столь масштабные военные усилия не могли не отразиться на экономике Руси. Вдобавок ко всему, после переноса Казанской ярмарки – по инициативе Василия III – были испорчены торговые отношения.

Во второй половине 1530-х – начале 1540-х гг. казанцы, воспользовавшись политической нестабильностью в Москве и русско-литовской войной, осуществили ряд набегов на окраины Русского

государства. Вместе с казанцами в этих набегах принимали участие ногайцы и астраханцы. Однако Сафа-Гирею не хватало трофеев, полученных с этих походов, даже для того, чтобы рассчитаться с союзниками, и он обращался за материальной поддержкой к Сигизмунду I. Поэтому не стоит преувеличивать роль грабительских набегов на русские земли, говоря об их структурообразующем значении для экономики ханства. К тому же, известия русских летописей указывают на территориальную и временную ограниченность казанских набегов.

С 1545 г. Москва активизирует военно-дипломатические действия на востоке. Официальные хроники говорят о начале новой победоносной войны под предводительством Ивана IV. Однако важно понимать, что перед нами мнение летописцев, знавших об исходе противостояния, а потому связавших походы 1545–1552 гг. в одну войну за покорение «Казанского царства». Вероятнее всего, курс на завоевание Казани и окончательную ликвидацию ханства был взят только в 1547 г., когда Иван IV, венчавшись на царство, получил благословение митрополита на покорение «варварских языков» и впервые возглавил поход на Казань. Однако первое выступление царя оказалось неудачным, определенных результатов в деле «обретения царства» удалось достичь только после смерти хана Сафа-Гирея.

Глава V

Падение Казани (1549–1552 гг.)

§ 1. Второй поход Ивана IV на Казань

В исторической науке бытовали разные представления относительно сроков начала кампании по ликвидации Казанского ханства. Некоторые историки, опираясь на известие о совещании царя с боярами и митрополитом накануне казанского похода 1549–1550 гг., считали, что решение о завоевании ханства было вынесено Боярской думой в 1549 году¹. Согласно другим ученым, русское правительство вело решительную борьбу за покорение Казани с 1545 года². Р.Г. Фахрутдинов и А.М. Ермушев относили переход Москвы к завоевательной политике к 1550 году³. А.Г. Бахтин и вовсе полагал, что курс на завоевание ханства Москва приняла только к весне 1552 г., когда казанцы отвергли мирный вариант решения проблемы⁴.

При этом мысль о необходимости захвата Казани появилась гораздо раньше. Уже после основания Васильурска митрополит Дани-

¹ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. С. 124; Алишев С.Х. Казань и Москва: Межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995. С. 96;

² Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549) // Труды МГИАИ. Т. 6. М., 1954. С. 236; Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: У истоков национальной политики России. Ижевск, 2005. С. 118.

³ Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа и Татарстана. Казань, 1995. С. 145; Ермушев А.М. Россия и Казань: Протекторат, аннексия, захват. Основные тенденции взаимоотношений в середине XVI в. // Российская провинция: История, культура, наука. Материалы II–III Сафаргалиевских научных чтений. Саранск, 1998. С. 63–65.

⁴ Бахтин А.Г. Русское государство и Казанское ханство: межгосударственные отношения в XV–XVI веках: Дис. ... д.и.н. М., 2001. С. 528.

ил писал о возможности покорения всей Казанской земли⁵. Примерно в это же время непримиримым сторонником борьбы с «казанскими магометанами» выступил М. Грек, убеждавший Василия III в невозможности союза между православными и «неверными»⁶. Он предлагал использовать перемирие с Литвой для захвата Казани, которая будет удобным плацдармом в борьбе с прочими врагами⁷.

Уже во время последней московско-казанской войны, по предположению А.А. Зимина, осенью 1549 г.⁸ И.С. Пересветов в «Большой челобитной», сравнивая плодородие казанских земель с райской землей, заявил и о хозяйственной целесообразности подчинения Среднего Поволжья. Он предлагал следующую тактику захвата ханства: «Послати войско на Казань, возрастивши им сердца воином своим царским жалованьем и алафою, и приветом добрым, а иныя воиники удалыя послати на улусы казанския, да велети улусы жечи, а людей сечи и пленити, так Бог помилует и помощь свою святую дает. Аще возмет их, да крестит, то и крепко будет»⁹. Примечательно, что в ходе войны 1545–1552 гг. основные удары русских сил были направлены не только на столицу ханства, но и на казанские улусы, то есть либо «челобитная» И.С. Пересветова действительно повлияла на планы командования, либо кремлевские стратеги рассуждали схожим образом.

Позиция официальных идеологов завоевания Казани – митрополита Макария, протопопа Сильвестра, окольничего А. Адашева и других – представлена на страницах основных летописных сводов¹⁰, где сохранились следующие строки: «Царь и великий князь Иван Ва-

⁵ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Академии наук. Т. 1. СПб., 1836. С. 144.

⁶ Ржига В.Ф. Опыт по истории русской публицистики в XVI веке. Максим Грек как публицист // ТОДРЛ. Т. 1. Л., 1934. С. 101.

⁷ Грек М. Послание к великому князю Василию III // ТОДРЛ. Т. 1. С. 115.

⁸ Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 269.

⁹ Сочинения Ивана Семеновича Пересветова // БЛДР. Т. 9. М., 2000. С. 441.

¹⁰ Лавров Н.Ф. Заметки о Никоновской летописи // Летопись занятий археологической комиссии. Вып. 1. Л., 1927. С. 89; Зимин А.А. И.С. Пересветов... С. 31; Данилевский И.Н. Исторические источники XI–XVII веков // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 1998. С. 215; Зиборов В.К. Русское летописание XI–XVII веков. СПб., 2002. С. 147.

силевичь всея Руси не мога терпети от клятвопреступников Казанцов за многие их творимыя клятвы и неправды, – всегда обеты безбожнии твориша в государьской царя великого князя воле пребывати, и ни мала времени пребыв в своей правде, но ложь творяше, якоже злии зверие хапающе многих христиан в плене безбожном своим клятвотворением, и многыя церкви оскверниша и в запустение учиниша, – благочестивая же его держава о сих скорбяше и не мога сего отъных терпети, от безбожнаго их клятвопреступления, съвет сътворят с отцем своим с Макарием митрополитом и з братию своею, с князем Юрьем Василиевичем и с князем Владимиром Андреевичем, и з бояры, хотя итти на Казанского царя Утемишь-Гиреа, Сафа-Киреева царева сына, и на злых клятвопреступников Казанцов»¹¹.

Другими словами, казанцы обвинялись во лжи, в злодеяниях против христиан и русской церкви, они сравнивались со зверями. Кроме того, им вменялось в вину клятвопреступление, на что официальные летописцы обратили особое внимание. Согласно Библии, клятва заключалась между Богом и людьми¹², между царем и народом¹³, люди клялись высшим, божественным¹⁴. Иначе говоря, клятва имела сакральное значение, а ее нарушение считалось тяжким грехом. В Ветхом Завете клятвопреступление стоит в одном ряду с такими грехами, как вероломство и мятеж¹⁵. Сходным образом нарушение клятвы воспринималось и русскими книжниками. По убеждению самого Ивана IV, люди, нарушившие клятву, достойны злейших казней¹⁶. Таким образом, рассмотренное известие в глазах средневекового читателя обосновывало необходимость окончательного покорения Казани.

Данное апологетическое изложение предваряет статью о походе Ивана IV на Казань зимой 1549–1550 годов. Как писал А.А. Зимин, первоначальную оценку событиям дают современники, «их мнения часто оказывают большое влияние на позднейшую историографию, проникая в нее вместе с фактами, из которых историки возводят

¹¹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. СПб., 1904. С. 158. См. также: Т. 13. Ч. 2. СПб., 1906. С. 460; Т. 20. М., 2005. С. 475–476; Т. 29. М., 1965. С. 57.

¹² Вт. 32: 40; 3 Цар. 8: 31.

¹³ 1 Цар. 14: 24–28; 3 Цар. 18: 10.

¹⁴ Евр. 6: 16–18.

¹⁵ Прем. 14: 25.

¹⁶ Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 19, 85, С. 242–243, 249, 256.

свои, порой весьма причудливые, построения»¹⁷. Причем построения историков формируются, главным образом, за счет наиболее распространенных сведений современников. Так, большинство исследователей, реконструируя события зимнего похода на Казань 1549–1550 гг., черпали не только факты, но и оценки из официального летописания¹⁸. Однако нельзя не учитывать другие репрезентации: научное осмысление должно охватить как можно более широкий спектр представлений современников и ближайших потомков.

Пространное известие официальных книжников о походе 1549–1550 гг. сохранилось в Летописце начала царства, Царственной книге, а также в Никоновской и Львовской летописях. Текстологический анализ этого сообщения позволяет заключить, что в статье отразились взгляды современников или даже очевидцев событий¹⁹.

Для похода на Казанское ханство царь велел воеводам собираться «в окрестных градах столнаго града Владимиря»: большой полк Д.Ф. Бельского и В.И. Воротынского собирался в Суздале, часть передового полка П.И. Шуйского – в Шуге, а воеводы В.Ф. Лопатина – в Муроме, полк правой руки А.Б. Горбатого и В.С. Серебряного – в Костроме, полк левой руки М.И. Воротынского и Б.И. Салтыкова – в Ярославле, а сторожевой полк Ю.М. Булгакова и Ю.И. Кашина – в Юрьеве²⁰.

Сам царь выехал во Владимир 24 ноября 1549 года. Там от митрополита Макария он получил благословление «на земьское дело идти на клятвопреступников Казаньцов». Макарий обратился к вое-

¹⁷ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 8.

¹⁸ См., напр.: Татищев В.Н. История Российская. Т. III. М., 2005. С. 568–570; Фукс К.Ф. Краткая история города Казани. Казань, 1817. С. 23–34; Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 3. М., 1989. С. 441–442; Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб., 1863. С. 338–345; Алишев С.Х. Казань и Москва... С. 96–97; Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья... С. 123–125; Филюшкин А.И. Андрей Курбский. М., 2008. С. 60.

¹⁹ См.: Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI веков. М.; Л., 1938. С. 370–371; Насонов А.Н. История русского летописания IX – начала XVIII века. М., 1969. С. 339–409; Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 190–205; Зиборов В.К. История русского летописания... С. 141–145.

²⁰ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 158–159; Т. 20. С. 476; Т. 29. С. 57.

водам и к войску со следующими словами: «Христовою любовью свяжитесь подвизаться Христова ради стада... и за святые церкви и за православное христианство... противу врагов стати мужествене». Только после этого, 20 декабря, воеводам было велено идти к Нижнему Новгороду, где к царскому войску присоединились хан Шах-Али и царевич Едигер. 12 февраля 1550 г. Иван IV подошел к Казани и осадил город. Царский полк разместился у оз. Кабан; хан Шах-Али, большой и передовой полки – у крепости со стороны Арского поля; полк правой руки, полк левой руки, сторожевой полк и татары Едигера дислоцировались со стороны р. Казанки; большой «наряд» встал около устья р. Булак, а другой «наряд» – у Поганого озера²¹.

Во время осады начались сильные ветры и дожди, из-за сырости пушки и пищали не стреляли, штурмовать город было невозможно. Простояв 11 дней у Казани, Иван IV приказал возвращаться. На обратном пути, близ устья р. Свияга, Бог, видя веру царя, вложил в его сердце «свет благоразумия о благодати Божией». По мысли летописцев, чтобы истребить в том месте басурманскую веру и утвердить православие, Господь привел царя к идее воздвигнуть около Казани русский город²².

Итак, официальные книжники, описывая поход 1549–1550 гг., акцентировали внимание на религиозных мотивах войны. Не лишено религиозных сентенций и генеалогически обособленное сообщение Русского хронографа. Согласно ему, царь после обедни в соборной церкви Владимира, в присутствии митрополита, воевод, княжат, детей боярских дворовых и городских Московской и Новгородской земель дал напутственное слово перед походом на Казань.

Он говорил о том, что после смерти Василия III от басурманских рук пролилось много христианской крови, «и многих людей изо многих городов и з женами и з детьми в полон поимали и ныне те все крестьянской род обусорманен». В конце своей речи Иван IV призвал забыть местнические споры и рознь ради «царского дела». В ответ собравшиеся заявили: «И мы, государь, единомышленно все за един хотим за святые церкви и за тебя, государя, и за все право-

²¹ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 159; Т. 13. Ч. 2. С. 460–461; Т. 20. С. 476; Т. 29. С. 57–58.

²² Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 160; Т. 13. Ч. 2. С. 461–462; Т. 20. С. 477; Т. 29. С. 58–59.

славное крестьянство головы свои положить! Поиде, государь, з Божиею помощью на свое царское дело, а мы, государь, твое царское наказание сугуб восприемлемь, как ты, государь, повелиш, так и делаем»²³.

Автор Хронографа, подобно официальным летописцам, описал продвижение войска к Казани, хотя в остальном его сообщение имеет существенные отличия. Царские войска осаждали город две недели, за это время воеводы «повоевали» Луговую и Горную стороны Волги и Арские земли, захватив множество пленных. Им также удалось «побить» многих горожан из пушек, однако Казань не пала. В конце известия перечислены имена князей, погибших под стенами Казани: это Д.И. Тулупов, Ф.С. Плещеев, И.М. Товарищев, Б.О. Нащекин и И.Г. Новокрещенов²⁴.

Важные подробности кампании сообщают разрядные книги, согласно которым царь, посоветовавшись с боярами, решил идти на Казань, так как казанцы избрали ханом двухмесячного Утямыш-Гирея. Кроме московских боярских детей и новгородских помещиков, в походе участвовали псковские, торопецкие, луцкие и ржевские помещики, а также перешедшие на русскую службу казанцы под предводительством князей Табая и Кострова²⁵. Митрополит благословил всех служилых людей воевать за православное христианство, призывая отложить местнические споры и рознь²⁶.

Менее детализированное сообщение о московско-казанском противостоянии сохранилось в «Казанской истории», согласно которой первый удачный поход на Казанское ханство был организован Иваном IV после бегства Шах-Али с ханского престола в 1546 г., когда русским воеводам С.И. Микулинскому и В.С. Оболенскому удалось разорить черемисские земли и захватить множество пленных. После этого успеха московские войска ежегодно, в течение семи лет, ходили в походы – до тех пор, пока не взяли Казань²⁷.

²³ Там же. Т. 22. Ч. 1. СПб., 1911. С. 530.

²⁴ Там же. С. 531.

²⁵ По данным Русского хронографа, казанский князь Костров и еще двенадцать князей прибыли на службу к Ивану IV в ноябре 1549 г. от ногайского князя Юсуфа. См.: ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 529.

²⁶ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 120–123; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1–2. М., 1977. С. 364–365.

²⁷ Казанская история // БЛДР. Т. 10. СПб., 2001. С. 358–360.

В 27-й главе автор «Казанской истории» описал зимний поход 1549–1550 годов. Он подчеркнул, что это был первый поход царя к Казани. Иван IV решился на него, узнав о междоусобице, возникшей в ханстве после смерти Сафа-Гирея. Ради защиты христианства царь со многими тысячами воинов осадил Казань и три месяца штурмовал город. Но, по Божьей воле, из-за колдовства казанцев погода была крайне неблагоприятной: сначала стояла сильная стужа, от которой погибло множество людей и скота, а затем началась ранняя дождливая весна, в результате чего всю землю залило водой. Как заключил создатель «Истории», Бог не дал город в руки Ивана IV, потому что в Казани не было хана, а покорение обезглавленного царства не принесло бы чести. Тем не менее, поход был не напрасен: воеводы, мстя за жестокую смерть своих людей, разорили казанские земли и захватили много пленных, а на обратном пути к царю пришла благая мысль: построить близ Казани русский город²⁸.

Еще Г.З. Кунцевич заметил, что рассказ казанского летописца несколько запутан: поход С.И. Микулинского и В.С. Оболенского был в 1545 г., а не после смерти Сафа-Гирея, то есть «автор «Истории» ошибся на год с небольшим»²⁹. О походах 1547 и 1548 гг. летописец и вовсе не упомянул, хотя обстоятельно описал кампанию 1549–1550 годов. Помимо явных фактологических совпадений с данными других источников, в тексте «Истории» можно наблюдать и уникальные сообщения. Автор подметил, что Иван IV выбрал наиболее благоприятный момент для своего первого похода к столице ханства, воспользовавшись безвластием и междоусобицей. По его ощущениям, осада города была более продолжительной, а боевые действия – более кровопролитными, чем это представлено в рассмотренных выше источниках.

О значимости похода 1549–1550 гг. писал и князь А.М. Курбский, согласно которому христианское войско выступило против «измаильтянского народа», некогда опустошившего вселенную. В лютую зиму Иван IV, собрав храбрых воинов, выдвинулся на «гор-

²⁸ Там же. С. 360–362.

²⁹ Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905. С. 335.

дого» казанского хана, но вражеский город взять не удалось, и царь «со тщетою³⁰ немалою отойде»³¹.

А.М. Курбский противопоставил христианам измаильтян, которых Библия характеризует как кочевые языческие племена, существующие за счет торговли, разбоя и хищнических набегов³². В Псалтыри, хорошо знакомой древнерусскому читателю, измаильтяне, наряду с народами едомов, моав, и агарян, выступают богоненавистниками, врагами Господа и богоизбранного народа³³. Так А.М. Курбский привнес в свое повествование о московско-казанском противостоянии идею религиозной войны. Он считал, что поход 1549–1550 гг. был нелегким испытанием, причинившим большие потери, и, вместе с тем, важной вехой на пути завоевания Казани.

Уникальные сведения об осаде Казани 1550 г. оставил очевидец событий – астраханский мыслитель Х. Шерифи, составивший свой рассказ «Зафер наме-и Вилает-и Казан» по горячим следам минувшего. Известие Х. Шерифи начинается с небольшого экскурса в географию и историю Казанского вилайета. Согласно ему, ханство располагалось далеко на севере от исламских вилайетов и граничило с землями «неверных», а потому казанцам «неоткуда ждать помощи и поддержки, кроме покровительства Господа миров и помощи ангелов». Для обеспечения благополучия и мира правители Казани прикидывались друзьями «неверных», обмениваясь с ними послами. Это продолжалось до тех пор, пока Сафа-Гирей вторично не взшел на ханский престол и не заложил «основы здания вражды», «разрезав нить дружбы»³⁴.

По словам Х. Шерифи, в своем решении Сафа-Гирей опирался на аяты Священного Корана, призывающие защищать отечество перед лицом чужеземного вторжения. Долгое время казанский хан

³⁰ «Тщета» – потеря, убыток. См.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб., 1912. Стб. 1062.

³¹ Курбский А.М. История о великом князе Московском // БЛДР. Т. 11. СПб., 2001. С. 323.

³² Быт. 16: 12; Быт. 37: 25; Суд. 8: 24.

³³ Пс. 82: 2–7.

³⁴ Зафер наме-и Вилает-и Казан // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1995. № 1. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/1995_may/04/03/ (дата обращения: 05.02.2015).

успешно воевал против «многобожников», но все изменилось после его смерти. «Неверные, довольствуясь событиями судьбы и радуясь происходящему в этом подлом мире, он неверный да чванливый и задравший нос, и он многобожец и пораженец эпохи, и смутьян золотом порожденного мира, один из двух чертей, предводитель окаяннного войска, безбожник Иван, со своим видом фараона и Немрута, желая сам встать во главе, собрал солидное, многочисленное войско... с пушками и ружьями... придя, окружив великий город Казань, организовали осаду... Вражеское войско было многочисленным, как полчища муравьев и племя Яджужа, а не людей»³⁵.

Далее в сочинении описывается оборона города. У всех ворот стояли военные отряды, возглавляемые такими именитыми людьми, как «Мамай-бик», «Нургали-мирза», «Козыджак-улан», «Ак Мухаммед-улан», «Кул Мухаммед Сейид», «Барболсун Аталык» и «управитель делами областей султана, завоеватель ханской казны, из рода эмиров Байбарс-бик»³⁶. Другая часть казанского войска, в том числе «общество хаджиев», под предводительством «Нарихибика», «Ай Килди-бика» и «Ак Матай-бика», обороняла крепость в тех местах, где проходила атака неприятеля³⁷.

И днем, и ночью Казань обстреливалась из 11 пушек, которые были заряжены двухпудовыми ядрами, начиненными нефтью, серой и дробью. У нападавших имелись и катапульты, метавшие огромные глыбы камней внутрь крепости³⁸. Повествуя о панике горожан при артобстреле, Х. Шерифи вновь обратился к цитированию Священного Корана: «И увидишь ты людей пьяными, но они не пьяны. Но наказание Аллаха – сильно. И тот день будет занят своим страданием»³⁹.

Ожесточенные бои без перерыва продолжались в течение 16 ночей. Как писал Х. Шерифи, «это было такое сражение – будто Судный День, мир заполнился звуками кинжалов, в городе Казани

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ В результате археологических раскопок казанского кремля были найдены известняковые, гранитные и железные ядра различных размеров, а также полые внутри зажигательные ядра из глины. См.: Ситдигов А. Археологическое изучение ханской Казани (материалы исследований Казанского кремля 1994–2003 гг.) // Татар археологиясе. 2005. № 1–2 (14–15). С. 45–46.

³⁹ Зафер наме-и Вилает-и Казан.

кровь текла рекой». Но Аллах помог мусульманам, «и возникло значение Аяти Керима: если Аллах поможет вам, больше никто вас не победит». Казанцы, истребляя «нечестивцев», одолели врага, и разгромленное войско «неверных» повернуло обратно⁴⁰.

Итак, по приведенному сообщению, Сафа-Гирей, взойдя второй раз на престол, то есть после 1535 г., объявил войну Русскому государству. После его смерти, пользуясь ослаблением ханства, Ивана IV напал на Казань. При этом царь сравнивается с нечестивыми правителями, с фараоном и Немрутом, которые притесняли великих пророков и их последователей. А русские войска уподобляются дикому племени Яджудж (в библейской традиции народ Гог), которое, появившись накануне Судного Дня, будет уничтожать все на своем пути. Таким образом, описывая осаду Казани, Х. Шерифи обратился к эсхатологическим сюжетам Священного Корана, сопоставив произошедшее с картиной Судного Дня и узрев в этом черты грядущего Конца Света. В то же время, астраханский мыслитель пытался донести до читателей мысль о том, что он был свидетелем одного из крупнейших столкновений мусульман с «неверными».

Такое представление не согласуется с официальной позицией русского летописания, где умалчивается о боевых действиях, и причиной неудачи выставляются неблагоприятные погодные условия. Сопоставление этих летописей с произведением Х. Шерифи лишний раз указывает на недостоверность некоторых официальных известий. Так как, в целом, впечатления Х. Шерифи увязываются с взглядами составителя Хронографа, автора «Казанской истории» и А.М. Курбского. Эти текстуально независимые источники говорят о масштабных сражениях, приведших к серьезным потерям с обеих сторон. При этом практически все авторы вкладывали в события 1549–1550 гг. религиозное значение, осознавая их как войну с «басурманами», или как газават против «неверных».

Таким образом, несмотря на то, что в 1549–1550 гг. русское правительство мобилизовало колоссальные ресурсы, провело преобразования по ограничению местничества и укреплению армии⁴¹, захватить Казань не удалось. Однако во время второй крупномасш-

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории середины XVI в. М., 1960. С. 334–338.

табной экспедиции под предводительством царя Ивана IV русские войска в полном составе подошли к столице ханства и нанесли ощутимый удар. Возможно, поэтому некоторые современники представляли поход 1549–1550 гг. как первый успешный шаг на пути покорения Казани.

§ 2. Строительство Свяжска: переход к новой стратегии завоевания ханства

По данным официальных источников, только через год, в начале 1551 г. казанское правительство, пытаясь заключить мир, возобновило дипломатические отношения. В Москву с грамотами прибыл «свой человек» Давлетжан, тогда же с предложением о мире приехал «свой человек» ногайского князя Юсуфа. В ответ Иван IV потребовал прислать для челобитья «лучших людей» во главе с казанским князем Нур-Али. На этом переговоры прервались, и русское правительство приступило к реализации иной стратегии завоевания Казанского ханства⁴².

В крупнейших памятниках летописания середины XVI столетия сохранилась большая статья, заголовок которой можно перевести как «Начало повести о чудесах, ниспосланных Богом православному христианству для спасения от рабства безбожных казанских татар и об основании Свяжска в 1551 году». Летописное известие построено по традиционной схеме и начинается с апологетической части.

Согласно ему, Иван IV, видя «многи крови христианьския проливаемы и многим церквам святым запустение», как «пастырь добрый, иже душу свою полагает за овца», решил «избави плененных раб своих из рук поганых». Посоветовавшись с боярами, с казанскими князьями, перешедшими на русскую службу, с ханом Шах-Али, а также с братьями, Юрием Васильевичем и Владимиром Андреевичем, он «умыслил» отправить конную и судовую рати с «великим запасом» на строительство города в устье р. Свяги, в 20 верстах от Казани. Царь получил благословение от митрополита

⁴² ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 161–162; Т. 13. Ч. 2. С. 462–463; Т. 20. С. 478–479; Т. 29. С. 59, 158.

Макария и послал дьяка И.Г. Выродкова с боярскими детьми в Угличский уезд рубить лес для строительства города⁴³.

В апреле 1551 г. на казанские земли двинулось крупное войско: в большом полку – Шах-Али с Ю.М. Булгаковым и Д.Р. Юрьевым, в передовом полку – П.А. Булгаков и И.Ф. Карпов, в полку правой руки – И.П. Федоров и Д.Ф. Палецкий, в полку левой руки – Г.В. Морозов и А.В. Нагаев, в сторожевом полку – И.И. Хабаров и Д.Ф. Карпов, а с ними множество дворян и детей боярских из разных городов и около пятисот казанских князей и мурз, среди которых упоминаются князья Костров, Чапкун и Бурнаш. В строительстве Свияжска участвовало еще пять воевод: С.И. Микулинский, В.В. Морозов, Ф.Г. Адашев, П.С. Серебряный и Ф.Б. Ромодановский. «Воевать казанские земли» из Мещеры выдвинулся Д.И. Хилков с 2,5 тысяч казаков, а из Вятки – Бахтияр Зусин с вятчанами. Государь отправил многих казаков и по Волге, повелев им «стать по всем перевозом⁴⁴ по Каме и по Волге и по Вятке-реке, чтобы воинские люди из Казани и в Казань не ездили»⁴⁵.

18 мая полки П.С. Серебряного, осуществив внезапное нападение на казанский посад, «отполонили» русских пленников, «побили» больше ста князей и мурз и «многих мелких людей». Из великокняжеских войск в том сражении погибли сыновья боярские – М. Зачесломский и два Стромилых, а также около 50 стрельцов, сотский которых – А. Скобелев – попал в плен. После набега на казанский посад князь П.С. Серебряный вернулся в устье Свияги, где стал дожидаться прихода основных сил⁴⁶.

24 мая подошли полки Шах-Али и остальных воевод. За 4 недели царские войска очистили Круглую гору в устье Свияги, выстроили острог и поставили в нем церковь «в имя Рожества Пречистыя и чудотворца Сергия». «Горные люди», узнав о том, что на их земле возведен православный город, стали просить Шах-Али и вое-

⁴³ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 162–163; Т. 13. Ч. 2. С. 463–464; Т. 20. С. 479–480; Т. 29. С. 59–60, 159–160.

⁴⁴ «Перевозъ» – переправа. См.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. Стб. 899.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 13 Ч. 1. С. 164. См. также: Т. 13. Ч. 2. С. 465; Т. 20. С. 480; Т. 29. С. 61, 160.

⁴⁶ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 164; Т. 13. Ч. 2. С. 465; Т. 20. С. 481; Т. 29. С. 61, 161.

вод, «чтобы их государь пожаловал, гнев свой отдал, а велел бы им быти у Свяжьского города и воевати их не велел»⁴⁷.

Впоследствии представители «горных людей» – Мухаммад Бузубов и Ахкубек Тугаев – «с товарищами» были отправлены в Москву, где «били челом ото всей Горной стороны, от князей и от мурз, и от сотных князей и десятных и Чювашей и Черемисы и казаков, чтобы им государь гнев свой отдал, а велел бы у Свяжского города быти; и правду государю на том по своей вере дают, что им от государя и их детем неотступным быти и к Казани от Свяжского города никак не отложитися; и пожаловал бы их государь, в ясаках полегъчил и дал бы им жалавалную свою грамоту, как им впред быть»⁴⁸. Иван IV пожаловал «горных людей» грамотой с золотой печатью, закрепив их за Свяжском, отсрочил им уплату ясака на три года, а Мухаммада Бузубова и Ахкубека Тугаева с товарищами одарил шубами и деньгами⁴⁹.

Следует отметить, что в данном случае повествование официальных книжников не во всем идентично: составители Царственной книги и Александро-Невской летописи дополнили рассказ Летописца начала царства, Никоновской и Львовской летописей сообщениями о знаменях, связанных с казанскими событиями. Статьи о знаменях помещены между известием о московско-казанских переговорах и сообщением о военной кампании 1551 года⁵⁰.

Первое знамение посвящено некому юродивому татарину, который ходил по Казани, предрекая, что русские будут жить в этом городе, а татары погибнут. Второе чудо связывалось с рождением в Казани от коровы человека, говорившего жителям города: «Повинуйтесь без лукавствия Московскому государю! аще ли ни, то погибнути имате». Следующее «диво» рассказывало о том, как казанцы, ловя рыбу на Волге, вытащили из воды невод с живым стариком, который призвал просить помилования у «Московского царя за свою неправду». Еще одно «диво» произошло в казанской избе, где

⁴⁷ Там же. Т. 13 Ч. 1. С. 164. См. также: Т. 13. Ч. 2. С. 466; Т. 20. С. 481; Т. 29. С. 61, 161.

⁴⁸ Там же. Т. 13 Ч. 1. С. 164–165. См. также: Т. 13. Ч. 2. С. 466; Т. 20. С. 481; Т. 29. С. 62, 161.

⁴⁹ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 165; Т. 13. Ч. 2. С. 466; Т. 20. С. 481; Т. 29. С. 62, 161.

⁵⁰ Там же. Т. 13. Ч. 2. С. 463. См. также: Т. 29. С. 159.

появился седовласый мужчина на барской постели с полной печью хлебов. Старец посоветовал казанцам не противиться московскому царю, а просить о милости. Те решили убить этого человека, но он вместе с постелью и хлебами исчез. В городе было и такое знамение: по ханскому двору ходил черноризец, которого никто не мог убить, двух других монахов видели на крепостных стенах. По заключению летописцев, «казанцы же о сих и недоумевахуся, но обаче глумляхуся»⁵¹.

Те же книжники поместили сообщение под заголовком «Знамение на Свяиге» перед известием о возведении Свяжска. Суть знамения заключалась в том, что татары часто видели в устье Свяиги проходящих иноков, слышали колокольный звон и многоголосное песнопение. Однако в данном случае, по мысли летописцев, татары воспринимали это как знак того, что здесь поселятся христиане и будут построены православные храмы⁵².

Все указанные знамения более последовательно и семантически согласованно приведены в Степенной книге⁵³. Поэтому, вероятнее всего, авторы Царственной книги и Александро-Невской летописи почерпнули эти сюжеты из Степенной книги, которая была создана в начале 1560-х годов протопопом московского Благовещенского собора Андреем, участвовавшим в Казанском походе 1552 г., а позднее ставшим московским митрополитом Афанасием⁵⁴. Значит, в 60-е гг. XVI в. известия официальных летописей обогатились церковной трактовкой, заострявшей внимание на божественной предопределенности завоевания Казани.

В том же идейном русле оценивал события и автор «Казанской истории». По его словам, Иван IV, подобно императору Константину, во сне увидел место, где надлежало основать город для устрашения казанцев и защиты русского пограничья, а также для того, чтобы царские воины, живя там как дома, время от времени могли нападать на ханские земли. Проснувшись ото сна, царь отправил Шах-Али и девять старших воевод с огромным войском, мастерами и ремесленниками на строительство Свяжска и разорение Казан-

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. Т. 13. Ч. 2. С. 465–466; Т. 29. С. 161.

⁵³ См.: Там же. Т. 21. Ч. 2. СПб., 1913. С. 640–641.

⁵⁴ Зиборов В.К. История русского летописания... С. 144.

ского ханства. Дойдя до р. Свяги, царские войска под руководством Шах-Али за короткое время возвели крепость, соборную церковь Рождества пречистой Богородицы и 6 монастырей, в одном из которых была выстроена церковь Сергия Чудотворца. В то время как одна часть войска занималась строительством, другая – «воевала» горную сторону Казанского ханства⁵⁵.

Далее в «Истории» повествуется о чудесах и знамениях, предрекавших появление Свяжска и падение Казани. О знамении, случившемся за 5 лет до строительства города, рассказали старейшины и сотники горной черемисы, пришедшие к Шах-Али с просьбой не разорять их земли и с намерением служить Ивану IV. Местные жители часто слышали в устье Свяги колокольный звон и песнопения и видели старца, ходившего с образом и крестом и благословлявшего это место для возведения города. Старца часто замечали и в самой Казани, но догнать и схватить его никто не мог, а стрелы, выпущенные в его сторону, переламывались⁵⁶.

Летописец подчеркнул, что казанские волхвы, как и греческие, пророчествовавшие о пришествии Христа, считали эти знамения провозвестниками гибели Казанского ханства и призывали татарскую знать ради спасения народа подчиниться Ивану IV. Некоторые старейшины внимали словам волхвов, иные говорили о том, что они не должны преклоняться перед своими данниками и служить русскому царю, живя в неволе, «якоже у него на Москве живут люди в великой скорби и терпят от него»⁵⁷.

В то время, когда автор «Истории» жил в Казани, произошло и третье знамение. Ханша, желая узнать исход московско-казанского противостояния, отправила сеида к бесу, с древних времен обитавшему в городке на берегу Камы и внушавшему людям страх. На вопрос сеида бес ответил, что теперь на него нет надежды, так как, гонимый «Христовою силою», он собирается уйти в пустынные места, а в Казанское ханство придет Христос, который «хочетъ воцаритися в земли сей и просветить ю святым крещением». Утверждение «святой веры» в Казани предсказала и старшая жена Сафа-Гирея⁵⁸.

⁵⁵ Казанская история. С. 362–364.

⁵⁶ Там же. С. 366–368.

⁵⁷ Там же. С. 370.

⁵⁸ Там же. С. 372–373.

Обозначенные знамения представлялись средневековому читателю неопровержимым доказательством эпохальности событий. Автор «Казанской истории» сравнил продвижение русских на Восток с важнейшими вехами христианской истории: с пришествием Спасителя и основанием «второго Рима». Помимо известных официально летописанию чудес, связанных с колокольным звоном, песнопениями и загадочными явлениями священнослужителей, он привел уникальное знамение «О бесе...», который, подобно евангельским демонам, спасся бегством от Иисуса Христа⁵⁹. Аналогичные сюжеты находим и в древнерусской литературе. Так, в «Повести о водворении христианства в Ростове» и «Житии преподобного вятского чудотворца Трифона» содержатся схожие рассказы, общий смысл которых можно свести к тому, что до прихода христианства в землях, населенных язычниками, жили бесы, требовавшие жертв и почитания, но «сила Христа», изгоняя демонов и разрушая их жилища, спасла души местных жителей. Поэтому для средневекового русского книжника известие «О бесе...» служило важнейшим аргументом, подтверждающим предопределенность прихода Спасителя и православной веры в казанские земли⁶⁰.

Таким образом, автор «Казанской истории», развивая мысль церковных книжников, представил основание Свяжска и завоевание Казани как богоугодные дела, направленные на спасение варварских народов через обращение их в православие.

Официальные летописи подробно повествуют о подчинении правобережной части Казанского ханства Ивану IV. К Шах-Али и воеводам был отправлен царский стряпчий И. Вешняков с грамотами, дабы «привести» Горную сторону к «правде», заключавшуюся в том, чтобы «им государю царю и великому князю служит и хотети в всем добра, и от города от Свяжского неотступным бытии, и дани и оброки черным людям всякие платит, как их государь пожалует и как прежним царем платили, а полону им Руского никак у себя не держать, весь освободати»⁶¹.

⁵⁹ Мф. 8: 28–32.

⁶⁰ См.: Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве... С. 360–361.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 165. См. также: Т. 13. Ч. 2. С. 466–467; Т. 20. С. 482; Т. 29. С. 62, 162.

Верность царю «горные люди» должны были доказать, совершив нападение на Казань. В июне 1551 г. они пришли под Казань со стороны Арского поля, и у стен города завязался бой. Жители Горной стороны «билися крепко», но, когда казанцы начали стрелять из пушек и пищалей, бросились в бегство. За всем произошедшим наблюдали дети боярские – Петр Туров и Алексей Ершов, которые стали свидетелями того, что «горные люди государю служили прямо»⁶².

Чтобы получить государево жалование за службу, «горные люди» все лето по 500–600 человек ездили в Москву, где царь их кормил и поил за своим столом, а князей, мурз и сотских казаков жаловал шубами с бархатом и золотом, «а иным Чюваше и Черемисе камчаты и отласные, а молодым однорядки и сукна и шубы белыи; а всех государь пожаловал доспехи и конми и деньгами»⁶³.

За это «горные люди» начали служить Ивану IV «правдою» и ходить в походы на левобережные земли Казанского ханства, приводя оттуда пленников. Положение казанцев усугубляло и то, что по всем рекам на всех переправах стояли царские люди, изолировавшие левобережную сторону. По заключению летописцев, Бог наказал казанцев за пролитие христианской крови междоусобной бранью. Так, на ханском дворе крымцы под руководством Кошак-улана «побили» арских чувашей, требовавших подчиниться Ивану IV⁶⁴.

Видя щедрость государя, многие казанские князья и мурзы стали переходить на русскую службу, а около трехсот крымцев, находившихся в Казани, опасаясь предательства со стороны казанцев, разграбили все, что было возможно, и выехали из города. На Каме их настигли вятчане и казаки, служившие царю. В результате сражения они пленили «Кошак-улана, Барболсунь-улана, Торчикнязь-богатыря, Ишмахумета-мырзу, Сулешева брата Крымского, и иных уланов и князей» – всего 46 человек, которых Иван IV «за их жестосердие казнити велел смертию»⁶⁵.

⁶² Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 165. См. также: Т. 13. Ч. 2. С. 467; Т. 20. С. 482; Т. 29. С. 62, 162.

⁶³ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 166. См. также: Т. 13. Ч. 2. С. 467; Т. 20. С. 482; Т. 29. С. 63, 162.

⁶⁴ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 166; Т. 13. Ч. 2. С. 467; Т. 20. С. 482–483; Т. 29. С. 63, 162–163.

⁶⁵ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 166. См. также: Т. 13. Ч. 2. С. 468; Т. 20. С. 483; Т. 29. С. 63.

В сложившихся условиях казанское правительство инициировало мирные переговоры. В Москву с просьбой посадить на ханский престол Шах-Али прибыли послы – мулла Кул-Шериф и тюменский князь Бибарс Растов. Царь призвал казанцев «бить челом», как он сам им «пожалует», то есть выдвинул свои требования, установив срок ответа в 20 дней, в течение которых обещал не «воевать» ханские земли⁶⁶.

В челобитье, составленном согласно требованиям Ивана IV, казанцы во главе с Худайкул-уланом и князем Нур-Али просили царя прислать Шах-Али, а хана Утямыш-Гирея и его мать Сююмбике взять к себе, «а полону бы Рускому воля дать, а в неволю бы государь пожаловал не имал, а Крымцов досталных и жены их и дети отдати государю; тако бы их государь пожаловал, о том челом быют»⁶⁷.

Выслушав челобитье, царь заявил, что «пожалует» Казанскую землю только тогда, когда казанцы выдадут ему малолетнего хана с матерью, а также крымцев и русских невольников. На это казанский посол Янбарс-улан ответил: «Все де в государеве воле; как их государь пожалует, так и учинят»⁶⁸.

По решению царя и бояр, Шах-Али «жаловался» Казанью, под юрисдикцию которой отводилась Луговая сторона и Арские земли, а Горная сторона оставалась в подчинении Свияжска. Шах-Али попытался оспорить раздел Казанского ханства, но из Москвы пришел строгий наказ, «что тому делу инако не быть: что государю Бог дал, того ся ему не поступить»⁶⁹.

9 августа 1551 г. казанцы во главе с муллой Касымом и князем Бибарсом приехали в Свияжск, где попытались «лукавством» смягчить условия мира. 11 августа на переговоры прибыла более солидная делегация, в составе которой находились мулла Кул-Шериф, сын сейида – Мансур, Худайкул-улан и князь Нур-Али. Казанцы просили оставить Горную сторону в составе ханства, однако Шах-Али и воеводы, отстояв царское решение, добились своего: казанцы выдали

⁶⁶ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 167; Т. 13. Ч. 2. С. 468; Т. 20. С. 483; Т. 29. С. 63–64.

⁶⁷ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 167. См. также: Т. 13. Ч. 2. С. 468; Т. 20. С. 484; Т. 29. С. 64.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 167. См. также: Т. 13. Ч. 2. С. 469; Т. 20. С. 484; Т. 29. С. 64.

хана Утямыш-Гирея с Сююмбике и крымцев, отпустили русских пленных и подписали грамоты, по которым Горная сторона отходила к Свияжску, а казанцам под угрозой казни запрещалось использовать труд христиан. Только после этого, 16 августа, Шах-Али с боярами – М.Г. Голициным, И.И. Хабаровым и дьяком И.Г. Выродковым – приехал в Казань «на царство», его также сопровождали 300 городецких князей, мурз и казаков и 200 царских стрельцов⁷⁰.

В представленном известии царь принудил казанцев составить челобитную, отражавшую его требования. Обращает на себя внимание и то, что на этот раз Иван IV «пожаловал» Казанскую землю не только своему ставленнику, но и жителям ханства, которых теперь можно было «казнить смертью». Следовательно, официальные книжки показали, что Казанское ханство по своему статусу приблизилось к «государевой вотчине», а сами казанцы – к подданным царя.

Как сообщает «Казанская история», после смерти Сафа-Гирея вся власть над ханством перешла к Сююмбике и крымскому царевичу Кошаку. Казанцы, поглощенные «Христовой силой», долгое время и не подозревали о строительстве Свияжска и измене черемисов, они узнали правду только тогда, когда город был уже построен. Ханша приказала готовиться к войне, но никто, кроме Кошака, крымцев и ногайцев, приехавших вести борьбу с Русью, ее не поддержал, как следствие – в Казани началась распря⁷¹.

Царевич Кошак прелюбодействовал с Сююмбике и замышлял убийство малолетнего хана Утямыш-Гирея, все это вызвало недовольство казанцев. Опасаясь заговора, Кошак вместе с семьей и пятью тысячами «варваров» бежал в Крым. Казанцы сообщили об этом Шах-Али, который отправил в погоню десятитысячный полк воеводы И.В. Шереметьева. Между Доном и Волгой русские войска настигли крымцев, Кошак и еще триста человек попали в плен и были приведены в Москву, где их всех, за исключением женщин и детей, казнили⁷².

Казанская аристократия, ссылаясь на то, что ханство обезглавлено и нет возможности вести войну, решила, проявив смирение,

⁷⁰ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 167–169; Т. 13. Ч. 2. С. 469–470; Т. 20. С. 484–486; Т. 29. С. 64–66, 163–164.

⁷¹ Казанская история. С. 375–376.

⁷² Там же. С. 378–380.

передать правление Шах-Али. После переговоров Шах-Али согласился взять в жены Сююмбике и стать казанским ханом. В знак радости Сююмбике отправила Шах-Али царское угощение и сорочку, сшитую своими руками. Подарки оказались отравленными, из-за чего царица с сыном и казной была сослана в Москву. Чтобы не погубить все ханство, казанцы не осмелились препятствовать изгнанию Сююмбике. Придя в Казань, Шах-Али обезглавил сеида и пытался освободить русских невольников, но многие из них отказались возвращаться на Русь, так как уже приняли ислам⁷³.

Далее в «Истории» приводится сообщение о прощании Сююмбике с Казанью. Уезжая из Казани, царица безутешно рыдала, а когда ее судно отчалило, обратила свой взор на столицу ханства и произнесла речь: «Горе тебе, граде кровавый! Горе тебе, граде унылый! И что еще гордостью возносишия, уже бо спаде венец со главы твоя! Яко жена худа и вдова, являешия, осиротев, и раб еси, а не господин. Пройде царская слава и вся скончася! Ты же, изнемогиши, падеся, аки зверь, не имущи главы. Срам ти есть!...»⁷⁴.

Г.З. Кунцевич, вслед за Н.М. Карамзиным, утверждал, что плач Сююмбике во многом похож на плач Евдокии из «Слова о житие и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русского»⁷⁵. Летописец заимствовал основные фрагменты картины плача казанской царицы из «Слова» и при этом вложил в уста Сююмбике фразы из Священного Писания, сравнив Казань с тяжко согрешившим Иерусалимом и «Вавилоном-блудницей» – пристанищем бесов и нечистого духа⁷⁶.

М.Б. Плюханова выявила параллелизм сообщения казанского летописца с книгами пророка Исаяи и пророка Иеремии. В этой связи она небезосновательно предположила, что сведения о Сююмбике, «кажущиеся на первый взгляд вполне конкретными, историческими, в действительности имеют символический смысл и мотивируются лишь на фоне библейских источников»⁷⁷. Однако некоторые исследова-

⁷³ Там же. 380–382.

⁷⁴ Там же. С. 384.

⁷⁵ Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве... С. 379–381.

⁷⁶ Плач. 1: 1; 5: 16; Откр. 18: 2–4, 10–11, 14.

⁷⁷ Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 193.

дователи понимали их буквально (внеконтекстно) и использовали для воссоздания картины исторической действительности⁷⁸.

Известия казанского летописца о совместном правлении и предубодействе Кошняка и Сююмбике, о попытке расправиться с малолетним наследником, о женитьбе Шах-Али на Сююмбике, построенные на основе реминисценций из библейских книг, предрекают неминуемое взятие Казани русским царем. Если не заострять внимание на деталях повествования и учитывать лишь общее смысловое содержание, то сообщения официальных книжников вполне согласуются с рассказом «Казанской истории».

Таким образом, в 1551 г., после ряда военных неудач, московское правительство приступило к реализации поэтапной стратегии покорения Казани: в ханских землях русские воеводы возвели Свияжск и подчинили чувашей и марийцев, проживавших на правом берегу Волги. В сложившихся условиях в Казани возобладали сторонники мирных переговоров, а радикально настроенные крымцы и ногайцы покинули город. Вероятнее всего, казанцы намеревались достичь мира и вернуть западную часть ханства через признание ставленника Москвы – Шах-Али – ханом и его женитьбу на вдове хана Сафа-Гирея, Сююмбике. Однако правительство Ивана IV, угрожая возобновлением боевых действий, заставило казанцев пойти на более серьезные уступки: смириться с отторжением правобережья Волги – Горной стороны, выдать ханшу Сююмбике с малолетним наследником престола Утямыш-Гиреем, освободить русских пленников и подписать договор, по которому царь мог казнить любого жителя ханства за использование труда русских невольников.

⁷⁸ См. напр.: Карамзин Н.М. История государства российского. Т. VIII. СПб., 1819. С. 125; Васильев С., Бехтерев Н. История Вятского края с древнейших времен до начала XIX столетия. Т. 1. Вятка, 1870. С. 68–69; Загоскин Н.П. Спутник по Казани. Казань, 1895. С. 65; Балыбердин А. «Повесть о стране Вятской» в контексте отношений средневековой Вятки с Москвой и Казанью // Россия и Удмуртия: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства. Ижевск, 2008. С. 233.

§ 3. Последнее правление Шах-Али в Казани: попытка мирного урегулирования или очередной этап завоевания ханства

Если верить официальным источникам, Шах-Али, воссев на ханский трон, разослал по казанским землям приставов для поиска и освобождения полоняников. Общая численность освободившихся из казанского плена составила 60000 человек⁷⁹. Симптоматично, что и в «Синодике по убиенных во брани» говорится о 60000 пленных, правда, освобожденных в результате взятия Казани 1552 года. При этом необходимо учитывать, что круглые числа в древнерусской книжной традиции имели символическое значение⁸⁰, поэтому их нельзя воспринимать буквально. Часть пленников возвращалась через Свияжск, получив «корм» от государя, а жители Пермской, Вятской, Устюжской, Галичской, Вологодской, Мещерской, Муромской и других приграничных земель разошлись «по своим местом» самостоятельно.

Данное событие сопоставлялось с исходом евреев из Египта: «якоже древле создатель Израильтеский род Моисеом из Египта изведе, такоже и ныне Христос царем нашим православным изведе из работы Казаньские множество душ христианских». То есть московскому царю, по примеру пророка Моисея, приписывалось спасение «богоизбранного народа». Далее поясняется, что «се дело поделалось» милосердием Бога, повелением государя и службой воевод, которые вели войну «до челобитиа по многымъ селомъ» и «побили» казанцев, крымцев, ногайцев и бухарцев⁸¹.

В сентябре 1551 г. в Москву приехал князь Ю.М. Булгаков с челобитьем от Шах-Али, призвавшего государя вернуть ему ясак с Горной стороны. Следом за ним явились казанские гонцы – Куламурза Растов, мурза Нур-Али и городецкий есаул, сообщившие, что Шах-Али отправил к царю «послов своих больших»: большого ка-

⁷⁹ Синодик по убиенных во брани // Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI веке. М., 1986. С. 176.

⁸⁰ Кириллин В.М. Символика чисел в литературе Древней Руси (XI–XVI века). СПб., 2000. С. 34.

⁸¹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 170. См. также: Т. 13. Ч. 2. С. 470–471; Т. 20. С. 486; Т. 29. С. 66, 166.

рачу – князя Нур-Али Ширина, дворецкого князя Шабаса Шамова и большого бакшея Абдуллу. В то же время от боярина И.И. Хабарова и дьяка И.Г. Выродкова, находившихся в Казани, прибыл боярский сын с донесением, что казанцы «в полону не прямят по шертной грамоте, а царь Шигалей в том терпит для волнения»⁸².

Иван IV отреагировал, пожаловав Шах-Али, его «царевне», казанским и городецким князьям платья, деньги и сукна и наказав освободить всех русских пленников. В своем обращении к Шах-Али он «приказывал» помнить жалование Василия III и «царево великого князя Ивана жалование», чтобы править в Казани согласно шертным грамотам, «как правду дал», освободить весь полон и укрепить свою и государеву власть в Казани, как и в Касимове, чтобы «кровь бы на обе стороны престала на веки»⁸³. Другими словами, Иван IV в отношениях с восточным соседом преследовал ту же политическую цель, что и Василий III – уравнивать статус Казанского ханства с Касимовским, покончив с кровопролитием.

В октябре в Москву прибыло казанское посольство, просившее вернуть Горную сторону хану или пожаловать часть ясака с этих земель. Царь решил «ни одной денги» с правобережной стороны не давать, а послов задержать до того момента, пока казанцы не освободят всех православных невольников⁸⁴.

В том же месяце из Казани вернулись И.И. Хабаров и И.Г. Выродков, доложившие, что казанцы, заковывая и пряча пленников по ямам, мало их освобождают, а хан, опасаясь волнений, не казнит нарушителей договора. К тому же, по их сообщению, казанцы ведут тайные переговоры с ногайцами, о которых Шах-Али все знает, но государя не оповещает⁸⁵.

14 ноября 1551 г. к царю приехали гонцы, сообщившие, что Шах-Али «побил» в Казани князя Бибарса, Кадыш-богатыря, Карамыш-улана «з братиею» – всего 70 человек, за то, что они вели пе-

⁸² Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 171. См. также: Т. 13. Ч. 2. С. 471; Т. 20. С. 487; Т. 29. С. 67, 166.

⁸³ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 171. См. также: Т. 13. Ч. 2. С. 472; Т. 20. С. 488; Т. 29. С. 67, 167.

⁸⁴ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 171–172; Т. 13. Ч. 2. С. 472; Т. 20. С. 488; Т. 29. С. 67–68, 167.

⁸⁵ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 172; Т. 13. Ч. 2. С. 472; Т. 20. С. 488; Т. 29. С. 68, 167.

реговоры с ногайцами, замышляя убийство хана и боярина Д.Ф. Палецкого. Шах-Али просил задержать в Москве князей Нур-Али и Кострова, да и сами послы, узнав о гибели своих единомышленников, отказались возвращаться в Казань и били челом, «чтобы государь пожаловал»⁸⁶.

Иван IV отправил к Шах-Али А.Ф. Адашева со следующими речами: «Чтобы царь Казань крепко устроил государю, как Городок, чтобы кровь христианская не лилася: сам царь видеть их измену, от начала лжут государем нашим, и брата его Яналея царя они же убили и его многожды изгоневали и ныне убити хотели, чтобы укрепил город великого князя людьми Рускими»⁸⁷.

А.Ф. Адашев передал эти слова Шах-Али через Д.Ф. Палецкого. Хан, ссылаясь на то, что ему опасно оставаться в Казани, так как он «загрубил» казанцам «добре», чтобы задобрить недовольных, просил у царя вернуть Горную сторону. Но Д.Ф. Палецкий, по наказу государя, ответил, что правобережье нельзя отдавать, потому как доходы с этих земель нужны для содержания Свияжска, да, к тому же, казанцы еще держат в плену христиан, «а не отпустят хотя одного человека, и государю за свои христиане стояти, сколько ему милосердный Бог поможет; и толко, государь... Богу в том ответ дати». На это хан заметил, что, если не передадут Горную сторону, ему придется бежать из Казани. «И князь Дмитрий и Алексей царю говорили: “Коли тебе ко государю же бежати, укрепи же город его людьми Рускими”». По заключению летописцев, «и много о том речей спорных было, и царь то отмолвил: “бусурман де есми, не хочю на свою веру стати, а государю своему царю великому князю изменити не хочю же; ехати де мне инуды некуды, еду ко царю и великому князю; ноли де меня от Казанцов иметь немера, и яз лихих еще изведу да буду у государя”»⁸⁸.

Важно отметить, что более ранний источник – Летописец начала царства – содержит продолжение приведенного диалога. Шах-Али

⁸⁶ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 172. См. также: Т. 13. Ч. 2. С. 472; Т. 20. С. 489; Т. 29. С. 68, 167–168.

⁸⁷ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 172. См. также: Т. 13. Ч. 2. С. 473; Т. 20. С. 489; Т. 29. С. 68, 168.

⁸⁸ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 173. См. также: Т. 13. Ч. 2. С. 473; Т. 20. С. 489–490; Т. 29. С. 168.

говорил: «Даи мне, князь Дмитриеи, на том, что меня великому князю не убити, пожяловати, к Городку придати, что пригоже. А яз здесе лихих ещо изведу, да пушки и пищали и зелие перепорчю; и государь приди сам да примышляи, сколько ему Бог поможет за их измену. А пустите мне Руских людей в город не мочно». Причем хан «по своей вере правду на том учинил» и обязался, «как ему царь и велики (князь. – А.А.) велит, так ему выехати к великому князю»⁸⁹.

«Взяв правду» от Шах-Али, Д.Ф. Палецкий и А.Ф. Адашев по пути в Москву заехали в Свияжск, где князья Чапкун и Бурнашь поделились слухами, что весной все казанцы собираются изменить государю.

Далее в тексте официального летописания находим очередное разночтение. По Летописцу начала царства, после возвращения Д.Ф. Палецкого и А.Ф. Адашева Иван IV отправил в Казань Семена Ярцева с повелением к Шах-Али ждать вестей из Москвы и «те дела делати, на чом правду дал»⁹⁰. А по более поздним официальным сводам, Семен Ярцев был отправлен только для того, чтобы оповестить хана об измене казанцев⁹¹.

Согласно единодушному заверению официальных книжников, в январе 1552 г. находившиеся в Москве казанские послы по приказу «Казанской земли» составили челобитье, в котором просили царя «свести» с ханского трона Шах-Али и назначить в Казань, по образцу Свияжска, воеводу-наместника, предупредив, что в противном случае казанцы изменят царю и пригласят другого правителя. На вопросы царя – почему казанцы не желают подчиняться Шах-Али, как его «свести» с престола и на каких условиях будет править наместник? – послы ответили: Шах-Али убивает и грабит казанцев, забирает к себе их жен и дочерей; если царь отзовет своих стрельцов из Казани, хан сам оставит трон, а наместник будет ведать всеми ханскими доходами, решать, кому, где жить, и по государеву жалованию распределять вымороченные имения⁹².

⁸⁹ Там же. Т. 29. С. 69.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 173; Т. 13. Ч. 2. С. 473; Т. 20. С. 490; Т. 29. С. 69, 169.

⁹² Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 173–174; Т. 13. Ч. 2. С. 473–474; Т. 20. С. 490; Т. 29. С. 69–70, 169.

В феврале в Казань прибыл А.Ф. Адашев, сообщивший о намерении царя посадить вместо хана воеводу-наместника. Кроме того, «государь царю о том велел Алексею накрепко говорити, чтобы без убытков без великих пустил великого князя людей в город», но Шах-Али вновь обмолвился, что «ему никак бусурманьского юрта не порушить»⁹³.

Последнее сообщение находит различные продолжения: если верить Летописцу начала царства, Шах-Али, выполняя условия «правды», «позабил» большие казанские пушки и вывез пищали и порох в Свияжск⁹⁴, а по остальным летописям, Шах-Али лишь оповестил царского посланника о своем намерении в ближайшее время покинуть престол – из-за того, что казанцы пригласили хана из Ногайской Орды⁹⁵.

Далее источники единогласно утверждают, что 6 марта 1552 г. Шах-Али, собрав всех стрельцов и 84 казанских князей и мурз, выехал из Казани якобы на рыбалку. Все титулованные казанцы, сопровождавшие хана, были им пленены и угнаны в Свияжск. В тот же день воевода С.И. Микулинский послал из Свияжска в Казань двух казаков с царскими грамотами, сообщавшими, «что по Казанских князей челобитию, государь царя Шигалеа свел и дал им наместника князя Семена, и они бы были в Свиязской город, да учинили правду, и князь Семен с товарищи по государеву наказу к ним в город поедет»⁹⁶. Так, по мнению летописцев, завершилось третье правление Шах-Али в Казани.

Немногочисленные расхождения, представленные выше, скорее всего, являются результатом переработки текста 1553 г. в 1560-е гг. и отражают эволюцию взглядов официального летописания. Книжники заменили в первоначальном тексте именно те сообщения, которые показывали мероприятия Шах-Али, направленные на подрыв военного потенциала ханства. Причем они добавили известие о приглашении хана из Ногайской Орды, несколько иначе объясняя-

⁹³ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 174. См. также: Т. 13. Ч. 2. С. 474; Т. 20. С. 490; Т. 29. С. 70, 169.

⁹⁴ Там же. Т. 29. С. 70.

⁹⁵ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 174; Т. 13. Ч. 2. С. 474; Т. 20. С. 491; Т. 29. С. 169.

⁹⁶ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 175. См. также: Т. 13. Ч. 2. С. 474; Т. 20. С. 491; Т. 29. С. 70–71, 169–170.

шее бегство Шах-Али из города. Видимо, более поздняя редакция акцентировала внимание на миролюбивой, более компромиссной позиции московского ставленника и была призвана продемонстрировать, что и в 1552 г. казанцы, подчинившись Шах-Али, могли избежать военного столкновения и сохранить автономию ханства.

Под влияние поздней трактовки попал и А.Г. Бахтин, заключивший, что до весны 1552 г. Москва, надеясь на реализацию мирного варианта решения проблемы, не планировала военного захвата Казани⁹⁷. Причем данная трактовка не вызвала критики со стороны участников «круглого стола», посвященного проблемам вхождения Среднего Поволжья в состав России⁹⁸. Однако, согласно всем официальным источникам, Шах-Али, вернувшись из Казани, получил за верную службу от царя щедрое жалование – многие села и Сююмбике в жены⁹⁹. То есть, на этот раз хан оказался удачливым проводником московской политики по ослаблению обороноспособности Казанского ханства. Очевидно, мирное урегулирование через установление в Казани власти хана-марионетки не являлось конечной целью Москвы.

Оценка Летописца начала царства находит созвучный отклик и в тексте «Казанской истории», автор которой писал, что Шах-Али приехал в Казань вместе с воеводой И. Хабаровым в сопровождении городецких татар и стрельцов, то есть казанцы добровольно, без кровопролития отдались под полную власть царя. Хан жил в Казани осторожно, приставив ко всем крепостным воротам своих людей. «И мало царь на коего казанца оком ярим поглянул или перстом показал, они же вскоре того, вскочивше, оружием своим разсецаху на кусы». Хан не боялся лишать казанцев титулов и не допускал их на свои совещания. Здесь же сказано, что Шах-Али, уезжая из Казани, увел с собой множество татарских князей, мурз и уланов, готовивших мятеж и измену против Ивана IV¹⁰⁰.

⁹⁷ Бахтин А.Г. Русское государство и Казанское ханство... С. 528.

⁹⁸ Присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству. Взгляд из XXI века. «Круглый стол» в Институте российской истории РАН. М., 2003. С. 19–37.

⁹⁹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 184; Т. 13. Ч. 2. С. 183; Т. 20. С. 500; Т. 29. С. 80, 178.

¹⁰⁰ Казанская история. С. 382–388.

Сообщение «Казанской истории» не имеет текстуальных совпадений с официальным летописанием, но по смысловому содержанию близко к нему. То есть точки зрения современников совпадали.

Итак, по мирному договору 1551 г., казанцы выдали малолетнего хана Утямыш-Гирея и его сторонников, приняли Шах-Али на условиях Москвы и освободили пленников. Однако русское правительство неоднократно упрекало казанцев в том, что они отпустили не всех невольников, и, ссылаясь на ответственность царя перед Богом за душу каждого православного, требовало освободить всех до одного. Это утверждение стало аргументом против возвращения Горной стороны, что усложняло положение Шах-Али на ханском престоле. К тому же, недовольство вызывала расправа нового хана с частью казанской аристократии, порча пушек и вывоз пищалей и пороха. Московские послы неоднократно напоминали Шах-Али и о его обязательстве ввести русские войска в город, но хан, исходя из религиозных взглядов, не пошел на это. Все перечисленное было осуществлено в рамках завоевательной политики Москвы, поэтому можно заключить, что правление Шах-Али задумывалось как временное и служило, по «программе максимум», для захвата Казани, или, в крайнем случае, для ослабления ханства перед его окончательным завоеванием.

§ 4. Последний поход Ивана IV на Казань

Согласно летописной статье «О измене Казанцов», часть татар уже подписалась под условиями наместнического режима и разъехалась по селам к тому моменту, когда Ислам-князь, Кебяк-князь и мурза Алексей, раньше воевод въехав в Казань и рассказав о том, что русские собираются перебить всех, убедили горожан запереть ворота. Как только выяснилось, что казанцы, опасаясь погромов, не пойдут на уступки, воеводы схватили всех казанских князей и казаков, пришедших с ними, и вернулись в Свияжск¹⁰¹.

Ключевой элемент заголовка следующей статьи – «...о поможении православному христианству от безбожных злых изменников

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 176; Т. 13. Ч. 2. С. 475–476; Т. 20. С. 492–493; Т. 29. С. 71–72, 170–171.

Казанских Татар»¹⁰² – связывает возобновление боевых действий против Казанского ханства с защитой православного народа.

В апреле 1552 г. на совете с боярами Иван IV отстоял решение собственноручно возглавить войско и «умыслил» отправить артиллерию и обоз вместе с судовой ратью, а самому с остальным войском «итти Полям». Новгородцам и жителям других дальних городов повелевалось собираться в Коломне и Кашире, «а Московьским городом» – в Муроме¹⁰³.

Тогда же в Москву пришла весть о цинге, начавшейся в Свияжске и унесшей жизни многих детей боярских, стрельцов и казаков. Жители Горной стороны «все изменили» и в союзе с казанцами увели стада скота из-под Свияжска, а казаки, выехавшие за ними, были разбиты. Казанцы разгромили казацкий отряд, переправлявший корм в Свияжск, и, перебив сторожевую заставу на Каме, привели из Астрахани царевича Едигера, воссевшего на ханский престол¹⁰⁴.

В составе официальных летописей сохранилось благословление митрополита Макария, отправленное в Свияжск в мае 1552 года. Глава русской церкви призвал «христолюбивое воинство» мужественно стоять «за православную веру против безбожных Агарян»¹⁰⁵. А в июле, когда русские полки подошли к Мурому, по требованию Ивана IV, ко «всеуму воинству» пришло благословление митрополита и священного собора. Богомольцы призвали на помощь Архистратига Михаила, благодаря которому Авраам победил содомского царя, Иисус Навин взял Иерихон, Гедеон завоевал Медиан, а Иезекииль разгромил ассирийцев. В послании напоминалось, что Господь возносимых смиряет, а смиренных возносит, даруя победу над врагами. По заверению священнослужителей, всем, кто прольет свою кровь за православие, уготовано прощение грехов и царство небесное¹⁰⁶.

¹⁰² Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 177. См. также: Т. 13. Ч. 2. С. 476; Т. 20. С. 493; Т. 29. С. 171.

¹⁰³ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 178; Т. 13. Ч. 2. С. 477; Т. 20. С. 493–494; Т. 29. С. 73, 172.

¹⁰⁴ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 178–179; Т. 13. Ч. 2. С. 477–478; Т. 20. С. 494–495; Т. 29. С. 73–74, 172–173.

¹⁰⁵ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 183. См. также: Т. 13. Ч. 2. С. 482; Т. 20. С. 499; Т. 29. С. 78, 175.

¹⁰⁶ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 193–196; Т. 13. Ч. 2. С. 490–493; Т. 20. С. 507–510; Т. 29. С. 87, 183.

Послание Макария и священного собора к Ивану IV имеет много общего с посланием Вассиана Ростовского к Ивану III¹⁰⁷. И в том, и другом случае наблюдается обращение авторов к опыту ветхозаветных пророков и правителей, одолевавших своих врагов с помощью небесных сил. Оба послания содержат слова апостолов и высказывания из Евангелия¹⁰⁸, смысл которых сводится к тому, что смирение перед Господом и усердие в его делах приведет к ратным успехам¹⁰⁹. Иными словами, во времена стояния на Угре, как и в 1552 г., духовные лидеры не просто призывали русское воинство к мужеству, а, напоминая о военных подвигах Иисуса Навина, Гедеона и других праведников, указывали на предрешенность победы в борьбе за православную веру.

Летописцы вложили в уста самодержца слова, раскрывающие религиозный смысл военного противостояния: воевать против «нечестивых варвар» во имя Христа означало страдать, подобно первым мученикам и апостолам, а за это Господь мог даровать не только земное царство, славу и благополучие, но и бесконечную, небесную «радость»¹¹⁰. По наблюдениям М.Л. Шмыковой, «мысль о святости воинов, павших за веру, генетически восходила к “Сказанию о Мамаевом побоище”, “Посланию на Угру” Вассиана Рыло, а также к летописному сказанию о походе хана Сафа-Гирея на Русь в 1541 г., то есть памятникам посвященным борьбе с татарами»¹¹¹.

Автор «Казанской истории» создал оригинальные сообщения, указывающие на Божье благословение «Казанского взятия». Ключевым сюжетом является беседа митрополита с царем, в ходе которой Иван IV получил от Макария, вместо видимого оружия, крест Христов, то есть благословение от Вседержителя небесного, а вместе с тем, храбрость и мужество Александра Македонского¹¹².

¹⁰⁷ См.: Кудрявцев И.М. «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. // ТОДРЛ. Т. 8. М.; Л., 1951. С. 182–183.

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. 12. СПб., 1901. С. 203–212; Т. 13. Ч. 1. С. 193–196.

¹⁰⁹ См.: Лк. 1: 52; Иак. 4: 6; 1 Пет. 5: 5.

¹¹⁰ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 185. См. также: Т. 13. Ч. 2. С. 483; Т. 20. С. 500; Т. 29. С. 79, 177.

¹¹¹ Шмыкова М.Л. Идеологическое обоснование внешней политики Русского государства в середине XVI века (На примере присоединения Казанского и Астраханского ханств) // Россия и Удмуртия: история и современность... С. 290.

¹¹² Казанская история. С. 391.

В апреле 1552 г. начался сбор русского войска для похода на Казань. Большой полк возглавили И.Ф. Мстиславский и М.И. Воротынский, передовой – И.И. Пронский и Д.И. Хилков, полк правой руки – П.М. Щенятев и А.М. Курбский, полк левой руки – Д.И. Микулинский и Д.М. Плещеев, сторожевой полк – В.С. Серебряный и С.В. Шереметьев, царский полк – В.И. Воротынский и И.В. Шереметьев¹¹³.

Если верить разрядным книгам, Иван IV еще в апреле отправил две судовые рати: по Волге двигались полки А.Б. Горбатого и Д.Р. Юрьева, а по Каме – войска М.В. Глинского и И.И. Умног-Колычева. В мае на Казань через Муром выдвинулись большой, передовой и сторожевой полки¹¹⁴. И летописи, и разрядные книги указывают на то, что царь вместе с остальным войском выехал из Москвы только 16 июня¹¹⁵.

Когда царские полки находились в Коломне, Тулу осадил крымский хан. Из-за этого часть войск, собранных для казанского похода, отправили на помощь в Тулу, но тульский гарнизон самостоятельно отразил нападение¹¹⁶. По «Казанской истории», Девлет-Гирей намеревался беспрепятственно пограбить Русь, а затем объединиться с казанцами и заставить русских отступить от Казани¹¹⁷. Согласно А.М. Курбскому, Девлет-Гирей надеялся на то, что Иван IV находится уже под Казанью, но, узнав о приближении царских войск, наспех отступил. Пятнадцатитысячный отряд, в составе которого был и А.М. Курбский, придя под Тулу, застал там лишь часть крымских войск, находившуюся в разъездах и не успевшую отступить. В ходе полуторачасового сражения русские разгромили неприятеля, перебив почти всех крымцев¹¹⁸.

Согласно официальным сводам, на коломенском совещании боярские дети из Новгорода и другие служилые люди выразили нежелание продолжать поход, однако после того, как царь пообещал

¹¹³ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 184; Т. 13. Ч. 2. С. 482; Т. 20. С. 499; Т. 29. С. 78.

¹¹⁴ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 133–134.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 184; Т. 13. Ч. 2. С. 483; Т. 20. С. 500; Т. 29. С. 78, 176; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 135.

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 189–190. См. также: Т. 13. Ч. 2. С. 486–488; Т. 20. С. 503–505; Т. 29. С. 83–84, 179–181.

¹¹⁷ Казанская история. С. 408.

¹¹⁸ Курбский А.М. История о великом князе Московском. С. 325–327.

щедрое вознаграждение, споры утихли, «и отвечаша вси по единому равногласы: “готови с государем, а он, государь, нашъ промысленик зде и там нами промыслит, как ему, государю, Бог известит”»¹¹⁹.

3 июля войска двумя колоннами выдвинулись к Казани: одна группа войск под руководством царя направилась через Владимир и Муром, а другая – шла через Рязань и Мещеру. Из Мурома выступил Шах-Али с воеводой П.А. Булгаковым. Тем временем пришла весть, что большой, передовой и сторожевой полки в результате масштабных боевых действий подчинили жителей Горной стороны¹²⁰.

«Казанская история» говорит и о численности царского войска: 300000 русских сухопутных воинов, 100000 судовой рати, 60000 татарских князей, мурз и казаков под командованием Шах-Али, астраханских царевичей – Кайбула и Дербыш-Али, крымского царевича Токтамыша и шибанского царевича Кудайта, 5000 черкесов, 10000 мордвы и столько же немцев, фрягов и ляхов. В итоге казанский поход 1552 г. сравнивается с приходом вавилонского войска к Иерусалиму. Этой силе противостояло 50000 воинов в Казани, 15000 черемисов и татар, дислоцированных в Арской крепости, и десяти тысячный отряд, стоявший на Волге¹²¹.

Царственная книга и Александро-Невская летопись, в отличие от более ранних официальных летописей, содержат ряд известий, связанных с чудесами и знаменьями, произошедшими во время казанского похода 1552 года¹²². Подобные сообщения сохранились и в Степенной книге, автор которой подчеркнул, что русские по дороге в Казань питались уготованной Богом пищей: на полях собирали овощи, из леса на заклятие выходили лоси, с неба прилетали птицы, а из рек вылавливали множество рыбы¹²³. Следовательно, поход на татар и завоевание Казанского ханства благословил сам Господь. Для подтверждения данного тезиса составитель Царственной книги привел несколько статей, повествующих о видениях, предрекавших победу. К служителям церкви и воинам являлись апостолы, Нико-

¹¹⁹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 191. См. также: Т. 13. Ч. 2. С. 488–489; Т. 20. С. 506; Т. 29. С. 85, 181.

¹²⁰ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 191, 198; Т. 13. Ч. 2. С. 489, 495; Т. 20. С. 506, 512; Т. 29. С. 85, 91, 181, 187.

¹²¹ Казанская история. С. 411.

¹²² ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 502–503; Т. 29. С. 193–194.

¹²³ Там же. Т. 21. С. 643.

лай Чудотворец и преподобный Даниил. Святые, сообщая о том, что Господь передает Казань в руки царя, поддерживали православных и призывали их к более решительным действиям¹²⁴.

Автор «Казанской истории», противореча Степенной книге, привел сообщение о засухе, от которой в походе умерло много людей. Причем засуха была ниспослана казанцам за их грехи. По словам книжника, пересохшие реки и болота позволили русским войскам беспрепятственно, гоняя перед собой скот, разъезжать по казанским землям¹²⁵. М.Б. Плюханова обнаружила сходство данного сообщения с известием о походе Ивана III на Новгород в 1471 году¹²⁶. В Новгородской летописи рассказывается, что «болота непроходимыя от солнечного зноя пересоха: бо везде у них ратнии полцы великого князя, ничим же удержими, по всей Новгородской зимли воеваху невозбранно, и скоти гнаху отвсюду непроходимыми месты и болоты, а все по суху». Новгородский летописец сравнил поход великого князя с нашествием Навуходоносора на Иерусалим¹²⁷.

Таким образом, автор «Казанской истории» заимствовал целый сюжет из Новгородской летописи. Сопоставляя взятие Казани с падением Иерусалима и покорением Новгорода, он включил в повествование похода 1552 г. описание засухи, противоречащее в конкретно-историческом смысле данным других источников.

Напротив, А.М. Курбский вспоминал, что царским войскам пришлось переправляться через многочисленные реки и болотца, а дорогу указывали казанцы, перешедшие на русскую службу. Главная колонна войск прошла к Свияжску через Муром; параллельно ей, южнее, через рязанские и мещерские земли, двигалась рать из 30000 человек, прикрывавшая Ивана IV от возможного внезапного нападения ногайцев. А.М. Курбский, добравшийся до Свияжска в составе тринадцатитысячного войска, вспоминал, что в пути им пришлось голодать и испытать всяческие трудности. В Свияжске царя встретили 15000 конников, множество пехотинцев и 4000 воинов из числа местного населения¹²⁸.

¹²⁴ Там же. С. 643–646.

¹²⁵ Казанская история. С. 413–416.

¹²⁶ Плюханова М.Б. Сюжеты и символы... С. 200.

¹²⁷ Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 291–292.

¹²⁸ Курбский А.М. История о великом князе Московском. С. 328–329.

По официальным источникам, царь прибыл в Свияжск 13 августа 1552 г. и разместил свои шатры на лугу около города. Посоветовавшись с князем Владимиром Андреевичем и ханом Шах-Али, он решил немедля отправить в Казань грамоты, одна из которых, составленная от имени Шах-Али, содержала предложение хану Едигеру оставить Казань и получить «государево жалование», а другая, направленная мулле Кул-Шерифу и «всей земли Казаньской», призывала выдать зачинщиков «лихого дела» и «бить челом государю»¹²⁹.

По «Казанской истории», Едигеру предлагалось перейти на царскую службу и до конца жизни править Казанью, а остальным жителям города предлагалось либо, сохранив свои обычаи, подчиниться власти хана и трех воевод, назначенных царем, либо беспрепятственно выехать из Казанского ханства. В случае неповиновения царь пригрозил, что намерен стоять под Казанью, пока не возьмет город и не уничтожит всех его жителей. Автор «Истории» уточнил, что хан хотел сдаться, но казанцы решили стоять насмерть за свою веру и законы и отвергли предложения Ивана IV¹³⁰.

Но, согласно официальным летописям, московское командование, не дожидаясь реакции казанцев на мирное предложение, начало переброску войск на левый берег Волги. 20 августа царский полк перешел р. Казанку, тогда же Иван IV получил ответ от Едигера, который, понося православие и Шах-Али, объявил о своем твердом намерении воевать. Когда русские полки начали выгружать пушки и осадные орудия, к государю на службу приехал Камай-мурза, который сообщил о ситуации в стане противника¹³¹.

По словам одного перебежчика, в городе утвердилась власть Едигера и его сторонников, среди которых упоминались мулла Кул-Шериф, ногайский князь Зейнешь, тюменский князь Кебек, казанские князья Чапкун, Ислам, Дербыш и Алекей. Эти люди «всю землю на лихо» подняли: собрали в Казани большие запасы и много воинов, отправили Япанчу-князя, Шунак-мурзу и арского князя

¹²⁹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 201; Т. 13. Ч. 2. С. 497–498; Т. 20. С. 514–515; Т. 29. С. 93–94, 189.

¹³⁰ Казанская история. С. 416–418, 420.

¹³¹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 202; Т. 13. Ч. 2. С. 498; Т. 20. С. 515; Т. 29. С. 94, 190.

Явуша на засеку собирать остальные силы для атаки на царские полки и защиты Арской земли¹³².

23 августа царские полки расположились близ Казани и, развернув хоругви и водрузив крест Дмитрия Донского, совершили молебен. Здесь же Иван IV обратился к войску с речью, призывая их «единодушно пострадати за благочестие, за святые церквы и за нашу православную христианьскую веру» и «за единородную нашу братию», страдающую от «безбожных Казанцов». Царь заявил, что он готов пожертвовать собственной жизнью за это, а тех, кто следует его примеру, пообещал «жаловати великим жалованием». Князь Владимир Андреевич и другие полководцы ответили государю, что намерены воевать «за православие не щядя себя»¹³³.

По замечанию М.Л. Шмыковой, «воплощением идеи божественного покровительства и образа крестоносной власти в казанском походе было боевое царское знамя, так называемый “Спас Нерукотворный”, сопровождавшее, по преданию, Дмитрия Донского на Куликовом поле и развернутое Иваном IV под стенами Казани»¹³⁴.

После того, как царь получил благословение от протопопа Андрея, войска двинулись к стенам Казани. Как только ертаульный полк подошел к городу, из крепости близ оз. Кабан выехала казанская конница и напала на стрелецкий полк, к которому подоспело подкрепление. В результате сражения казанцы отступили, а царские силы расположились следующим образом: Шах-Али с большим и передовым полками встал на Арском поле, полк правой руки с казаками – за р. Казанкой, сторожевой – в устье р. Булак, а левой руки – рядом с последним. Полк Ивана IV и походные церкви разместились на Царском лугу¹³⁵.

По подсчетам А.М. Курбского, когда царские полки подошли к Казани, из крепости вышло 5000 конников и 10000 пехотинцев. Вылазка закончилась отступлением ханских войск, после чего осадное

¹³² Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 202; Т. 13. Ч. 2. С. 498; Т. 20. С. 515–516; Т. 29. С. 94–95, 190.

¹³³ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 204. См. также: Т. 13. Ч. 2. С. 500; Т. 20. С. 517; Т. 29. С. 96, 191.

¹³⁴ Шмыкова М.Л. Идеологическое обоснование внешней политики Русского государства... С. 291.

¹³⁵ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 204–205; Т. 13. Ч. 2. С. 500–501; Т. 20. С. 517–518; Т. 29. С. 96–97, 191–192.

кольцо сомкнулось. Вокруг города было установлено 150 пушек и много полевых орудий, с помощью которых удалось противостоять пушечному обстрелу с крепостных стен¹³⁶.

Официальные летописи свидетельствуют, что воеводы установили вдоль Булака туры¹³⁷ и пушки 24 августа, а на следующий день казанцы осуществили вторую вылазку, вылившуюся в продолжительное сражение и завершившуюся отступлением татар. В тот же день случилась сильная буря, потопившая царские суда с запасами. Государь, решив в случае необходимости зимовать под Казанью, приказал доставить провиант из Свияжска и Москвы¹³⁸.

Большая «сеча» началась 26 августа, когда царские войска подкатили туры к городу со стороны Ханских, Аталыковых, Арских и Тюменских ворот. Ожесточенные бои, проходившие на фоне непрерывного перекрестного артобстрела и доходившие до рукопашных схваток, продолжались до полуночи. Пока стрельцы и казаки отражали вылазки казанцев, воины И.Ф. Мстиславского и М.И. Воротынского установили туры и сделали насыпи напротив северных и восточных стен города¹³⁹.

27 августа с укрепленных позиций начался мощный обстрел из стенобитных орудий и пушек, в то же время казанцы совершили очередную вылазку, в результате которой Карамыш-улан попал в плен. Как признался пленный под пытками, в городе погибло много людей, но «вся земля» во главе с ханом, не помышляя сдаваться, «стоит насмерть»¹⁴⁰.

Через день дали о себе знать казанцы, оставшиеся вне города: князя Япанча и Евуш напали на передовой полк, которому, благодаря поддержке большого полка, удалось отбиться. Еще через неко-

¹³⁶ Курбский А.М. История о великом князе Московском. С. 329–331.

¹³⁷ Туры – срубленные из дерева или сделанные из хвороста бойницы-укрытия с амбразурой для стрельбы. См.: Богдановский М. Инженерно-исторический очерк осады Казани 7060–7061 гг. СПб., 1898; Жеребов Д. Инженерное обеспечение взятия Казани в 1552 г. // Военно-инженерный журнал. 1949. № 8. С. 31–42.

¹³⁸ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 205; Т. 13. Ч. 2. С. 501; Т. 20. С. 518; Т. 29. С. 97, 192.

¹³⁹ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 206; Т. 13. Ч. 2. С. 501–502; Т. 20. С. 519; Т. 29. С. 97–98, 192–193.

¹⁴⁰ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 207. См. также: Т. 13. Ч. 2. С. 504; Т. 20. С. 520; Т. 29. С. 99, 195.

торое время полк правой руки установил туры с северо-западной стороны города, в результате чего кольцо русских укреплений вокруг Казани сомкнулось, и начался беспрестанный артобстрел по всему периметру. Это позволило направить часть сил на разгром войска Япанчи. Полки А.Б. Горбатого при поддержке воеводы И.И. Кашина, стрельцов и мордвы разбили татарский отряд, приведя к царю 340 пленных¹⁴¹.

По свидетельствам А.М. Курбского, в Казани было 30000 воинов, другая часть войск расположилась вне крепости и беспокоила русские тылы. Вылазки совершались организованно, по знаку: когда на городской башне поднималось мусульманское знамя, одновременно со всех ворот и из леса на царские полки нападали казанцы. Это происходило ежедневно в течение 3 недель, так часто, что царские воины не успевали наестся даже сухим хлебом, но все атаки казанцев удалось отразить¹⁴².

Согласно официальным данным, Иван IV, угрожая расправиться с пленными, направил в город еще одно предложение о мире и, не получив ответа, приказал казнить «языков». После этого под руководством немецкого инженера Размысла начались работы по разрушению крепостных стен. 4 сентября была взорвана часть стены со стороны Нуралиевых ворот и ликвидирован тайник, снабжавший казанцев водой¹⁴³.

В то же время царь отправил на захват Арской крепости немалую часть войска: большой полк под командованием А.Б. Горбатого и З.П. Яковлева, передовой полк – С.И. Мукулинского, сторожевой полк – П.А. Булгакова и Д.Ф. Палецкого, а также стрельцов, казаков, городецких татар, мордву во главе с Еникей-князем и «горных людей». Воеводы взяли острог и, разоряя Арские земли и освобождая православных невольников, совершили поход вдоль Камы на 150 верст¹⁴⁴. А.М. Курбский писал, что Арская земля была богата

¹⁴¹ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 208–209; Т. 13. Ч. 2. С. 504–505; Т. 20. С. 520–521; Т. 29. С. 99–100, 195–196.

¹⁴² Курбский А.М. История о великом князе Московском. С. 333–335.

¹⁴³ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 209–210; Т. 13. Ч. 2. С. 505–506; Т. 20. С. 522; Т. 29. С. 100–101, 196–197.

¹⁴⁴ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 210–211; Т. 13. Ч. 2. С. 506–507; Т. 20. С. 523–524; Т. 29. С. 101–102, 197–198.

пушминой, медом и хлебом, поэтому воеводы вернулись с большой добычей, снабдив войско хлебом и скотом¹⁴⁵.

По возвращению войск А.Б. Горбатого командование усилило натиск на Казань, передвинув туры ко рву и установив около Ханских ворот башню для обстрела внутренней части города. Казанцы ответили массовой вылазкой и на некоторое время овладели укрепленными позициями русских. С обеих сторон погибло множество воинов, среди раненных оказались и воеводы: М.И. Воротынский, Ю.И. Кашин и П. Морозов. Не менее ожесточенное сражение развернулось у Арских ворот, оказавшихся, в конце концов, в руках воевод. Здесь из-за неготовности остальных войск наступление было приостановлено, чем воспользовались казанцы, соорудив напротив брешей и захваченных ворот срубы и насыпи¹⁴⁶.

1 октября началась подготовка к решающему штурму города. Все рвы заполнили землей и бревнами, а некоторые стены, беспрестанно обстреливая из больших пушек, разрушили до основания. Царь направил в город еще одно послание, в котором предлагал казанцам выдать предводителей мятежа и «бить челом», но защитники заявили: «...Все помрем или отседимся»¹⁴⁷.

2 октября взрыв городских стен стал сигналом к началу штурма. Первыми на приступ устремились казаки, стрельцы и боярские дети. Царские полки ринулись с кличем «с нами Бог», а казанцы – говоря, что «все помрем за юрт»¹⁴⁸.

Тем временем Иван IV находился на литургии, а взрыв, по замечанию летописца, прогремел сразу вслед за произнесением дьяконом заключительной строки Евангелия: «И будет едино стадо и един пастырь». Дважды царя просили выехать к войску, но он, отказываясь прерывать богослужение, со слезами на глазах молил Христа, Богоматерь и преподобного Сергия о помощи. И только

¹⁴⁵ Курбский А.М. История о великом князе Московском. С. 335–338.

¹⁴⁶ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 212–213; Т. 13. Ч. 2. С. 507–509; Т. 20. С. 524–526; Т. 29. С. 102–104, 198–199.

¹⁴⁷ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 214. См. также: Т. 13. Ч. 2. С. 509; Т. 20. С. 526; Т. 29. С. 104, 200.

¹⁴⁸ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 217. См. также: Т. 13. Ч. 2. С. 512; Т. 20. С. 528; Т. 29. С. 106, 202.

после окончания литургии, получив благословение от протопопа Андрея, государь поехал к своему полку¹⁴⁹.

Некоторые исследователи на основе буквальной интерпретации данного известия сделали вывод о личностных качествах Ивана IV. По мнению Р.Г. Скрынникова, «в ходе военных действий царь не выказал больших дарований», «промедление Ивана дало пищу для неблагоприятных толков в полках»¹⁵⁰. С.Х. Алишев писал о проявлении малодушия царя в часы последнего штурма¹⁵¹.

Однако представленное сообщение имеет ряд семантических параллелей с известиями о воинских подвигах праотцев царя, на фоне которых актуализируются другие смыслы. Действия Ивана IV сильно напоминают поведение Дмитрия Донского накануне Куликовской битвы и Ивана III перед походом на Угру. Предки царя также, откладывая выступление, со слезами на глазах подолгу молились Христу, Богоматери и православным святым¹⁵².

Ключ к пониманию подобного промедления сокрыт в тексте «Сказания о Мамаевом побоище». Когда великий князь Дмитрий Иванович приехал в Троицкий монастырь за благословением, ему сообщили, «яко уже приближаются погании половци». Великий князь стал торопиться и просить преподобного Сергия отпустить его, на что старец ответил: «Се ти замедление сугубо ти поспешение¹⁵³ будет. Не уже бо ти, господине, еще венець сиа победы носити, нь по минувших летех, а иным убо многим ныне венци плетутся»¹⁵⁴.

Другими словами, согласно Сергию, промедление помогает в ратном деле и указывает на то, что Дмитрий Иванович, одержав победу, вернется живым. Уже в разгар Куликовской битвы, когда инициатива стала переходить к противнику, князь Владимир Андреевич порывался выйти с засадным полком на помощь основным силам. Но воевода Дмитрий Боброк-Волынский, развивая мысль Сергия Радонежского, остановил князя словами: «Беда, княже, ве-

¹⁴⁹ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 217; Т. 13. Ч. 2. С. 511–512; Т. 20. С. 528–529; Т. 29. С. 106–107, 201–202.

¹⁵⁰ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1983. С. 47.

¹⁵¹ Алишев С.Х. Казань и Москва... С. 140.

¹⁵² ПСРЛ. Т. 11. СПб., 1897. С. 56, 58; Т. 12. СПб., 1901. С. 200.

¹⁵³ «Поспешение» – помощь, содействие. См.: Словарь русского языка XII–XVII вв. Вып. 17. М., 1991. С. 214.

¹⁵⁴ Сказание о Мамаевом побоище // БЛДР. Т. 6. СПб., 1999. С. 150.

лика, не уже пришла година наша: начинаай без времени, вред себе приемлеть»¹⁵⁵. В.Н. Рудаков, проанализировав различные списки «Сказания», заключил, что Дмитрий Боброк-Волынский ждал определенного часа, когда придет «дух южный», знаменовавший «собой сошествие на помощь русским “силы Святого Духа”»¹⁵⁶.

Таким образом, летописцы, говоря о промедлении царя во время штурма Казани, не пытались показать его малодушие, а стремились разъяснить читателю, что государь проявил мудрость: поступил согласно совету преподобного Сергия и по примеру великих праотцев – дождался часа снисхождения Божьей помощи, обретя победу над врагом. Вместе с тем, это еще один элемент, связывающий события из разных веков. Такое сопоставление давало понять, что Иван IV завершил дело, начатое русскими князьями в 1380 г., то есть Куликовская битва, стояние на Угре и взятие Казани – это сражения одной войны – за православную веру и обретение царства.

Согласно официальному известию о последнем штурме Казани, когда русские войска ворвались в город, воевода М.И. Воротынский запросил подкрепление, и царь послал людей из своего полка. Много часов на улицах Казани продолжались ожесточенные бои. Серьезное столкновение произошло у мечети, где мулла Кул-Шериф собрал верующих для сражения. Но царские войска «со всеми его побиша». Казанцы отступили к ханскому двору, но и здесь их «сечаху нещадно», «мужей и жен, по удолием крови течаху».

Выжившие защитники города, в надежде спастись, бросились к Елабугиным воротам, некоторым удалось пробиться через ряды русских и бежать к лесу. А.М. Курбский пытался остановить этот отряд, но его сбили с коня, поэтому в погоню отправились С.И. Микулинский, Л.А. Салтыков, М.В. Глинский, И.В. Шереметьев и другие воеводы, которые «побили множество поганых..., и немногие утекли, многими ранами ранены»¹⁵⁷.

По словам официальных летописцев, Иван IV, благодаря помощи Христа, Богородицы, Архистратига Михаила и чудотворцев,

¹⁵⁵ Там же. С. 180.

¹⁵⁶ Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII – XV вв. М., 2009. С. 159.

¹⁵⁷ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 218. См. также: Т. 13. Ч. 2. С. 513; Т. 20. С. 530; Т. 29. С. 108, 203.

одолеет врага «до конца, и царя Казаньского Едигер-Магмета изыма, и знамена их взяша, и царство и град многолюдной Казаньской въсприят»¹⁵⁸.

Всех казанских воинов казнили, а женщин и детей взяли в «полон». Пленных оказалось так много, что хватило на каждого царского воина, в то время как русские невольники получили свободу. Показывая численность погибших, летописцы заметили, что кучи трупов в высоту достигли уровня крепостных стен, все рвы были заполнены мертвецами, «и по Казань по реку и в реке и за рекою по всему лугу мертви погании лежаше»¹⁵⁹.

А.М. Курбский, непосредственно участвовавший в последнем штурме города, оставил сведения, неизвестные другим книжникам. По его данным, спустя 7 недель после начала осады русское командование подготовило войско к решающему штурму, об этом стало известно и казанцам. На рассвете прогремел взрыв и начался штурм. Через полчаса после начала сражения полк А.М. Курбского овладел частью стены. На захват всего периметра стен ушло около 4-х часов¹⁶⁰.

Так как Казань была полна золотом, серебром, драгоценными камнями, соболями и другими богатствами, после отступления татар к ханскому двору все русские, в том числе купцы и кашевары, сбежали в город «не ратного ради дела, но на корысть многую». По мере того, как царские воины придавались мародерству, инициатива перешла в руки казанцев, организовавших контрнаступление. Видя отступление русских, воеводы развернули хоругви у ханских ворот, поневоле привели туда Ивана IV и заставили воинов царского полка оставить коней и идти в город на помощь. Свежие силы оттеснили казанцев к ханскому двору. Оставшиеся в живых татары упорно сопротивлялись еще полтора часа, после чего выдали хана и вырвались из города. А.М. Курбский с двумя-тремя сотнями конников пытался остановить шеститысячный полк, но, получив тяжелые ранения, потерял сознание. Его воины отступили, а казанцы ушли в лес¹⁶¹.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 219. См. также: Т. 13. Ч. 2. С. 513; Т. 20. С. 530; Т. 29. С. 108, 203.

¹⁶⁰ Курбский А.М. История о великом князе Московском. С. 343.

¹⁶¹ Там же. С. 347.

В «Истории о великом князе Московском» приводится еще один уникальный факт: после взятия города царь не поддался на уговоры мудрых воевод остаться в Казани до весны, дабы подчинить все народы ханства и, пробыв там еще неделю и оставив часть войск, отбыл восвояси¹⁶².

Таким образом, рассказ А.М. Курбского, наряду с оригинальными сведениями, представленными выше, содержит данные, подтверждающие летописные известия. Например, он сообщает о взрывах подкопов под городскими стенами, о сооружении башни для обстрела внутренней части города, об отказе казанцев от мирного предложения, об убийстве казанских пленных и о выходе на сражение отряда мусульманского духовенства во главе с муллой Кул-Шерифом¹⁶³.

Автор «Казанской истории» несколько иначе представил последний штурм города. По его словам, после очередного отказа казанцев подчиниться царь сформировал отборный полк из ста тысяч бойцов, вставших в авангарде штурма. Как сказано и в прочих источниках, последний штурм начался вслед за взрывом крепостной стены, в тот момент, когда на литургии священнослужитель промолвил: «И будет едино стадо и един пастырь»¹⁶⁴.

Передовой полк, состоявший из служилых татар и русских, в один миг проломил девять ворот города, а за ним устремились остальные силы. Летописец, не раз обратив внимание на храбрость казанцев в бою, заключил, что они, как бы стойко ни бились, не могли долго продержаться перед царским войском, многократно превосходившим их по численности. Из города прорвался трехтысячный отряд казанцев, который окружили и уничтожили русские полки, находившиеся на Царском лугу. В результате сражения в Казани остались горы трупов, телами мертвых были усыпаны поля, рвы, ручьи и колодцы на подступах к городу. По подсчетам рязанского воеводы Назара Глебова, казанцев погибло более 190 тысяч, включая стариков, женщин и детей, а русских воинов – 15355 человек¹⁶⁵.

¹⁶² Там же. С. 348.

¹⁶³ См.: Там же. С. 326–347.

¹⁶⁴ Казанская история. С. 459.

¹⁶⁵ Там же. С. 461–479.

Г.З. Кунцевич, сравнивая известия «Казанской истории» с данными разрядных книг, указал на неточности описания воеводских позиций¹⁶⁶. Он обнаружил некоторые расхождения автора «Казанской истории» с официальными летописцами. Это касается таких сведений, как датировка похода, время пути русских войск к Казани, дислокация царских полков во время осады, количество ворот в крепостных стенах и ряд других вопросов¹⁶⁷. По мнению А. Ситдикова, топонимика событий 1552 г., представленная в «Казанской истории», не выдерживает критики¹⁶⁸. С.Х. Алишев заметил, что автор «Истории» не жил в Казани, поскольку он «не упоминает ни одного городского строения или объекта, не знает многие события и факты, достоверно сообщаемые другими источниками, а если знает, то многие извращает и толкует по-своему»¹⁶⁹.

Возможно, автор «Казанской истории» действительно никогда не бывал в Казани. Однако в ходе нашего исследования и трудами предшественников установлено, что в его распоряжении был широкий круг источников, и при желании он мог привести точное описание «Казанского взятия». Вероятнее всего, книжник не стремился представить подлинную, с точки зрения современной науки, картину произошедшего и свою главную задачу видел в аллегорическом истолковании событий. Буквальное понимание текста «Казанской истории» лишает нас возможности выявить наиболее актуальные смыслы произведения, привнесенные автором, порой, с помощью намеренного искажения действительности, путем заимствования сюжетных композиций из источников, казалось бы, вовсе не связанных с объектом повествования.

Еще А.С. Орлов и Г.З. Кунцевич проследили сюжетную связь сообщений «Казанской истории» с «Повестью о взятии Царьграда

¹⁶⁶ Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве... С. 416–418.

¹⁶⁷ Там же. С. 420–506.

¹⁶⁸ Ситдиков А. Некоторые аспекты топографии ханской Казани // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Материалы научного семинара «Казанское ханство: актуальные проблемы исследования». Казань, 2002. С. 164.

¹⁶⁹ Алишев С.Х. Источники и историография города Казани. Казань, 2001. С. 39.

турками в 1453 году»¹⁷⁰. М.Б. Плюханова справедливо полагала, что рассказ «Казанской истории» заимствован, главным образом, из официального летописания, за исключением известий о последней осаде Казани, в основе которых лежала «Повесть о взятии Царьграда». По ее замечанию, «использование “Повести” не ограничивается заимствованием живописных воинственных сцен... И расстановка сил, и последовательность событий, и характер их в описании взятия Казани оказываются подчиненными духу “Повести”»¹⁷¹.

Например, оба произведения сходным образом, вплоть до текстуальных совпадений, рассказывают о многократном превосходстве сил нападающей стороны, об обращении за помощью к соседним народам (в «Повести» за военной поддержкой обращались к фрягам, а в «Истории» – к ногайцам), о гигантских пушках и ядрах, бьющих по стенам, и о других фактах. Одинаково оценивается и поведение осажденных – в том и другом случае, настроенных на решительное сопротивление, при этом не менее храбрыми оказываются и нападающие¹⁷².

Автор «Истории», репрезентируя взятие города, соединил летописные сведения с известиями «Повести о взятии Царьграда», чтобы сравнить завоевание Казани с покорением Царьграда, символизировавшего получение царской власти. Таким образом, мифопоэтическая функция Царьграда была перенесена на Казань, взятие которой осмыслялось как обретение царства и воцарение. И это не домыслы отдельно взятого летописца – представленная идея лежала в основе идеологии Московского царства. Если в официальных летописях сказано лишь, что Иван IV «царство и град многолюдной Казаньской въсприят»¹⁷³, то в дипломатических документах прослеживается теория обретения царства через завоевание Казани. Так, русские послы при дворе польско-литовских королей объясня-

¹⁷⁰ Орлов А.С. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI–XVII вв. // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 13. Кн. 4. СПб., 1908. С. 344–379; Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве... С. 511–516.

¹⁷¹ Плюханова М.Б. Сюжеты и символы... С. 182.

¹⁷² Там же. С. 183–184.

¹⁷³ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 218. См. также: Т. 13. Ч. 2. С. 513; Т. 20. С. 530; Т. 29. С. 108, 203.

ли происхождение царского титула Ивана IV в том числе и тем, что ему покорилось «Казанское царство»¹⁷⁴.

В целом «Казанская история» изобилует оригинальными сюжетами и сведениями, почерпнутыми из наиболее авторитетных произведений эпохи, в то же время, ее текст настолько близок к официальным летописям, что в ряде случаев можно наблюдать дословные совпадения.

В Степенной книге описание боевых действий носит обзорный характер. Сказано лишь, что русские полки обступили весь город и обстреливали его из пушек, пищалей и стенобитных орудий, а казанцы, не смирившись, продолжали сопротивление, выходя из города и атакуя со стороны леса¹⁷⁵.

Составитель Степенной книги дважды сравнивает Иван IV с пророком Моисеем. Царь, подобно Моисею, освободившему евреев от Фараона, вывел «новый Израиль», то есть православных, из татарского плена. Во время последнего штурма Казани он молился, помогая русским воинам одержать победу, что было содеяно по примеру Моисея, который воздвигнул руки к небу и молитвой помог своему народу одолеть врагов¹⁷⁶.

Более близка к официальным летописям «Троицкая повесть о взятии Казани», содержащая все основные известия летописания в переработанном и сокращенном виде. Автор «Повести» представил уникальное сообщение о приходе под Казань монахов Троицкой обители. Во время осады иноки Адриан Ангелов и Гурий принесли к Ивану IV иконы, просфору и святую воду из Троицкого монастыря, «и от того дни православному царю нашему вся радость и победы на враги от Господа даяшеся». Монастырский книжник сравнил это с приходом посланцев Сергия Радонежского к Дмитрию Донскому накануне Куликовской битвы и оценил как божественное благословение¹⁷⁷. Схожий сюжет сохранился и в рассказе о стоянии на Угре. Митрополит Геронтий отправил к Ивану III на Угру

¹⁷⁴ Сборник Русского исторического общества. Т. 59. СПб., 1887. С. 476, 499–500, 505, 519, 528.

¹⁷⁵ ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. С. 644.

¹⁷⁶ Там же. С. 646–647.

¹⁷⁷ Троицкая повесть о взятии Казани // БЛДР. Т. 10. С. 556–561. Близкое по смыслу сообщение содержится лишь в Софийской второй летописи. См.: ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1863. С. 312.

«вощаницу» и святую воду, что помогло русским отразить наступление татар¹⁷⁸. Таким образом, перед нами еще один эпизод, устанавливающий смысловые параллели между Куликовской битвой, стоянием на Угре и походом 1552 года.

«Казанское взятие» отражено и в живописи. По наблюдениям О.И. Подобедовой, связанные с действиями Ивана IV миниатюры в Лицевом летописном своде имеют аналогии с сюжетами в росписи Архангельского собора и Золотой палаты, где немало места отведено батальным сценам. Например, подобно Ивану IV, «Геден молится перед битвой, затем обращается с речью к войску и уже после того вступает в ряды войска и предводительствует им»¹⁷⁹. Осада и штурм Казани изображены по аналогии со взятием Иерихона Иисусом Навином. Вместе с тем, миниатюры и текст Лицевой летописи представляют взятие Казани в качестве одного из событий, знаменующих свержение ордынского господства¹⁸⁰.

Оригинальную трактовку завоевания Казани несет икона «Благословенно воинство Небесного Царя»¹⁸¹, созданная по горячим следам минувшего в 1552–1553 годах. На огромной иконе (длиной более 5 метров) изображено русское войско под предводительством архангела Михаила, шествующее из павшей Казани к небесному граду, в котором восседает Богородица с младенцем, причем вместе с войском царя идут известные князья-воины (Владимир Мономах, Александр Невский, Дмитрий Донской и др.) и святые воины (Борис и Глеб, Дмитрий Солунский, Георгий Победоносец и Федор Стратилат). Переплетая эти образы, создатели иконы подчеркнули «мысль о бессмертии как награде за воинский подвиг»¹⁸².

¹⁷⁸ ПСРЛ. Т. 12. С. 201.

¹⁷⁹ Подобедова О.И. Московская школа живописи при Иване IV. Работы в Московском Кремле 40–70-х годов XVI в. М., 1972. С. 65.

¹⁸⁰ Там же. С. 73.

¹⁸¹ В литературе это изображение известно также под названиями «Церковь Воинствующая» и «Апофеоз взятия Казани». См.: Худяков М. Татарская Казань в рисунках XVI столетия // Татар археологиясе. 2002–2003. № 1–2 (10–11). С. 9; Загидуллин И. Празднование в России покорения Казани во второй половине XVI – начале XX в. // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования... С. 10–11; Саначин С.П. Об укоренившихся ошибках в историографии ханской Казани (часть 1) // Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. статей. Вып. 2. Казань, 2010. С. 122–123.

¹⁸² Подобедова О.И. Московская школа живописи при Иване IV... С. 29.

Все эти изображения и летописные тексты призваны «показать исконность борьбы с татаро-монгольским игом и татарскими набегами» и прославить русское оружие в «военных действиях при взятии Казани»¹⁸³. Таким образом, в представлениях современников, русские воины благодаря подвигам в казанской войне обеспечили себе спасение и «царство небесное».

По свидетельству официальных книжников, сразу после взятия города Владимир Андреевич и бояре поздравили Ивана IV с обретением «Казанского царства», а Шах-Али пожелал царю здравствовать «на своей вотчине на Казани в веку». После того, как одну улицу очистили от трупов, государь со свитой въехал в город через Нуралиевы ворота. Во главе колонны двигался протопоп Андрей с животворящим крестом и бояре с дворянами, за ними ехал Иван IV, а за царем следовали Шах-Али и Владимир Андреевич. По заключению летописца, так Бог ниспослал храброго и мудрого правителя «в последнее время»¹⁸⁴.

В качестве символа победы государь пленил хана Едигера, захватил казанские знамена и крепостные пушки, оставив остальное имущество на разграбление своему войску. Прежде всего, Иван IV отправил гонцов с радостной вестью в Москву, затем он разослал по ханским улусам грамоты, в которых, жалуя «черных людей», призывал платить ясак. На царское послание откликнулись жители Арских земель и марийцы Луговой стороны, обязавшиеся платить ясак напрямую, «как было при Магмеделиме царе»¹⁸⁵.

4 октября, после того, как Казань очистили от трупов, царь заложил церковь во имя Богородицы и вместе с протопопом Андреем освятил город. Через два дня он назначил князя А.Б. Горбатого своим наместником в Казани, оставив с ним В.С. Серебряного и других воевод, а также детей боярских, казаков и стрельцов. При этом Горная сторона осталась под управлением Свияжска, а под власть казанского воеводы отводились Арские земли и Луговая сторона. 10

¹⁸³ Там же. С. 73.

¹⁸⁴ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 220. См. также: Т. 13. Ч. 2. С. 515; Т. 20. С. 531; Т. 29. С. 109, 205.

¹⁸⁵ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 222. См. также: Т. 13. Ч. 2. С. 516; Т. 20. С. 533; Т. 29. С. 110, 205.

октября Иван IV пожаловал казанцев-челобитчиков, а на следующий день выехал из города в направлении Свияжска¹⁸⁶.

Автор «Казанской истории» добавил, что после взятия Казани царь приказал на месте городских мечетей возвести храмы, рассчитать место для строительства каменных стен и заселить Казань русскими¹⁸⁷.

В Москве государя встретило бесчисленное множество народа, восклицавшее: «Многа лета царю благочестивому, победителю варварскому и избавителю христианскому». Митрополит Макарий сравнил действия Ивана IV с подвигами Константина Великого, Владимира Святого, Александра Невского и Дмитрия Донского. Воздавая благодарность Богу и царю за избавление от варварских набегов и освобождение христиан, весь народ и священный собор вместе с митрополитом «на землю падают, и от радости сердечныя слезы изливающе»¹⁸⁸.

Государь щедро наградил воевод, детей боярских, дворян и всех воинов. В числе даров упоминаются шубы, золото, бархат, платья, деньги, доспехи, лошади и прочие ценности. Празднование победы длилось три дня, в течение которых, не считая вотчин, поместий и кормлений, царь раздал 48 тысяч рублей¹⁸⁹. По случаю победы в первые десятилетия после взятия Казани в разных городах возвели десятки культовых сооружений, среди которых такие монументальные памятники, как Покровский собор в Москве, Благовещенский храм в Казани и Успенский монастырь¹⁹⁰. Каждая постройка была призвана увековечить память павших русских воинов и символизировала победу православной веры.

¹⁸⁶ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 221–222; Т. 13. Ч. 2. С. 516–517; Т. 20. С. 532–533; Т. 29. С. 110–111, 205–206.

¹⁸⁷ Казанская история. С. 489.

¹⁸⁸ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 227. См. также: Т. 13. Ч. 2. С. 521; Т. 20. С. 537; Т. 29. С. 115, 210.

¹⁸⁹ Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 228; Т. 13. Ч. 2. С. 522; Т. 20. С. 538; Т. 29. С. 115–116, 210.

¹⁹⁰ Загидуллин И. Празднование в России покорения Казани... С. 54.

* * *

Таким образом, характер освещения событий 1552 г. обусловлен их судьбоносностью. Рассказы о взятии Казани наиболее содержательны, в них много места отведено идейным пассажам и описанию деталей произошедшего. Однако если отбросить все уточнения и сравнить кампанию 1552 г. с военными экспедициями 1547–1550 гг., то становится ясно, что масштабы предшествующих походов незначительно уступали выступлению русских сил в 1552 году.

В походе 1549–1550 гг. участвовало примерно столько же воевод, сколько при взятии 1552 г., немного меньше фамилий приведено в разрядных записях за 1547–1548 гг., впрочем, в двух первых походах царя на Казань, помимо Шах-Али, участвовал и астраханский царевич Едигер. В состав всех этих экспедиций входил полк с артиллерией и стенобитными орудиями¹⁹¹.

Многие историки, описывая поход царских войск на Казань в 1549–1550 гг., вслед за официальными книжниками, умалчивали об ожесточенных боевых действиях и причиной неудачи выставляли неблагоприятные погодные условия. Однако ряд текстуально независимых известий (сообщения Х. Шерифи, А.М. Курбского, составителя Хронографа и автора «Казанской истории») говорят об отступлении русских войск в результате масштабных сражений, приведших к серьезным потерям с обеих сторон. Поэтому можно предположить, что походы 1547–1552 гг. имели одну цель – завоевание Казани, то есть решение о военном подчинении ханства было принято не позднее 1547 года.

Две первые экспедиции под предводительством царя потерпели неудачу, вследствие чего они не получили столь широкого освещения в летописании. Залогом победы в 1552 г. была реализация плана по строительству Свияжска, на базе которого русские силы непрерывно проводили военные операции в регионе. Это привело к подчинению Горной стороны и разорению прочих улусов. Скорее всего, немаловажным фактором стала и деятельность Шах-Али по подрыву военного потенциала ханства. Безусловно, причиной падения Казани были и внутренние распри, подогреваемые военно-дипломатическим и финансовым влиянием Москвы.

¹⁹¹ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 112–115, 120–124, 133–138.

Неудачные походы первых лет царствования Ивана IV заставили увеличить налоги и провести военные, административные и церковные преобразования. Только благодаря мобилизации колоссальных по тем временам ресурсов Русскому государству удалось захватить Казань, с падением которой был открыт путь к присоединению других улусов Золотой Орды. В течение пяти лет после взятия Казани значительная часть Улуса Джучи оказалась под властью Ивана IV, это Среднее и Нижнее Поволжье и некоторые прилегающие территории. То есть в данном контексте борьбу за верховенство в Орде выиграла Москва, а «казанская война» явилась кульминационным этапом этого противостояния.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного анализа в источниках выявлены серьезные разногласия при освещении московско-казанских отношений. Характер известий зависел как от осведомленности книжников, так и от их политических пристрастий и интеллектуального багажа. Средневековые авторы, стремясь показать подлинную картину московско-казанских отношений, осмыслили историческую данность через призму идей религиозной космологии.

Результаты текстологического и герменевтического анализов источников продемонстрировали ограниченность или несостоятельность некоторых научных репрезентаций и теорий. Особенно это касается выводов относительно первых крупных столкновений Москвы и Казани.

На страницах официального летописания разворачивается грандиозное полотно конфликта 1467–1469 годов. Апеллируя к текстам Священного Писания и памятникам патристики, древнерусские книжники оценивали «первую» московско-казанскую войну как «дело защиты русских земель», придавая ей победоносный и религиозный характер: единая православная Русь противопоставлялась «окаянным татарам».

Принципиально иное представление об этих событиях было сформировано в конце XV в. в Ермолинской летописи, которая не идеологизирует войну 1467–1469 гг. и не придает ей общерусский характер. Война расценивается как столкновение казанцев с москвичами, в результате враждебных действий последних. Примерно в том же духе охарактеризовали отношения двух государств новгородские и устюжские книжники. Они показали неудачные действия московских воевод и, в целом, согласились с «ермолинской трактовкой» «первой казанской войны».

В итоге совершенно не состоятельным выглядит тезис о том, что походы великокняжеских войск 1467–1469 гг. преследовали сугубо оборонительные цели. Нельзя принять и категоричные суждения ученых относительно результатов войны, так как одна группа источников говорит об успешных действиях воевод, а другая – показывает поражение русских.

Заключение

Вероятнее всего, в основе межгосударственного конфликта лежала конкуренция в политической и торговой сферах. Оба государства боролись за влияние в Вятской и Пермской землях. В 1467–1469 гг., в результате действий Ивана III по поддержке Касима, конфликт вылился в военное противостояние. В то же время, нельзя согласиться с мнением историков о том, что великий князь воспользовался разделением казанской аристократии на партии. Сообщение о «лести Абдул-Мамона» и его сторонников является парафразом из Библии и скорее указывает на религиозный смысл войны, нежели на раскол среди казанцев. Это подтверждается и тем, что в ходе войны казанцы выступили единым фронтом. В результате в Москве не удалось посадить своего ставленника на казанский престол, между государствами был заключен мирный договор, о сути которого ничего неизвестно.

Много вопросов вызывают события 1478 года. Историки, невзирая на расхождения в источниках, сошлись на мнении, что в 1478 г. напавшим на Вятку казанцам не удалось взять город, а поход москвичей на Казань завершился подписанием договора на условиях великого князя. Подобные выводы противоречат более ранним официальным известиям. Поэтому сложно говорить о результатах похода казанцев на Вятку, также как и об исходе экспедиции москвичей на Казань. Ясно лишь, что в 1478 г. произошло очередное московско-казанское столкновение на почве борьбы за Вятскую землю.

Вопрос о взятии Казани русскими войсками в 1487 г. вызвал еще больше разночтений в летописании. Автор Московского летописного свода конца XV в. охарактеризовал события 1487 г. как военную операцию, направленную на подавление мятежа. По его мнению, в 1487 г. казанцы изменили великому князю, в результате чего началась война, завершившаяся захватом Казани. С данным мнением согласились создатели Летописного свода 1497 г., Новгородской, Воскресенской и Никоновской летописей.

Авторы свода 1518 г., Софийской второй и Львовской летописей описали войну 1487 г., не отступая от политико-религиозных идеологем рассказа о «первой казанской войне», указали на то, что главной причиной военного столкновения 1487 г. было грехопадение казанского хана Ильхама, действия которого сравнивались с хорошо известным древнерусскому читателю преступлением рязан-

ских князей. В этих сообщениях прослеживается следующая логика повествования: хан своими грехами разгневал Господа, а великий князь осуществил Божий промысел – завоевал Казань и отправил хана Ильхама в заточение, то есть наказал грешника. Исход войны 1487 г. воспринимался как важное событие в истории Русского государства, знаменующее покорение Казани. В результате официальные летописцы первой четверти XVI в. превозносили событие, «недооцененное» современниками.

Десакрализованный вариант известия «О казанском взятии» 1487 г. содержится в Устюжской летописи, на страницах которой представлены продолжительное военное противостояние и последовавшая за ним сдача казанцев.

В 60-е годы XVI в. автор «Казанской истории» придал новую трактовку событиям 1487 года. Согласно его суждению, взятие Казани 1487 г. было важнейшим событием на пути освобождения Руси от ордынского ига. Впрочем, данная интерпретация не получила дальнейшего распространения и не стала частью летописной традиции.

Совершенно иную оценку несут документы посольского архива, согласно которым в 1487 г. Иван III оказал военную поддержку Мухаммад-Амину в борьбе со сводным братом, Ильхамом, по ходатайству Менгли-Гирея и Нур-Султан, то есть ради укрепления союза с Крымским ханством. Причем эта трактовка подтверждается более поздними летописными и дипломатическими сведениями.

Источники единодушны лишь в том, что в 1487 г. войска Ивана III вынудили казанцев выдать хана Ильхама с семьей и возвести на престол Мухаммад-Амина. Иными словами, военно-дипломатические усилия, предпринятые в 1482–1487 гг., очевидно, были более результативными, чем кампания 1467–1469 гг. и поход 1478 года. Иван III помог Мухаммад-Амину взойти на престол и, тем самым, ввел ханство в фарватер московско-крымской политики, направленной против Большой Орды и Литвы.

Официальные книжники XVI в. имели общее мнение относительно событий 1496 г., когда русские воеводы осуществили поход на Казань с целью поддержать власть московского ставленника. Используя эпитеты и парафразы из Библии, они показали, что Казань является «городом-изменником», спасти который может только покровительство православного государя.

В 1496–1497 гг. на казанском престоле побывали три хана. После свержения Мухаммад-Амина на трон сел шибанский хан Мамук, которого вскоре сменил Абдул-Латиф. Исследователи видели в этих событиях борьбу за власть между московской и восточной партиями казанской аристократии. Однако источники, говоря об «изменах» казанцев и насилиях, учиненных ханами, указывают на отрицательные качества всех татар, не разделяя их на группировки противников и сторонников великого князя. Более того, активными проводниками всех политических перемен того времени были одни и те же представители казанской аристократии, что еще раз опровергает гипотезу о расколе элиты.

Важным фактором этих политических перестановок была борьба между шибанско-ногайскими и московско-крымскими силами, развернувшаяся за влияние на Казанское ханство в 1480–1490-е годы. Судя по всему, Ильхам склонялся к союзу с шибанским ханом Ибрагимом, а Мухаммад-Амин был угоден русско-крымскому альянсу.

В 1487–1505 гг. проявлялись некоторые черты зависимости Казани от Москвы: Иван III неоднократно влиял на смену власти в Казани (в 1487, 1496 и в 1502 гг.) и отправлял воевод для поддержки своего ставленника (в 1496, 1499 и 1500 гг.). По официальной летописной терминологии, в указанный период московско-казанские отношения строились на основе «правды». В понятие «правда» включались, главным образом, следующие условия: хан должен был избираться по воле православного государя, а его политика должна была проводиться по согласованию с Москвой. Вместе с тем, русское правительство добилося торговых льгот для своих купцов.

Однако сложно согласится с мнением историков о том, что в 1487–1505 гг. Казанское ханство находилось под протекторатом Москвы. Официальные сообщения о юридическом закреплении порядка неравноправных отношений не находят подтверждения в группе независимых источников. Дипломатические акты и неофициальные летописи указывают на союзнический характер московско-казанских отношений. Подтверждением тому служат совместные походы ханских и великокняжеских войск против Большой Орды, Вятки, ногайцев и других «общих врагов». После разгрома Большой Орды в 1502 г. и победы над Литвой в 1503 г. Крымское ханство и Московская Русь превратились в сильнейшие государства

региона и стали конкурировать за гегемонию на постордынском пространстве.

В 1505 г. в силу ухудшения русско-крымских отношений, расширения великокняжеского влияния в Приуралье и других обстоятельствах начался очередной виток московско-казанского противостояния. Причем все официальные летописи сообщают, что война 1505–1506 гг. была развязана казанским ханом, «отступившим» от великого князя, и закончилась полным разгромом русских войск. Однако имеются некоторые расхождения по вопросу о причинах поражения.

Составители свода 1518 г. и Софийской второй летописи указали на тактические ошибки русских воевод, послушавшихся приказа. Тогда как создатели Воскресенской и Никоновской летописей, используя библейское высказывание о «никем же гонимых», показали религиозные причины поражения – по их мнению, русские понесли наказание за свои грехи. О грехопадении москвичей во время похода 1506 г. говорилось и в таких памятниках, как новгородские летописи и «Казанская история».

Успешные оборонительные действия казанцев в 1506 г. и возобновление войны с Литвой в начале 1507 г. вынудили Василия III пойти на мирные переговоры с Мухаммад-Амином. Стороны заключили мирный договор только в 1512 г., однако великий князь так и не добился установления неравноправных отношений.

В дальнейшем, наряду с изменением геополитической ситуации в Восточной Европе, на ухудшение московско-казанских отношений повлияло еще одно важное обстоятельство, не привлекавшее внимания многих исследователей. Правительство Василия III в 1519–1521 гг. стремилось не просто восстановить великокняжеское влияние, а, навязывая дополнительные договоры и внимательно отслеживая их выполнение, пыталось окончательно утвердить свою власть над Казанским ханством, превратив его в марионеточное государство. Такая политика вызвала непопулярность режима Шах-Али и привела к разрыву мирных отношений в 1521 году.

При этом согласно официальной идеологии той поры, Казанское ханство со времен Ивана III являлось владением московского великого князя и могло быть «пожаловано» только по его усмотрению. В обмен на великокняжеское «жалование» ханы и остальные

казанцы должны были дать «правду», то есть соблюдать определенный порядок межгосударственных отношений.

Как было показано, подобные представления не столько соответствуют реальной практике межгосударственных отношений, сколько демонстрируют политические устремления московского правительства. Такая перспектива заставила казанцев пригласить на трон представителей крымской династии и пойти на конфронтацию с великим князем. Походы русских войск в 1523–1524 гг. и связанные с ними мирные переговоры не привели к восстановлению «правды» – установлению контроля над Казанью. Не удалось взять Казань и в результате войны 1530 г., причем, в ходе мирных переговоров московские дипломаты склонили казанцев к свержению хана Сафа-Гирея. В 1532–1535 гг. казанским ханом был московский ставленник Джан-Али.

Историки, развивая гипотезу о расколе ханской аристократии на две группировки, видели в перевороте 1532 г. победу промосковской партии казанцев, а в событиях 1535 г. – возвращение к правлению восточной партии. Однако русского ставленника Джан-Али поддержали в 1532 г. и свергли в 1535 г. одни и те же представители татарской аристократии. Хотя по мере усиления военно-дипломатического и экономического влияния Русского государства число сторонники промосковской политики росло.

Многие исследователи не обратили внимания на то, что в 1530–1532 гг. правительство Василия III, не добившись военной победы, стало провоцировать внутривосточный конфликт в ханстве, используя для этого казанских послов, оказавшихся заложниками мирных переговоров, и родственные связи пленных татар. В результате казанское руководство, получив вдобавок к внешней военной угрозе внутренний конфликт, пошло на временную смену правителей и внешнеполитических ориентиров. Но и возвращение Казани к политике равноправных отношений было обусловлено скорее ослаблением московского влияния после смерти Василия III, нежели победой восточной партии.

В 1536–1540 гг. казанский хан Сафа-Гирей совершил ряд походов на русские окраины. В 1538 г. при посредничестве крымского хана между Москвой и Казанью начались мирные переговоры. Русская сторона требовала подчинения ханства на условиях «правды»,

а казанцы добивались признания Сафа-Гирея и «братских» отношений. Переговоры завершились без видимых результатов в 1542 году. Таким образом, активные наступательные действия казанцев, предпринятые в 1536–1540 гг., лишь усилили концентрацию русских войск у восточных границ и ускорили процесс разработки и принятия планов по завоеванию ханства.

В официальных известиях о событиях 1545–1552 гг. выявлены расхождения, изменившие представления о завоевательной стратегии Москвы. Наиболее ранние летописные статьи, составленные по горячим следам, отражают политику московского ставленника – хана Шах-Али, направленную на ослабление военного потенциала ханства. Однако уже в 1560-е гг. московские книжники исключили из летописных текстов сообщение о деятельности Шах-Али и добавили известие о приглашении хана из Ногайской Орды. Тем самым, они указали на заговор казанцев против русского ставленника и скрыли завоевательные планы Москвы, продемонстрировав готовность правительства Ивана IV к мирному диалогу вплоть до весны 1552 года.

Однако необходимо учитывать, что важным идеологическим шагом на пути завоевания Казанского ханства было принятие Иваном IV царского титула в 1547 г., которое в глазах русского общества уравнивало его статус с ханами Казани и Астрахани и обосновывало притязания на восточные земли. Принятие царского титула означало утверждение внешнеполитической программы по борьбе за «ордынское наследство», то есть за объединение Улуса Джучи под властью Москвы. Именно с 1547 г. Иван IV начал лично возглавлять походы против Казани. Поэтому утверждение завоевательных планов необходимо рассматривать в контексте венчания Ивана IV на царство.

В результате складывается несколько иное, чем в предшествующей историографии, понимание стратегии завоевания Казанского ханства. Первые походы под предводительством Ивана IV не получили широкого освещения в летописании, так как потерпели неудачу. Поход 1552 г. оказался победоносным, поэтому рассказы о нем наиболее содержательны, но если отбросить все уточнения, то становится ясно, что экспедиции 1547–1550 гг. и кампания 1552 г. имели одинаковые цели и масштабы. То есть, исходя из общего

Заключение

анализа источников, решение об окончательном покорении Казанского ханства было принято не позднее 1547 года.

Современники сопоставили казанский поход 1552 г. с военными победами ветхозаветных пророков над язычниками, с Куликовской битвой и стоянием на Угре. Завоевание Казани сравнивалось с важнейшими событиями всемирной истории: с вавилонским покорением Иерусалима и падением Константинополя в 1453 году. Аналогичные сюжеты содержатся в памятниках живописи, посвященных завоеванию Казани. Следовательно, взятие Казани в сознании русских книжников знаменовало избавление от многовековой татарской угрозы, торжество православия и обретение царства – начало нового этапа русской государственности.

Несмотря на то, что официальные идеологи связывали войну с Казанью, прежде всего, с защитой христиан от «басурманского» гнета и необходимостью распространения православия, в источниках проскальзывает мысль и об экономических выгодах подчинения ханства. Причем, на основании дошедших до нашего времени сведений, весьма проблематично выявить всю совокупность факторов, обусловивших московско-казанские конфликты, так как сохранились в основном данные русских авторов, из-за чего наблюдается некая однобокость в описании событий. К тому же, результаты этого исследования углубляют наше понимание отвлеченности летописных репрезентаций от конкретно-исторического дискурса.

На заре московской государственности, во второй половине XV в. интенсивно развивалось независимое летописание, с помощью которого можно верифицировать некоторые официальные сообщения. Тогда как события первой половины XVI в. хорошо представлены лишь официальными летописями. В этот период по мере укрепления единого Русского государства независимое летописание вытесняется, поэтому исследователи при оценке московско-казанских отношений руководствовались, в большей степени, данными кремлевской канцелярии, зачастую не учитывая их подчиненность политико-религиозной идеологии, обоснованной с помощью различных средств нарративной иносказательности. Причем даже в тех немногих случаях, когда сохранились независимые сведения, выявляется недостоверность официальных сообщений. Ярким примером тому служит репрезентация второго похода Ивана IV на Казань.

Заключение

Все же, подводя итоги, необходимо учесть, что большую часть времени из рассмотренного нами хронологического отрезка занимали мирные отношения. Прежде всего, это пора развития торговых и социокультурных связей. Известно о ежегодных ярмарках, в рамках которых велась интенсивная торговля. Письменные источники и данные археологии говорят о постоянном присутствии русских купцов в Казанском ханстве и позволяют установить некоторые предметы торговли.

С конца XV в. в поселениях Среднего Поволжья увеличивается число носителей русской культуры, занимавшихся торговлей, ремеслом и промыслами. В то же время, некоторые казанцы, сохраняя привычный образ жизни и веру, стали переходить на русскую службу. Таким образом, в ходе московско-казанских отношений началось взаимопроникновение культур и складывание российского многонационального и поликонфессионального общества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Труды теоретико-методологического характера

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986. 256 с.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 384 с.

Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Методология истории. М.: Изд-во РГГУ, 1997. 72 с.

Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 486 с.

Копосов Н.Е. Как думают историки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 326 с.

Ранич А.М., Лаушкин А.В. К вопросу о библеизмах в древнерусском летописании // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 125–137.

Рудаков В.Н. Язык Библии в ранних рассказах русских летописей о монголо-татарском нашествии // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 2003. С. 49–57.

Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII – XV вв. М.: Квадрига, 2009. 248 с.

Успенский Б.А. Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М.: Языки русской культуры, 2000. 124 с.

Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998. 448 с.

Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 36–52.

Юрганов А.Л., Данилевский И.Н. «Правда» и «вера» русского средневековья // Одиссей: Человек в истории. М.: Наука, 1998. С. 144–170.

Неопубликованные источники

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Кн. 8.

Ф. 127. Сношения России с Ногайской Ордой. Оп. 1. Кн. 2; Оп. 2. Ед. хр. 3–6.

Опубликованные источники

Акты Русского государства 1505–1526 гг. М.: Наука, 1975. 437 с.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. Т. 1. 1294–1598. СПб.: В типографии Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1836. 506 с.

Ассеб о-ссейяр, или Семь планет, содержащие историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана 1-го до Менгли-Гирей хана 2-го, то есть с 871/1466 по 1150/1737 г. Сочинения Сейида Мухаммеда Ризы. Казань, 1832. 613 с.

Барборо и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л.: Наука, 1971. 275 с.

Библия. Книги Священного писания Ветхаго и Новаго завета. СПб.: Синодальная типография, 1900. 1658 с.

Библия. Книги Священного писания Ветхаго и Нового завета. М.: Российское библейское общество, 2005. 1338 с.

Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.

Грамоты великаго Князя Иоанна Васильевича к Ногайским Мурзам и их к великому Князю Иоанну Васильевичу // Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. VII. СПб.: Императорская Академия наук, 1791. 353 с.

Грек М. Послание к великому князю Василию // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. I. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 111–116.

Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции: Сборник документов. Казань: Гасыр, 2008. 464 с. + 16 с. илл.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 593 с.

Зафер наме-и Вилает-и Казан // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1995. № 1. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/1995_may/04/03/.

Идегей. Татарский народный эпос / Перевод С. Липкина, научный редактор М.А.Усманов. Казань: Татарское кн. изд-во, 2006. 535 с.

Иоасафовская летопись. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 239 с.

Иовий Павел Новокомский. Книга о посольстве Василия, великого князя Московского к папе Клименту VII. СПб., 1908. 274 с.

Историческое и дипломатическое собрание дел происходивших между Российскими великими князьями и бывшими в Крыме Татарскими царями, с 1462 по 1533 год // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. Одесса: В городской типографии С.Х. Алексома, 1863. С. 178–419.

Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. СПб.: Наука, 2001. С. 252–509.

Корецкий В.И., Морозов Б.Н. Летописец с новыми известиями конца XV – начала XVII в. // Летописи и хроники: 1984 г. М.: Наука, 1984. 239 с.

Курбский А.М. История о великом князе Московском // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. СПб.: Наука, 2001. С. 310–479.

Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 288 с.

Мустафина Д. Послание царя казанского // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1997. № 1. С. 26–38.

Нижегородский летописец. Нижний Новгород: Типография губернского правления, 1886. 144 с.

Новгородские летописи (Так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1879. 488 с.

Перевод фрагмента хроники «Хикайат» об истории возникновения Казани // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2014. С. 900.

Письма Альберта Кампензе к папе Клементу VII о делах Московии // Библиотека иностранных писателей о России. Т. I. СПб., 1836. С. 9–55.

Повесть о болезни и смерти великого князя Василия Ивановича // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. СПб.: Наука, 2001. С. 20–47.

Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М.: Худож. лит., 1982. С. 216–267.

Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородские летописи. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1841. 308 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 728 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 5. Вып. 2. Псковские летописи. М.: Языки русской культуры, 2000. 368 с.

Источники и литература

Полное собрание русских летописей. Т. 6. Софийские летописи. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1853. 358 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 6. Софийская вторая летопись. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001. VIII + 446 стб.

Полное собрание русских летописей. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001. X + 302 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 11. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1897. 258 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 12. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1901. 267 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 1. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. 302 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 2. Дополнение к Никоновской летописи. Так называемая Царственная книга. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1906. 532 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб.: В типографии Леонида Демиса, 1863. 504 стб.

Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. М.: Знак, 2007. 328 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 20. Львовская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2005. IV + 704 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 21. Ч. 2. Книга степенная царского родословия. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1913. 675 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 22. Ч. 1. Русский хронограф. Хронограф редакции 1512 года. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1911. 570 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 23. Ермолинская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2004. VI + V + 242 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 24. Типографская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. XII + IV + 272 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 412 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 418 с.

Источники и литература

Полное собрание русских летописей. Т. 28. Летописный свод 1497 г., Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.: Наука, 1963. 411 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М.: Наука, 1965. 390 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М.: Наука, 1965. 240 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л.: Наука, 1977. 256 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 34. Постниковский летописец. Пискаревский летописец. Московский летописец. Бельский летописец. М.: Наука, 1978. 304 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 35. Летописи Белорусско-Литовские. М.: Наука, 1980. 306 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVII вв. Л.: Наука, 1982. 228 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 42. Новгородская Карамзинская летопись. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 224 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 43. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. М.: Языки русской культуры, 2004. 368 с.

Послания Ивана Грозного. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 552 с.

Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1508 гг. М.: Институт истории СССР, 1984. 100 с.

Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань: Тат. кн. изд-во, 2006. 391 с.: ил.

Продолжение грамот великаго Князя Иоанна Васильевича к Ногайским Мурзам и их к великому Князю Иоанну Васильевичу // Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. VIII. СПб.: при Императорской Академии наук, 1793. 366 с.

Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966. 614 с.

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1–2. М.: Наука, 1977. 406 с.

Родословная книга князей и дворян Российских и выезжих. М.: Типография Н. Новикова, 1787. Ч. 1. 352 с.

Синодик по убиенных во брани // Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI веке. М.: Наука, 1986. С. 174–189.

Сборник русского исторического общества. Т. 35. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литов-

Источники и литература

ским. Т. I. (с 1487 по 1533 год). СПб.: Типография Ф. Елионского и К^о, 1882. 869 с.

Сборник русского исторического общества. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою Нагайскою ордами и с Турциею. Т. I. С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России. СПб.: Типография Ф. Елионского и К^о, 1884. 558 с.

Сборник русского исторического общества. Т. 59. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. II. (1533–1560 г.). СПб.: Типография Ф. Елионского и К^о, 1887. 629 с. + 98 стб. + V с.

Сборник русского исторического общества. Т. 95. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, нагаями и Турциею. Т. II. 1508–1521 гг. СПб.: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1895. 706 с.

Сказание о Мамаевом побоище // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. СПб.: Наука, 1999. С. 138–189.

Служилое казачество в русско-нагайских отношениях. По материалам Посольского приказа. 1534–1548 гг. // Исторический архив, 2006. № 3. С. 189–203.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. I. М.: Типография Н.С. Всеволожского, 1813. 643 с.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. II. М.: Типография Селивановского, 1819. 290 с.

Сочинения Ивана Семеновича Пересветова // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. М.: Наука, 2000. С. 433–451.

Трепавлов В.В. «Хочем с тобою быти у братстве и в приязни» (Послания короля Сигизмунда I хану Мухаммед-Амину) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2010. № 3/4. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymouse/main/?path=mg:/numbers/2010_3_4/02/02/.

Троицкая повесть о взятии Казани // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. СПб.: Наука, 2000. С. 556–561.

Четыре книги Евсевия Памфила епископа Кесарии Палестинской о жизни блаженного василевса Константина. URL: <http://khazarzar.skeptik.net/books/eusebius/vc/index.html> (дата обращения: 05.02.2016).

Исследования

Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. М.: Наука, 1989. 312 с.

Алексеев Ю.Г. Под знаменами Москвы: Борьба за единство Руси. М.: Наука, 1992. 296 с.

Алексеев Ю.Г. «Первая Казань» и зарождение военного ведомства Русского государства // Исследования по русской истории. Сборник статей к 65-летию профессора И.Я. Фроянова. СПб.; Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 2001. С. 152–165.

Алексеев Ю.Г. Летняя кампания 1469 года и великокняжеская летопись // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 3. 2003. С. 3–16.

Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 464 с.

Алишев С.Х. О некоторых проблемах превращения Русского государства в многонациональное // Тезисы докладов итоговой научной сессии ИЯЛИ им. Г.И. Ибрагимова за 1970 год. Казань: ИЯЛИ, 1971. С. 76–79.

Алишев С. Х. Присоединение народов Среднего Поволжья к Русскому государству // Татария в прошлом и настоящем. Казань, 1975. С. 172–185.

Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья XVI – начало XIX в. М.: Наука, 1990. 270 с.

Алишев С.Х. Татар тарихчысы Гади Атласи // Атласи Һ.М. Себер тарихы. Сөен-бике. Казан ханлыгы (Тарихи эсәрләр). Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. Б. 3–15.

Алишев С.Х. Советская историография оценки завоевания Казанского ханства Московским государством // Историческая наука в меняющемся мире. Вып. 2. Историография отечественной истории. Казань: Изд-во Казанского гос. университета, 1994. С. 111–116.

Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI веках. Казань: Татарское кн. изд-во, 1995. 160 с.

Алишев С.Х. Источники и историография города Казани. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2001. 75 с.

Алишев С.Х. Татар тарихчылары. Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. 206 б.

Алишев С.Х. Болгаро-казанские и золотоордынские отношения в XIII–XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. 159 с.

Алишев С.Х. Все по истории татарского народа. Казань: Раннур, 2010. 608 с.

Альшиц Д.Н. «Слово о погибели Рускыя земли» и «Казанская история» // Летописи и хроники. М.: Наука, 1974. С. 286–292.

Амирханов Р.М. Татарская социально-философская мысль средневековья (XIII – середина XVI вв.) Казань: ИЯЛИ, 1993. Ч. 1–2. 124, 112 с.

Амирханов Р.М. Ислам и национальная идеология татарского народа // Исламо-христианское пограничье: итоги и перспективы изучения. Материалы международного научного семинара «Христиано-исламское пограничье: история, современность и перспективы» (г. Казань, 26–29 октября 1993 года). Казань: Татарское кн. изд-во, 1994. С. 20–29.

Атласи Һ.М. Себер тарихы. Сөен-бике. Казан ханлыгы (Тарихи эсэрләр). Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. 448 б.

Баданов В.Г. Русской истории оберегатель (Жизнь и творчество Н.Г. Устрялова) // Устрялов Н.Г. Русская история до 1855 года, в двух частях. Петрозаводск: Корпорация «Фолиум», 1997. С. 5–20.

Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства во второй половине XV века. М.: Изд-во МГУ, 1950. 543 с.

Базилевич К.В., Бахрушин С.В., Панкратова А.М., Фохт А.В. История СССР. Учебник для VIII класса средней школы. М.: Учпедгиз, 1940. 289 с.

Балыбердин А. «Повесть о стране Вятской» в контексте отношений средневековой Вятки с Москвой и Казанью // Россия и Удмуртия: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2008. С. 232–239.

Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола: Марийский полиграфическо-издательский комбинат, 1998. 192 с.

Бахтин А.Г. Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 52–72.

Бахтин А.Г. Русское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV–XVI веках: Дис. ... д.и.н. М., 2001. 567 с.

Бахтин А.Г. Русское государство и Казанское ханство: межгосударственные отношения в XV–XVI веках: Автореф. дис. ... д.и.н. М., 2001. 44 с.

Бахтин А.Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2008. 252 с.

Бахтин А., Хамидуллин Б. Политическая история Казанского ханства // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 289–358.

Баженов Н. Казанская история. Ч. I. Казанское царство. Ч. II. Покорение Казани. Ч. III. Казанская губерния. Казань: Типография Шейвиц, 1847. 440 с.

Белавин А.М. Торговые фактории волжских булгар и пути возникновения городов в Поволжье и Предуралье в средние века // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы международной научной конференции (г. Казань, 1–3 июня 1999 года). Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 122–126.

Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 287 с.

Богдановский М. Инженерно-исторический очерк осады Казани 7060–7061 гг. СПб.: Типография В.А. Тиханова, 1898. 64 с.

Бурдей Г.Д. Борьба России за Среднее и Нижнее Поволжье в XVI в. // Преподавание истории в школе. 1954. №5. С. 27–36.

Бурдей Г.Д. Взаимоотношения России с Турцией и Крымом в период борьбы за Поволжье в 40–50 годах XVI века // Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Харьков, 1956. Т. 47. Вып. историч. С. 183–205.

Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI веке. М.: Наука, 1986.

Вельяминов-Зернов. В.В. Исследование о касимовских царях и царицах. Ч. 1–4. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1863–1887. 558, 498, 502, 178 с.

Вернадский В.Г. Россия в средние века. М.; Тверь: АГРАФ, ЛЕАН, 1997. 352 с.

Волкова Т.Ф. К вопросу о литературных источниках «Казанской истории» («Казанская история» и жанр «хождений») // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 36. Л.: Наука, 1981. С. 242–250.

Волкова Т.Ф. «Казанская история» и троицкие литературные памятники о взятии Казани // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 37. Л.: Наука, 1983. С. 104–117.

Волкова Т.Ф., Лобакова И.А. Комментарии к «Казанской истории» // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. СПб.: Наука, 2000. С. 593–608.

Воробьев Н.И., Львова А.И., Романов И.Р., Симонова А.Р. Чуваши. Этнографическое исследование. Ч. 1. Материальная культура. Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1956. 416 с.

Гатин М.С. Значение завоевания Казанского и Астраханского юртов Московским государством в трактовках немецких историков // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. статей. Вып. 1. Материалы всероссийской научно-практической конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья в XVI–XIX вв.», посвященной 80-летию юбилею доктора исторических наук С.Х. Алишева (г. Казань, 24 марта 2009 г.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 24–29.

Гатин М.С. Падение Казани в оценках немецких историков // Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. статей. Вып. 2. Казань: Ихлас, 2010. С. 146–150.

Гёкеньян Х. Западные сообщения по истории Золотой Орды и Поволжья 1223–1556 // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань: Институт истории АН РТ, 2001. С. 82–110.

Гимади Х.Г. Об историческом значении присоединения Татарии к Русскому государству // Известия Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 1. Казань, 1955. С. 3–13.

Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2001. 214 с.

Горский А.А. О титуле «царь» в средневековой Руси (до середины XVI века) // Одиссей. Человек в истории. М.: Coda, 1996. С. 205–218.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 478 с.

Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV веков). М.: Наука, 1975. 519 с.

Гумилев Л.Н. От Руси до России: Очерки этнической истории. М.: Айрис-пресс, 2004. 320 с.

Гусев Т.Г. Присоединение Чувашии к Русскому государству // Записки ЧНИИ. Вып. 4. Чебоксары, 1950. С. 50–82.

Данилевский И.Н. Исторические источники XI–XVII веков // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М.: РГГУ, 1998. С. 171–317.

Демина Л.И. Евгений Францевич Шмурло // Шмурло Е.Ф. Истории России. 862–1917 годы. М.: АГРАФ, 1997. С. 5–16.

Демкова Н.С. Комментарии к «Повести о болезни и смерти великого князя Василия Ивановича» // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. СПб.: Наука, 2001. С. 562–568.

Димитриев В.Д. Добровольное вхождение Чувашии в состав Русского государства // Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XX вв.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. С. 18–47.

Ермушев А.М. К вопросу об активизации политики России в отношении Казанского ханства (1545–1546 гг.) // Гуманитарные науки и образование: Проблемы и перспективы. Материалы I Сафаргалиевских научных чтений. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 1997. С. 129–134.

Ермушев А.М. К вопросу о захватнической политике России на востоке в начале 50-х гг. XVI в. // Обновляющаяся Россия: формирование нового гуманитарного пространства. Ч. I. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 1997. С. 24–29;

Ермушев А.М. Россия и Казанское ханство в 1533–1552 гг.: Дис. ... к.и.н. Саранск, 1998. 187 с.

Ермушев А.М. Россия и Казань: Протекторат, аннексия, захват. Основные тенденции взаимоотношений в середине XVI в. // Российская провинция: История, культура, наука. Материалы II–III Сафаргалиевских научных чтений. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 1998. С. 63–65.

Жеребов Д. Инженерное обеспечение взятия Казани в 1552 г. // Военно-инженерный журнал. 1949. № 8. С. 31–42.

Загидуллин И. Празднование в России покорения Казани во второй половине XVI – начале XX в. // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Материалы научного семинара «Казанское ханство: актуальные проблемы исследования». Казань: Фэн, 2002. С. 4–71.

Загоскин Н.П. Спутник по Казани. Казань: Типография Императорского Университета, 1895. 691+83 с.

Зайцев И.В. Историография истории отношений постордынских «юртов» с Россией и Османской империей // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2001. С. 269–313.

Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI века). М.: Рудомино, 2004. 216 с.

Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2006. 303 с.

Закиев М.З. Происхождение тюрков и татар. М.: ИНСАН, 2003. 496 с.

Зиборов В.К. История русского летописания XI–XVIII веков. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 512 с.

Зимин А.А. Предисловие // Иоасафовская летопись. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 3–15.

Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 498 с.

Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. 512.

Зимин А.А. Укрепление Российского государства. Народы Поволжья и Приуралья в XVI веке // История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. II. М.: Наука, 1966. С. 142–182.

Зимин А.А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М.: Мысль, 1972. 451 с.

Зимин А.А. Россия на рубеже XIV–XVI столетий: Очерки социально-политической истории. М.: Мысль, 1982. 327 с.

Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. М.: Наука, 1982. 186 с.

Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI века. М.: Наука, 1988. 350 с.

Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. 286 с.

Ивина Л.И. Эволюция состава уездного дворянства во второй половине XV – первой трети XVII века (на примере Угличской земли) // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей. К 60-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 354–367.

Измайлов И.Л. Завоевание Казанского ханства: причины и последствия (Критический разбор основных тенденций российской историографии) // Татарский народ после 1552 года: потери и приобретения. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2003. С. 61–135.

Измайлов И. Безумные храбрецы // Родина. 2005. № 8. С. 69–72.

Измайлов И. Булгарский улус: Булгар и другие эмираты // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 448–470.

Источники и литература

Иловайский Д.И. История России. М.: Типография Кушнерева, 1884. Т. 2. 587 с.; М., 1890. Т. 3. 717 с.

Иловайский Д.И. Собиратели Руси. М.: АСТ, 2003. 637 с.

История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. 1056 с.

История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 1080 с.

История Татарской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции) / Ред. коллегия И.И. Воробьев, Х.Г. Гимади и др. Т. 1. Казань: Таткнигоиздат, 1955. 551 с.

История Татарской АССР (с древнейших времен до наших дней) / Ред. З.И. Гильманов и др. Казань: Татарское кн. изд-во, 1968. 719 с.

Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Мастер Лайн, 1998. 276 с.

Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI веков. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, 2004. 132 с.

Ишмухаметов З.А. Социальная роль и эволюция ислама в Татарии. (Исторические очерки). Казань: Татарское кн. изд-во, 1979. 224 с.

Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Казань: ФЭн, 2002, 319 с.

Калинин Н.Ф. Казань. Исторический очерк. Казань: Татгосиздат, 1952. 323 с.

Карамзин Н.М. История государства российского. Т. V. СПб.: Типография Н. Греча, 1819. 284 с.

Карамзин Н.М. История государства российского. Т. VI. СПб.: Типография Н. Греча, 1819. 542 с.

Карамзин Н.М. История государства российского. Т. VII. СПб.: Типография Н. Греча, 1819. 346 с.

Карамзин Н.М. История государства российского. Т. VIII. СПб.: Типография Н. Греча, 1819. 477 с.

Каргалов В.В. Конец ордынского ига. М.: Наука, 1980. 152 с.

Каргалов В.В. Полководцы X–XVI веков. М.: ДОСААФ, 1989. 334 с.

Каргалов В.В. На границе стоять крепко!: Великая Русь и Дикое поле: противостояние XII–XVIII веков. М.: АСТ, 1998. 519 с.

Источники и литература

Каховский В.Ф. Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. 484 с.

Кириллин В.М. Символика чисел в литературе Древней Руси (XI–XVI века). СПб.: Алетейя, 2000. 320 с.

Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М.: Наука, 1980. 312 с.

Клосс Б.М. Предисловие // Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001. С. V–XI.

Клосс Б.М. Предисловие к изданию 2000 года // Полное собрание русских летописей. Т. 7. М.: Языки русской культуры, 2001. С. B–D.

Клосс Б.М. Предисловие к изданию 2004 года // Полное собрание русских летописей. Т. 23. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. IV–VI.

Клосс Б.М. Предисловие к изданию 2000 года // Полное собрание русских летописей. Т. 24. М.: Языки русской культуры, 2000. С. V–XI.

Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. 2. Ч. 2. Курс русской истории. М.: Мысль, 1987. 447 с.

Кокорина Н. Керамика Камаевского городища конца XIV – первой половины XVI вв. (По материалам раскопок 1972–1988 гг.) // Татар археологиясе. 2002–2003. № 1–2 (10–11). С. 47–99.

Копанев А.И., Манков А.Г., Носов Н.Е. Очерки истории СССР (конец XV – начало XVII века). Л.: Государственное учебно-педагогическое изд-во, 1957. 254 с.

Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: В 3 т. Т. 1. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 640 с.

Котляров Д.А. Московское государство и народы Поволжья в XV–XVI веках: Автореф. дис. ... к.и.н. СПб., 1999. 18 с.

Котляров Д.А. Досоветская историография о присоединении Поволжья к России // Исследования по русской истории. Сборник статей к 65–летию профессора И.Я. Фроянова. СПб.; Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 2001. С. 166–180.

Котляров Д.А. К вопросу о служилых татарах в Московском государстве // Государство и общество. СПб.; Ижевск, 2002. № 1. С. 51–65.

Котляров Д.А. Русь и Поволжье: этнополитическое взаимодействие (XIV–XVI века) // Формирование российской государственности: разнообразие взаимодействий «центр-периферия» (этнокультурный и социально-политические аспекты). Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2003. С. 291–404.

Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: У истоков национальной политики России. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2005. 314 с.

Котляров Д.А. Падение Казанского ханства в восприятии русского летописания середины XVI века // Общественно-политическая мысль в России: традиции и новации. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции (Ижевск, 24–25 октября 2006 г.). Т. 1. Средневековая Русь: проблемы идентичности. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2007. С. 188–194.

Котляров Д.А. «Служилый царь» – казанский хан Мухаммед-Амин и великие князья всея Руси // Вестник Удмуртского университета. Вып. 3. 2010. С. 23–31.

Кудрявцев И.М. «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 8. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 158–186.

Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 345 с.

Кузнецов А.Б. Русско-казанские отношения в 1521–1524 гг. // Исторические и политические науки в контексте современной культурной традиции. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 1999. С. 73–81.

Кузнецов А.Б. Россия и Казанское ханство в 1524–1533 гг. // Нации и регионы в истории и культуре России. Материалы VI–VII Сафаргалиевских научных чтений. Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2003. С. 17–24.

Кузнецов А.Б. Казанский вопрос во внешней политике Елены Глинской (1533–1538 гг.) // Волжские земли в истории и культуре России. Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 10-летию создания Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (г. Саранск, 8–11 июня 2011 г.). Ч. I. Саранск: Типография «Красный октябрь», 2004. С. 73–78.

Кузнецов И.Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1957. 344 с.

Кульпин Э.С. Золотая Орда (Проблемы генезиса российского государства). М.: Московский лицей, 1998. 240 с.

Кульпин Э.С. Социально-экологические кризисы в Восточной Европе в судьбе Казани // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы международной научной конференции (г. Казань, 1–3 июня 1999 года). Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 279–284.

Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1905. 682 с.

Лавров. Н.Ф. Заметки о Никоновской летописи // Летопись занятий археографической комиссии. Вып. 1. Л., 1927. С. 55–90.

Лебедев В.И., Греков Б.Д., Бахрушин С.В. История СССР. Т. 1. С древних времен до конца XVIII века. Учебник для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов. М.: Учпедгиз, 1939. 311 с.

Ломоносов М.В. Краткий российский летописец. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1760. 75 с.

Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV веков. М.: Наука, 1976. 283 с.

Лурье Я.С. Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. 238 с.

Лызлов А.И. Скифская история. Ч. I. СПб.: Типография Н. Новикова, 1776. 166 с.

Мавродин В.В. Образование Русского национального государства. М.; Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1939. 196 с.

Макаров Д.М. Христианизация народов Поволжья во второй половине XVI века // История христианизации народов Среднего Поволжья. Критические суждения и оценка. Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 1988. С. 13–24.

Манкиев А.И. Ядро Российской истории. М.: Печатано при Императорском Московском университете, 1770. 400 с.

Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века.: Монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2008. 168 с.

Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2012. 260 с.

Миллер Г.Ф. О народах, издревле в России обитавших. СПб.: Изданием Общества старающагося о напечатании книг, 1773. 132 с.

Миргалеев И.М. Поздnezолотоордынские ханства: к определению верхней даты золотоордынского государства // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 1. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. С. 118–121.

Миргалеев И.М. Сведения Абдулгаффара Кырыми о Казанском ханстве // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник ста-

тей. Выпуск 4. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 96–98.

Миргалеев И.М. Сообщение продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-Хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств в Западной Сибири: материалы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17–18 апреля 2014 г.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. С. 64–66.

Миргалеев И.М. «Татарская лопатка» хикэяте // Крымское историческое обозрение. 1/2014. С. 230–233.

Миргалеев И.М., Пашаоглу Д.Д. Обзор сочинения «Умдет алахбар» Абдулгаффара Кырыми // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2(4). С. 35–60.

Моисеева Г.Н. Казанская царица Сююнбике и Сумбека «Казанской истории» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 12. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. С. 174–187.

Муравьева Л.Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII – начала XV века. М.: Наука, 1983. 296 с.

Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: Наука, 1983. 164 с.

Мухамедьяров Ш.Ф., Хамидуллин Б.Л. «Казанское взятие»: взгляд из XXI века // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. статей. Вып. 1. Материалы всероссийской научно-практической конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья в XVI–XIX вв.», посвященной 80-летию доктору исторических наук С.Х. Алишева (г. Казань, 24 марта 2009 г.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 56–63.

Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.). Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. 276 с. + 4 с. вкл.

Назаров В.Д. Государь «всей Руси» // История России с древнейших времен до конца XVII века. М.: АСТ, 2001. С. 314–357.

Насонов А.Н. История русского летописания IX – начала XVII века. Очерки и исследования. М.: Наука, 1969. 556 с.

Наякшин К.Я. К вопросу о присоединении Среднего Поволжья к России // Вопросы истории. 1951. № 9. С. 108–111.

Новикова О.Л. Новгородские летописи начала XVI века: текстологическое исследование // Новгородский исторический сборник. Вып. IX. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 221–244.

О жизни православных святых, иконах и праздниках. Свердловск: Библиотека человека, 1991. 256 с.

Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю. Россия и Турция (проблемы формирования границ). М.: Институт востоковедения РАН, 1999, 230 с.

Орлов А.С. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI–XVII вв. // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 13. Кн. 4. СПб.: Императорская Академия наук, 1908. С. 344–379.

Павленко Н.И., Кобрин В.Б., Федоров В.А. История СССР с древнейших времен до 1861 года: Учеб. для вузов. М.: Просвещение, 1989. 560 с.

Падение Казани 1552 г.: потери и приобретения. Ответы на вопросы // Средневековые тюрко-татарские государства: Сборник статей. Выпуск 5: Вопросы источниковедения и историография истории средневековых тюрко-татарских государств. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. С. 139–153.

Паньков И.П. Чуваши в составе Казанского ханства // Материалы по истории Чувашской АССР. Вып. 1. Чебоксары, 1958. С. 84–106.

Петрова О.Н. Средневожские народы в политических и социально-экономических условиях Казанского ханства. Автореф. дис. ... к.и.н. Чебоксары, 2004. 21 с.

Платонов С.Ф. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. СПб.: Стройлеспечать, 1993. 736 с.

Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб.: Акрополь, 1995. 336 с.

Подобедова О.Л. Московская школа живописи при Иване IV. Работы в Московском Кремле 40–70 годов XVI в. М.: Наука, 1972. 198 с.

Покровский М.Н. Русская история с древних времен // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 1. М.: Мысль, 1966. 725 с.

Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 3. М.: Мысль, 1967. 671 с.

Похлебкин В.В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI веках. 1238–1598 годы: от битвы на р. Сити до покорения Сибири. М.: Международные отношения, 2000. 189 с.

Праздники и знаменательные даты православного и народного календаря. Жизнеописание святых. Обычай, гадания, поверия, приметы. СПб.: Культ-информпресс, 1993. 224 с.

Источники и литература

Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV веков. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 326 с.

Присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству. Взгляд из XXI века. «Круглый стол» в Институте российской истории РАН. 14 ноября 2002 г. / Под ред. А.Н. Сахарова и В.В. Трепалова. М.: Ин-т российской истории РАН, 2003. 38 с.

Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство: эволюция социально-политической ситуации (XV–XVI вв.) // Актуальные проблемы истории государственности татарского народа. Материалы научной конференции (г. Казань, 25 апреля 2000 г.). Казань: Институт истории АН РТ, 2000. С. 73–78.

Рахимзянов Б. Русские летописи о правлении касимовских ханов в Казани (первая половина XVI в.) // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Сборник статей. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2004. С. 147–163.

Рахимзянов Б.Р. Русские княжества и наследники Золотой Орды в XV веке: Начальная история Касимовского ханства // ROSSICA ANTIQUA: исследования и материалы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 360–386.

Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. 207 с.

Рашитов Ф.А. История татарского народа: с древнейших времен до наших дней. Саратов: Регион, 2001. 288 с.

Ржига В.Ф. Опыт по истории русской публицистики в XVI веке. Максим Грек как публицист // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. I. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 5–120.

Романенко Е.В. Повседневная жизнь русских средневековых монастырей. М.: Молодая гвардия, 2002. 325 с.

Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI веков. М.: Наука, 1974. 112 с.

Рыбаков Б.А. Предисловие // Полное собрание русских летописей. Т. 37. Л.: Наука, 1982. С. 3–11.

Рыбаков С.В. Предпосылки и условия вхождения народов Волго-Уральского региона в состав России // Россия и Удмуртия: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства (г. Ижевск, 20–22 мая 2008 г.). Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2008. С. 261–270.

Источники и литература

Рыбушкин М. Краткая история города Казани. Ч.1. Казань: Типография Шевица, 1834. 161 с.

Рычков П.И. Опыт казанской истории древних и средних времен. СПб.: Императорская Академия наук, 1767. 196 с.

Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. СПб.: Императорская Академия наук, 1762. 332 с.

Саначин С.П. Об укоренившихся ошибках в историографии ханской Казани (часть 1) // Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. статей. Вып. 2. Казань: Ихлас, 2010. С. 122–128.

Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1960. 317 с.

Сахаров А.М. Международное положение русских земель и внешняя политика Руси в 60–80-х годах XV века // История СССР с древнейших времен до 1861 года. Т. 1. М.: Мысль, 1964. С. 225–228.

Сахаров А. Казань в судьбах России // Родина. 2005. № 8. С. 12–17.

Ситдииков А. Некоторые аспекты топографии ханской Казани // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Материалы научного семинара «Казанское ханство: актуальные проблемы исследования». Казань: Фен, 2002. С. 160–206.

Селезнев Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV веках. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2013. 472 с.

Ситдииков А. Археологическое изучение ханской Казани (материалы исследований Казанского кремля 1994–2003 гг.) // Татар археологиясе. 2005. № 1–2 (14–15). С. 24–62.

Ситдииков А. Столица ханства // Родина. 2005. № 8. С. 52–56.

Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М.: Наука, 1983. 250 с.

Скрынников Р.Г. История Российская. IX–XVII века. М.: Весь мир, 1997. 496 с.

Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. 768 с.

Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. Т. 27. М., 1948. С. 18–66.

Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х гг. XVI в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 516 с.

Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 2. Т. 3–4. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1988. 765 с.

Источники и литература

Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 3. Т. 5–6. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1989. 783 с.

Солодкин Я.Г. О времени создания «Казанской истории» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 52. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 615–623.

Тагиров Э.Р. Татарстан: национально-государственные интересы. (Политическое эссе). Казань: Фен, 1995. 154 с.

Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань: Татарское кн. изд-во, 2000. 310 с.

Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М.: Наука, 1967. 539 с.

Татищев В.Н. История Российская. Т. III. М.: АСТ: Ермак, 2005. 860 с.

Тихомиров М.Н. Присоединение Чувашии к Русскому государству // Советская этнография. 1950. № 3. С. 93–106.

Тихомиров М.Н. Предисловие // Полное собрание русских летописей. Т. 26. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 3–8.

Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М.: Наука, 1973. 424 с.

Тихомиров М.Н. Древняя Москва XII–XV веков. Средневековая Россия на международных путях XIV–XV веков. М.: Наука, 2000. 430 с.

Трепавлов В. Приключения «Чудес творений»: из ханской библиотеки в Казани в «либерию» Ивана Грозного // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1999. № 3/4. С. 35–49.

Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Восточная литература РАН, 2001. 752 с.

Трепавлов В.В. Казанское ханство // Преподавание истории в школе. 2002. № 7. С. 26–32.

Трепавлов В. Падение Казанского ханства и Ногайская орда // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Сборник статей. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2004. С. 177–199.

Трепавлов В.В. Белый царь: Образ монарха и представление о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Восточная литература РАН, 2007. 255 с.

Трепавлов В.В. «Орда самовольная»: Кочевая империя ногаев XV–XVII вв. М.: Квадрига, 2013. 224 с.

Урманче Ф. Как черное выдать за белое, или последствия «прогрессивных» завоеваний // Идель. 1992. № 5–6. С. 69–77.

Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI веков. Казань: Изд-во Казанского университета, 1979. 318 с.

Устрялов Н.Г. Русская история до 1855 года, в двух частях. Петрозаводск: Корпорация «Фолиум», 1997. 958 с.

Файзрахманов Г. Взаимоотношения Сибирского и Казанского ханств // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Материалы научного семинара «Казанское ханство: актуальные проблемы исследования». Казань: Фен, 2002. С. 135–140.

Файзрахманов Г.Л. История татар Западной Сибири: с древнейших времен до начала XX века. Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. 431 с.

Фахрутдинов Р.Г. Казанские ханы // Татарстан. 1994. № 3. С. 47–52.

Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа и Татарстана. Казань: Татар. кн. изд-во, 1995. 218 с.

Филлошкин А.И. Термины «царь» и «царство» на Руси // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 144–148.

Филлошкин А. Правое плечо: татарская служба на Руси // Родина. 2005. № 8. С. 73–81.

Филлошкин А.И. Андрей Курбский. М.: Молодая гвардия, 2008. 299 [5] с.: ил.

Фирсов Н.А. Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. Казань: В университетской типографии, 1866. 267 с.

Фирсов Н.Н. Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. Казань: Гос. изд-во, 1920. 136 с.

Фукс К.Ф. Краткая история города Казани. Казань: В университетской типографии, 1817. 60 с.

Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань: Фэн, 1994. 164 с.

Хамидуллин Б.Л. Образование Казанского ханства: Этнический и социальный аспекты // Этнографическое обозрение. 1999. № 4. С. 82–94.

Хамидуллин Б.Л. История Казанского ханства в трудах татарских историков конца XIX – начала XX веков. URL: <http://www.tataroved.ru/publication/tthan/9.html> (дата обращения: 21.01.2009).

Хамидуллин Б. Предыстория Казанского ханства: образование и этническая история Казанского «княжества» (постановка проблемы) // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Материалы научного семинара «Казанское ханство: актуальные проблемы исследования». Казань: Фен, 2002. С. 96–116.

Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. Казань: Тат. кн. изд-во, 2002. 335 с.

Хамидуллин Б.Л., Измайлов И.Л. Отечественная историография Казанского ханства 1960–80-х годов // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. статей. Вып. 1. Материалы всероссийской научно-практической конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья в XVI–XIX вв.», посвященной 80-летию юбилею доктора исторических наук С.Х. Алишева (г. Казань, 24 марта 2009 г.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 85–91.

Хеллер К. Золотая Орда и торговля с Западом // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань: Институт истории АН РТ, 2001. С. 111–128.

Хорошкевич А.Л. Образование единого Российского государства // История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. II. М.: Наука, 1966. С. 105–141.

Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI века. М.: Наука, 1980. 294 с.

Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 336 с.

Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.: ИНСАН, 1991. 320 с., карт.

Худяков М. Татарская Казань в рисунках XVI столетия // Татар археологиясе. 2002–2003. № 1–2 (10–11). С. 9–31.

Хузин Ф. Древняя Казань в документах и материалах // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1995. № 5. С. 34–54.

Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. 900 с.

Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 372 с.

Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы «Казанского войны» (1545–1549) // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 6. М., 1954. С. 187–257.

Шмурло Е.Ф. История России. 862–1917 годы. М.: АГРАФ, 1997. 736 с.

Шмыкова М.Л. Идеологическое обоснование внешней политики Русского государства в середине XVI века (на примере присоедине-

ния Казанского и Астраханского ханств) // Россия и Удмуртия: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства (г. Ижевск, 20–22 мая 2008 г.). Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2008. С. 284–294.

Щербатов М.М. История Российская от древних времен. СПб., 1781. Т. 4. Ч. 1. 598 с.; СПб., 1783. Т. 4. Ч. 2. 542 с.; СПб., 1786. Т. 5. 485 с.

Эмирхан Р., Имамов В. Татарларның Ватан сугышы. Яр Чаллы: «КАМАЗ» газета-китап нәшрияты, 1993. 80 б.

Эхмәтжанов М. Казан ханнары тарихыннан // Идел. Казан, 1994. № 11. Б. 60–65.

Юрганов А.Л. Символ Русского государства и средневековое сознание // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 118–132.

De Madariaga I. Ivan the Terrible. New Haven; London: Yale University Press, 2005. 484 p.

Faroqhi S. Approaching Ottoman History. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 262 p.

Faroqhi S. The Ottoman Empire and the World Around It. London: I.B. Tauris, 2004. 290 p.

Fennel J. Ivan the Great of Moscow. London: Macmillan, 1961. 373 p.

Findley C. Turks in world history. New York: Oxford University Press, 2005. 300 p.

Hosking G. Russia and the Russians: A History. Cambridge: Harvard University Press, 2004. 312 p.

Keenan E. Muscovy and Kazan: Some Introductory Remarks on the Patterns of Steppe Diplomacy // Slavic Review. 1967. Vol. 26. № 4. P. 548–558.

Keenan E.L. Coming to Grips with the Kazanskaya Istoriya. Same Observation on Old Answers and New Questions // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U.S. 1968. Vol. XI. 1964–1968. № 1–2. P. 144–177.

Khodarkovsky M. Russia's steppe frontier: the making of a colonial empire, 1500–1800. Bloomington: Indiana University Press, 2002. 290 p.

Martin J. Medieval Russia: 980–1584. New York: Cambridge University Press, 2007. 507 p.

Источники и литература

Ostrovski D. *Muscovy and Mongols: Cross-cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 329 p.

Pritsak O. *Moscow, the Golden Horde, and the Kazan Khanate from a Polycultural Point of View* // *Slavic Review*. 1967. Vol. 26. № 4. P. 577–583.

Riasanovsky N., Steinberg M. *A history of Russia*. New York: Oxford University Press, 2005. 665 p.

Справочные издания

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1–2. Л.: Наука, 1988, 1989. 517, 528 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–27. М.: Наука, 1975, 1975, 1976, 1977, 1978, 1979, 1980, 1981, 1982, 1983, 1986, 1987, 1987, 1988, 1989, 1990, 1991, 1992, 1994, 1995, 1995, 1997, 1996, 2000, 2000, 2002, 2006. 375, 323, 291, 406, 395, 363, 407, 335, 363, 331, 458, 386, 322, 314, 290, 298, 298, 290, 274, 290, 289, 306, 258, 257, 282, 285, 279 с.

Срезневский И.И. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Т. 1–3. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1893, 1902, 1912. 1420, 1802, 1684 стб.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- 1 Ин. – Первое послание Иоанна Богослова (Библия, Новый Завет)
1 Мак. – Первая Маккавейская книга (Библия, Ветхий Завет)
1 Пет. – Первое Послание Петра (Библия, Новый Завет)
1 Цар. – Первая книга Царств (Библия, Ветхий Завет)
2 Езд. – Вторая книга Ездры (Библия, Ветхий Завет)
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси
Быт. – Книга Бытие (Библия, Ветхий Завет)
Вт. – Второзаконие (Библия, Ветхий Завет)
Деян. – Деяния Святых Апостолов (Библия, Новый Завет)
Евр. – Послание к Евреям (Библия, Новый Завет)
Иак. – Послание Иакова (Библия, Новый Завет)
Иез. – Книга пророка Иезекииля (Библия, Ветхий Завет)
Ис. – Книга пророка Исаии (Библия, Ветхий Завет)
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории (с 1996 г. Институт языка, литературы и искусства)
Лев. – Книга Левит (Библия, Ветхий Завет)
Лк. – Св. Евангелие от Луки (Библия, Новый Завет)
МГИАИ – Московский государственный историко-архивный институт
Мф. – Св. Евангелие от Матфея (Библия, Новый Завет)
Ос. – Книга пророка Осии (Библия, Ветхий Завет)
Откр. – Откровение Иоанна Богослова (Библия, Новый Завет)
Плач. – Плач Иеремии (Библия, Ветхий Завет)
Прем. – Книга Премудрости Соломона (Библия, Ветхий Завет)
Притч. – Притчи (Библия, Ветхий Завет)
Пс. – Псалтирь (Библия, Ветхий Завет)
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РАН – Российская академия наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
Суд. – Книга Судей (Библия, Ветхий Завет)
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы
ЧНИИ – Чувашский научно-исследовательский институт

Аксанов Анвар Васильевич

**Казанское ханство и Московская Русь:
Межгосударственные отношения в контексте
герменевтического исследования**

Монография

Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева, Л.С. Гиниятуллина*

Подписано в печать 10.02.2016 г. Формат 60×84 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 18,0 Тираж 500 экз.

Отпечатано в множительном центре

Института истории АН РТ

г. Казань, Кремль, подъезд 5

Тел. (843) 292–95–68, 292–18-09

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф